

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Корсары
Южных морей

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука)

Эмилио Сальгари

**Корсары Южных
морей (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1909, 1910, 1915

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э.

Корсары Южных морей (сборник) / Э. Сальгари —
«Азбука-Аттикус», 1909, 1910, 1915 — (Мир приключений
(Азбука))

ISBN 978-5-389-14067-7

Эмилио Сальгари (1862–1911) современники называли «итальянским Жюлем Верном». В юности, во время учебы в мореходном училище, он захлеб читал романы французского корифея приключенческого жанра и в итоге последовал по стопам своего кумира, написав около двухсот романов и рассказов. И хотя автор никогда не покидал Адриатики, зато его романтические и благородные пираты избороздили все моря-океаны. В знаменитую трилогию Сальгари «Корсары Южных морей» вошли романы «Корсары Бермудских островов» (1909), «Поход „Громовержца“» (1910) и «Необычайные приключения корсара на озере Шамплейн» (1915), прежде никогда не публиковавшиеся в России. Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-14067-7

© Сальгари Э., 1909, 1910, 1915
© Азбука-Аттикус, 1909, 1910, 1915

Содержание

Корсары Бермудских островов	7
1. Погоня за корветом	7
2. Хитрый план	14
3. Отчаянная схватка	21
4. Восстание американцев	25
5. Обстрел Бостона	31
6. Сражение при Бридз-Хилле	37
7. Отчаянная вылазка	42
8. Заминированный каземат	47
9. Таверна «Тридцать бизоньих рогов»	54
10. Оксфорд-мэншн	60
11. Бретонец покоряет камеристку	67
12. Два брата	75
13. Звон шпаг	80
14. Губительное действие скорпионьей настойки	86
15. Дерзкие планы бретонца	91
16. Арест баронета	100
17. Исступление Каменной Башки	106
18. Бостонский палач	113
19. Форт Джонсон	119
20. Господин Гони Монету	125
21. Штурм форта	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Эмилио Сальгари

Корсары Южных морей (сборник)

© Т. Быстрова, перевод, 2017

© Л. Карцивадзе, перевод, 2017

© Т. Быстрова, Л. Карцивадзе, перевод, 2017

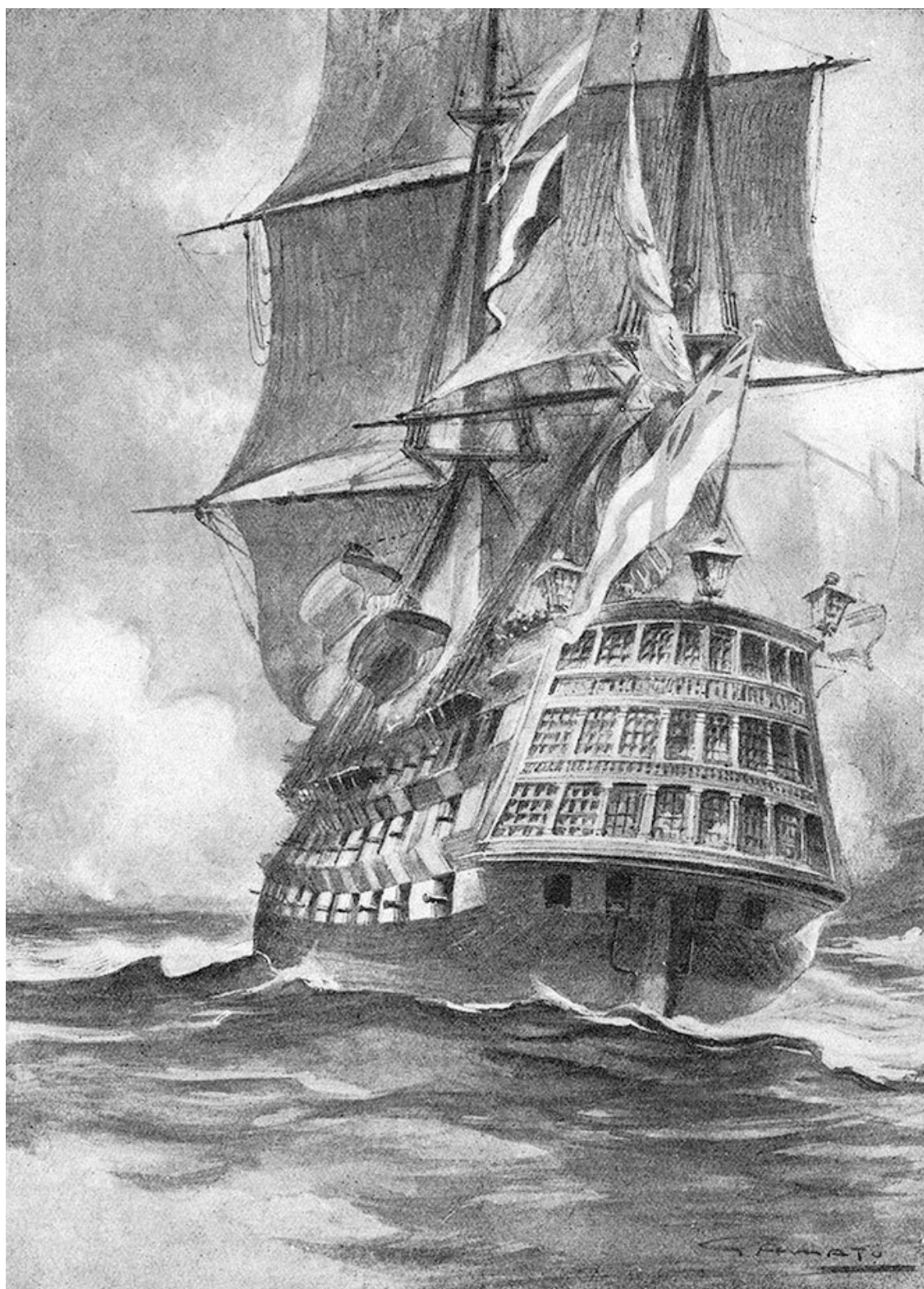
© А. Борисова, статья, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Корсары Бермудских островов

1. Погоня за корветом

Свинцовые тучи, гонимые западным ветром, стелились над Атлантикой, скрывая солнце. Отсвечивая солнечными всполохами, волны с рокотом бежали по бескрайним просторам, раскинувшимся между американским побережьем и четырьмя сотнями Бермудских островов, которые, словно бесчисленные редуты, окружили Мейн-Айленд – единственный обитаемый остров огромного архипелага, затерянного посреди великого восточного океана.

Два судна неслись на полных парусах, мягко покачиваясь на гребнях волн, с грохотом бивших в правый борт. Прохладный юго-западный ветер раздувал паруса, свистя между снастями.

По правому борту первого корабля – легкого, длинного, но вместительного корвета – были установлены двадцать четыре пушки, а на корме, на квартердеке, и на просторной носовой надстройке, баке, помещались, удерживаемые тросами, четыре огромных абордажных орудия.

Как мы уже сказали, корвет шел под всеми парусами, не исключая бом-брамселей. Даже на низких реях, стенах и топах развешивались поставленные в помощь прямым парусам лисели и ундер-лисели.

За корветом следовала небольшая толстобокая джонка, на палубе которой виднелось всего несколько орудий.

Народу на каждом из двух кораблей имелось предостаточно.

На верхушке грот-мачты корвета пламенел алый флаг, объявлявший войну всему и вся, а над джонкой полоскалось бело-синее полосатое полотнище без звезд – в то время бывшие британские колонии еще не объединились в Соединенные Штаты.

Было время ужина, и на палубе корвета полторы сотни матросов всех цветов кожи с завидным аппетитом, подобающим морскому волку, поглощали ужин. Широко расставив ноги, чтобы не упасть во время качки, и держа миски в треуголках из просмоленной кожи, они жадно уписывали треску и мечтали об освобождении от вахты.

Внезапно с грот-мачты донесся крик, от которого многие вздрогнули:

– Слева по борту! – На пару мгновений несущий вахту на марсе дозорный смолк, но вскоре его голос вновь настойчиво воззвал к команде: – Два судна по левому галсу! Идут за нами!

В тот же миг миски полетели в воду вместе с нехитрыми харчами. Сотня человек кинулась к фальшбортам, ощерившимся дулами длинноствольных аркебуз и нарезных английских ружей. Остальные бросились к батарее, готовые дать залп из всех двадцати четырех орудий.

Высокий чернобородый помощник капитана, видный мужчина лет тридцати, сверкающий властным взором, продолжал невозмутимо прогуливаться по капитанскому мостику, не вынимая изо рта трубки. Он лишь поднял взгляд и обратил его в сторону горизонта.

Через пару минут сверху вновь долетел крик марсового:

– Они нагоняют нас! Оба!

Остановившись, старпом вынул изо рта трубку и, выпустив огромный клуб дыма, спокойно осведомился:

– Ты уверен, Малыш Флокко?

– Да, мистер Говард.

– Фрегаты или линейные корабли?

– Их огни приближаются очень быстро, а все-таки, похоже, это линейные корабли.

– Черт подери! – буркнул Говард. – Это меняет дело. Нужно оповестить баронета. Каменная Башка! – выкрикнул он.

Тотчас из-за пары тяжелых орудий выскочил и спрыгнул с бака на палубу коренастый человек, мускулистый и косматый, как горилла, с проседью в бороде и непомерно большой головой.

– Вот он я, мистер Говард! – хрипло отозвался моряк.

Всей наружностью и тяжелой поступью он походил на американского медведя гризли. Однако сей косолапый увалень был сыном древней Арморики – каменистой родины отчаянных бретонцев, издавна дарившей Франции ее лучших мореходов.

Уморительно переваливаясь, гигант неспешно пересек палубу и поднялся на капитанский мостик, на ходу вынимая из пасти огромную трубку, которую он с таким наслаждением посасывал.

– Слушаю, господин старпом! – выпалил он, откозыряв по-военному.

– Что скажешь, боцман? – осведомился мистер Говард, внимательно поглядев на него.

– Скажу, господин помощник капитана, что у нас двадцать четыре превосходных орудия и четыре абордажные пушки, – отвечал бретонец.

– А если это линейные корабли?

– Что ж, тогда дело нешуточное, мистер Говард. Но у нас на борту полторы сотни сорвиголов под командой доблестного сэра Уильяма.

– А про джонку ты, часом, не забыл?

– Ну да... С ней мы, пожалуй, хлебнем лиха, – почесал в затылке Каменная Башка. – Если бы только мы могли использовать орудия с джонки... Но порох необходим нашим друзьям для осады Бостона.

– Ну так будем же беречь наш порох, благо его еще два десятка бочонков. – Пороховой склад на борту во время боя? С ним беды не миновать.

– Знаю... Позови капитана.

– Хм... Он в дурном расположении духа. Сам не свой с тех пор, как повстречал капитана джонки на Бермудах.

– Молчи! Много ты знаешь о том, что на уме у сэра Уильяма.

– Да уж где мне... Велика тайна... Наверняка все из-за какой-нибудь вертихвостки, чтоб их черти унесли!

И тут уже в третий раз с грот-мачты донесся крик марсового:

– Они нас нагоняют!

Каменная Башка заворочал толстой шеей, озираясь по сторонам.

– Нагоняют... – пробормотал он. – Э-хе-хе... Не лучшее теперь время для абордажа. Кто знает, что еще удумает наш баронет, не успеет солнце выйти из-за туч.

– Довольно, Каменная Башка! – осадил его помощник капитана. – Чешешь языком не хуже кумушек из Иль-де-Ба.

– Где ты, городок мой родной... – шумно вздохнул бретонец с сокрушенной улыбкой, затем, тяжело ступая, спустился по трапу и, спрятав трубку в треуголку, направился к капитанской каюте. – Тысяча чертей! – пробормотал он себе под нос. – Как пить дать, капитан снова встал не с той ноги. С тех самых пор, как мы оставили Бермуды, он будто околдованный. Здесь уж точно не обошлось без какой-нибудь жеманницы. Мэри! Сколько раз я слыхал, как он бормочет это имя. Мэри! Что еще за треклятая ведьма? Я-то в свои двадцать годков, вместо того чтобы волочиться за юбками, ушел в море и, слава богу, доволен. Ветер, солнце и синь без конца и края... Это вам будет получше всех синих глаз девчонок из наших краев. Эх! Уж эти мне молодые!

Продолжая ворчать и разводить руками, Каменная Башка спустился по лестнице и замер на пороге, запустив пятерню в седеющую гриву.

– Клянусь Иль-де-Ба, – проворчал он себе под нос, – капитан снова не в духе.

Возвещая о своем приближении слоновьим топотом, боцман прошел по коридору и толкнул плечом дверь.

Взгляду его открылся изящный салон. В высоком серебряном канделябре горели свечи. Голубые шелковые гардины на иллюминаторах были отделаны брюссельским кружевом. Между двумя оттоманками, обтянутыми красным и желтым шелком, за письменным столом черного дерева сидел высокий молодой человек лет двадцати семи. Он был хорош собой, хотя и несколько бледен, с синими глазами и светло-рыжей бородкой. Того же оттенка вол-

нистые волосы свободно падали на плечи за отсутствием обычного, завитого и напудренного, белого парика.

Молодой человек был изрядно пьян. На столе перед ним стояли бутылка и бокал с вином, искрившимся в пламени свечей. Казалось, хозяин каюты погружен в сладкие грезы. Увидев на пороге боцмана, он слегка вздрогнул.

– Каменная Башка... – недовольно поморщился капитан. – Чего тебе? Дурная голова ногам покоя не дает? Разве мистер Говард не на мостике?

Тряхнув этой самой головой и бросив на молодого человека сочувственный взгляд, боцман ответил:

- Он-то меня к вам и послал, сэр Уильям.
- Что такое? Бунт на борту?
- О нет, сэр.
- Так что же?
- Похоже, нас ожидает порядочная заварушка.
- На моем корабле?
- Нас преследуют две посудины.
- Всего две?

– Да, но мы ведь еще не знаем, фрегаты это или линейные корабли, капитан. В таком тумане сразу и не разберешь.

Баронет медленно поднял бокал и всмотрелся в него, словно пытаясь разглядеть на дне свою судьбу.

– Ты уверен, что их только два?

– Сами знаете, у Малыша Флокко глаз зоркий.

Сэр Уильям не без усилия поднялся, обошел письменный стол, схватился за эфес тяжелой абордажной сабли и вдруг, резко остановившись, спросил:

– Американцы или англичане?

– Во имя Иль-де-Ба! Сами знаете, у янки нет крупных судов! Это могут быть только англичане, отставшие от какой-нибудь эскадры с Антильских островов.

– Ты прав, Каменная Башка! А что команда? Люди волнуются?

– Веселого мало, когда за тобой гонятся два линейных корабля! А все-таки корвет наш крепкий и хорошо вооружен. Да и команда не промах. Самые отчаянные корсары с Бермудских островов. Такие мигом зададут пороху всякому сброду из Мексиканского залива.

– А что думает мистер Говард?

– Велел вашим людям готовиться к бою. Он не робкого десятка, уж вы мне поверьте.

– Иначе я и не взял бы его на службу, – улыбнулся баронет. Привалившись к столу, он скрестил руки на груди и, с минуту поразмыслив, спросил: – Скажи-ка, а что бы сделал на моем месте один знакомый боцман, матерая атлантическая акула?

– Уж я бы, клянусь Иль-де-Ба, смотал удочки еще до восхода солнца.

– Предлагаешь лечь на ложный курс?

– Да, капитан.

– А если не выйдет?

– Тогда пойдем на абордаж и станем рвать их и трепать, точно свора бешеных псов, а там будь что будет.

– Кто знает, сколько их... Может, пять сотен. А у нас всего двадцать восемь орудий да сто пятьдесят человек. Это опасная авантюра, а у меня нет ни малейшего желания умирать. Я должен во что бы то ни стало добраться до Бостона, – отвечал Корсар. – Э-эх, если бы за нами не тащилась проклятая джонка... Потопим ее к чертям!

– А как же бочонки с порохом? – изумился бретонец, глядя на капитана во все глаза. – Сами знаете, он до зарезу нужен американцам.

– Придется им довольствоваться тем порохом, что остался в трюме. Я не Господь Всемогуший. Надеюсь, в бритвах у нас на борту недостатка нет?

– В бритвах? Уж не хотите ли вы полосовать англичанам глотки?

– У нас полный трюм сундуков с дамскими платьями для красоток с Кубы. А еще куча шляпок, солнечных зонтиков, перчаток и вееров с того торгового судна из Белфаста. Достаточно, чтобы отделаться от англичан.

– С помощью бритв, юбок, зонтов и вееров?! – изумился бретонец. – Шутить изволите, сэр Уильям.

– Эта шутка сбережет мне порох, ядра и людей. Одна только джонка не вписывается в мой замысел.

– Видать, эта самая Мэри лишила его всякого соображения! – пробормотал Каменная Башка, в ужасе глядя на капитана. – Это его-то! Такого доблестного и отважного моряка!

Корсар поставил бокал и, вновь обойдя стол, оказался прямо перед изумленным бретонцем:

– Прикажи людям наточить бритвы и сбрить к чертям усы и бороды. Если нужна пудра, возьми у меня несколько шкатулок. Отоприте сундуки, что мы отбили у англичан, и пусть команда вырядится в женское платье. Да не забудьте зонтики, веера и перчатки! Чтoб до восхода солнца у нас на борту была чертова туча барышень, красоток и дурнушек.

– Во имя...

– Оставь уже свой Иль-де-Ба в покое, старая ты колокольня! – прикрикнул на боцмана капитан. – Ах да, джонка! Отправь несколько шлюпок, чтобы перевезти команду на корвет, пробей джонке борта и пусти ко дну.

– Что, вместе с порохом?

– Порох мы перевезти не успеем, старый ты пеликан! Если англичане застигнут нас врасплох при первых лучах солнца, моя шутка может плохо закончиться. И потом, нам еще предстоит избавиться от изрядного количества усов и бород, а восемь часов – это не так уж и много.

– И вы надеетесь увильнуть от боя при помощи бритвы?

– Конечно.

– Воля ваша, однако же...

– Ты сомневаешься?

– Немного.

– У тебя, говорят, есть любимая старая трубка?

– Ее купил в Смирне еще мой дед полтора века назад.

– Чудесно, – одобрил баронет. – Если моя маленькая шутка удастся, подаришь мне эту семейную реликвию. Если же нет – получишь от меня сто гиней. Соберешь их со дна морского после боя, потому что баронет Уильям Маклеллан умирает, но не сдается. Ну ступай же, Каменная Башка!

Бретонец еще несколько мгновений потоптался на пороге, а затем вышел вон развалистой походкой моряка.

Сэр Уильям же, оставшись в одиночестве, снова уселся за стол.

– Мэри! – прошептал он. – Чтобы Мэри стала его женой? Никогда! Никогда!.. Подлец, в чьих жилах течет кровь моего отца, похитил ее у меня, но я этого так не оставлю! Шотландцы называют меня бастардом. Мой собственный брат зовет меня бастардом, ведь моя мать не какая-нибудь там леди Анна, герцогиня Аргайлская. Разве виноват отец, что полюбил другую, на которой не мог жениться? Да, я не маркиз Галифакс. Георг Четвертый даровал мне титул, и все же я, наполовину шотландец, вынужден обратить оружие против Англии. Будь что будет, я верну Мэри или погибну под стенами Бостона!

Он пригладил рыжеватые волнистые пряди, взял со стола пару тяжелых пистолетов и проворно взошел по трапу на капитанский мостик, пробормотав:

– Поглядим, как там наши цирюльники.

2. Хитрый план

Звезды одна за другой исчезали с небес, уступая место восходящему солнцу. Ветер рассеял дымку, окутывавшую корабль до заката. Несмотря на легкое волнение, все обещало ясный день.

Корвет спокойно шел на полных парусах. Следовавшая за ним джонка ночью сгнула в океанской бездне вместе со своим грузом.

Тридцать моряков собрались у фальшбортов, делая вид, что любуются птицами, приветствовавшими исчезновение утренней звезды.

Баронет и его правая рука, мистер Говард, взволнованно мерили шагами капитанский мостик.

Два трехпалубных линейных корабля шли в бейдевинд. Их кормовые порты сверкали пушечными стволами, готовыми дать залп по корвету. На грот-мачтах пылали красные флаги – сигнал предстоящей битвы, а на бизанях красовались британские королевские штандарты. Суда неотвратно приближались на полных парусах, раздуваемых восточным ветром.

– Малыша Флокко не проведешь, – произнес, резко остановившись, сэр Уильям. – Орлиные глаза у мальчишки! Он станет настоящим моряком, не правда ли, мистер Говард? Что скажете?

– Скажу, что нас загнали в ловушку, – угрюмо отвечал помощник капитана.

– А я убежден, что мне удастся сыграть недурную шутку с этими левиафанами. Все ли успели сбрить бороды?

– И бороды, и усы, сэр Уильям.

– Все одеты?

– Трюм полон «женщин». Пусть наши «красотки» не слишком грациозны, издали они будут смотреться недурно.

– Особенно под зонтиками, – поддержал Корсар. – Если дело примет серьезный оборот, англичан ожидает прелюбопытное зрелище. Их корабли атакуют леди с железными мускулами, которые с саблями управляют лучше самых отъявленных головорезов из Мексиканского залива. А! Вот и предупредительный выстрел!

Ближайший к корвету корабль дал залп в воздух, требуя лечь в дрейф и поднять флаг.

– Поднять «Юнион Джек»! – скомандовал Корсар. – Теперь пусть мои милые «барышни» взойдут наверх и раскроют зонтики!

И вот к верхушке бизань-мачты гордо взвился красно-синий британский флаг. Почти сразу же на палубу, бак и шканцы высыпали десятки элегантных леди в шляпках и перчатках. Сотня нарядных ярких зонтиков раскрылась в единый миг, будто цветочные венчики на лугу.

Стоит ли говорить, что под зонтиками пряталось немало безобразных физиономий? К счастью, на таком удалении английским морякам было не различить черты «юных прелестниц».

Корсар направил подзорную трубу на первый линейный корабль, который медленно разворачивал паруса, пытаясь подойти к корвету с подветренной стороны, чтобы тот оказался зажат между двумя британцами.

Расстояние между судами сократилось, и сэр Уильям смог различить в подзорную трубу, как изумило англичан неожиданное появление «милых дам» под разноцветными зонтиками. Английские моряки дружно поспешили к левому борту и, размахивая треуголками и платками, приветствовали леди.

– Добрый знак! – пробормотал сэр Уильям.

Еще несколько флажков взвилось на грот-мачте линейного корабля, приказывая сообщить название корвета.

Помощник капитана дал ответный сигнал:

– «Громовержец».

– Откуда следуете?

– С Бермудских островов.

– Кто эти леди?

– Корвет принял их на борт с лишившегося мачты французского судна около пары суток назад.

– К какой эскадре вы принадлежите?

– Адмирала Родни, – просигналили в ответ.

– Эскадра уже добралась до Антильских островов?

– Еще нет.

– Следуйте дальше и остерегайтесь американских пиратов. Их полно в этих широтах.

Британские флаги были трижды опущены и подняты, а затем корвет, прежде шедший против ветра, быстро развернул паруса и устремился на юго-восток. В действительности капитан его собирался плыть в другом направлении, но прибег к уловке, чтобы обмануть неприятеля.

Оба линейных корабля, пройдя еще несколько миль за корветом, решительно повернули на восток, как видно к осажденному американцами Бостону.

– Ну а теперь что скажете, мистер Говард? – поинтересовался сэр Уильям, продолжая наблюдать за противниками в подзорную трубу.

– Скажу, что подобная затея могла прийти в голову только вам, – отвечал помощник. – Н-да, долго еще наши люди будут потешаться, вспоминая нынешний маскарад. Он спас многих из них от верной гибели. И все-таки расслабляться рано. У англичан могли возникнуть подозрения.

– Ну так будем держать ухо востро, мой дорогой мистер Говард. На прежний курс ляжем только глубокой ночью.

Между тем на мостике появился боцман. В здоровенных ручищах Каменная Башка сжимал источенную червями деревянную шкатулку. Внутри выдавшего виды ларца заключалась трубка, адски черная, как будто обугленная, и нестерпимо воняющая крепким дешевым табаком.

– Капитан, – пробасил боцман, отдав неуклюжий поклон, – вы выиграли спор. Трубка ваша.

Баронет расхохотался.

– А ведь верно, я победил! – отвечал он, отсмеявшись. – Стало быть, теперь легендарное сокровище из Малой Азии принадлежит мне? Да ведь я нипочем не стану курить эту рухлядь. Оставь-ка ее лучше себе и прими от меня гинею. Выпьешь за мое здоровье под стенами Бостона.

– Во имя Иль-де-Ба! – воскликнул старый морской волк, поспешив упрятать в глубокий карман золотой и фамильную реликвию. – Жизнь за вас отдам, капитан. Только скажите!

– Из-за какой-то трубки?

– Это же фамильная реликвия, сэр Уильям, – укорил капитана помощник. – Реликвия знатного рода!

– Да, рода завязтых курильщиков, – важно вставил боцман.

– Ладно. Иди выпей, я разрешаю, – отослал его баронет.

Каменная Башка, который давно разменял пятый десяток, описал пируэт с легкостью юнги и, отдав честь, стремительно сбегал вниз по трапу с криком:

– Малыш Флокко! Сюда!

Смуглый, как алжирец, юноша лет двадцати, черноглазый и черноволосый, проворнее акробата соскользнул с мачты и одним прыжком приземлился едва ли не на спину боцмана:

– Я здесь!

– У меня в кармане гиней, сынок.

– Вот так так! Когда это я стал вашим сынком? Хотя за гиней соглашусь на что угодно!

– Ах ты, проклятый мошенник! Я тебя, считай, усыновил.

– Ну так буду надеяться на богатое наследство!

– Получишь его в Иль-де-Ба, если туда доберешься! Баронет позволил мне пропустить стаканчик. А кто не знает, что моряцкие стаканы больше иной бутылки? Пойдем, составишь мне компанию, маленький негодяй!

Друзья направились к камбузу, а тем временем моряки, уже не походившие на юных леди, собрались на палубе, хохоча до упаду. Нечего сказать, славную шутку они сыграли над англичанами!

Тем временем оставшийся на мостике капитан с тревогой всматривался в лазурную морскую гладь, пересекаемую мощным потоком Гольфстрима. Английские линейные корабли давно скрылись за горизонтом, но беспокойство не покидало баронета.

«Что, если они продолжают следить за нами издалека? – спрашивал он себя. – Что, если та черная точка на морской синеве – шлюпка, оставленная, чтобы приглядывать за нами? Шутка может дорого нам обойтись».

Мистер Говард, внимательно наблюдавший за капитаном, угадал причину его беспокойства.

– Ветер нам благоприятствует. С Божьей помощью мы сможем отойти к побережью Флориды, – произнес помощник капитана. – Несколько лишних дней не решат судьбу американцев. – Он замолчал.

Внезапно суровая складка прорезала высокий лоб Корсара.

– Мистер Говард, – произнес он сдавленно, – пригласите ко мне капитана затопленной джонки. Я должен его видеть.

– Что с вами? Вы на себя не похожи, сэр Уильям.

– Что поделаешь... Вам не понять, какие бури бушуют у меня внутри... Я подожду капитана в каюте.

Корсар спустился с мостика, окинул взглядом мерцавшую чешуей солнечных бликов синюю гладь и задумчиво побрел в каюту. Оказавшись там, он вновь уселся за письменный стол с неизменной бутылкой.

Крепкий кулак его грохнул по столу, с губ сорвались проклятия:

– К дьяволу мое треклятое сердце!.. Это же безумство чистой воды. Ну нет! В мои годы пора забыть безрассудства, бросить безумные фантазии. Когда же молодость останется позади? Старик Каменная Башка стократ счастливей меня. Однако не каждому дано родиться трюмной крысой.

Испустив тяжелый вздох, капитан резко поднялся. Кулаки его судорожно сжимались, как будто желая раздавить невидимых врагов. Он принялся вышагивать из угла в угол и вдруг остановился.

Вслед за Говардом в каюту вступил внушительного вида седобородый мужчина в летах. Бросив на корсара ясный взгляд на удивление синих глаз, он осведомился:

– Вы желали меня видеть, сэр Уильям?

– Да, полковник Молтри, – отвечал баронет. – Прошу вас повторить все, что слышали от леди Мэри Уэнтворт.

– Кажется, я уже все рассказал, мистер Маклеллан... Что еще вам угодно услышать?

– Боюсь, я кое-чего не уразумел.

– Если вы не придете на помощь, леди Мэри Уэнтворт против своей воли станет женой маркиза Галифакса.

– Никогда! Этому не бывать! – прорычал баронет. – Она поклялась быть верной Маклеллану!

– Знаю, – отвечал американский полковник. – Она во всем мне призналась. К несчастью для вас, она в руках маркиза, и Галифакс может воспользоваться осадой, чтобы принудить ее к нежеланному браку.

– Как по-вашему, способны ли люди, готовые на все, прорваться в Бостон? – спросил баронет, отирая испарину со лба.

– Разве что по подземному ходу, ведущему к редутам Корно.

– А он, конечно, хорошо охраняется?

– Естественно, сэр Уильям, – кивнул полковник.

– Что ж, не важно. Мы пробьемся, проникнем в город по подземному ходу, чего бы это ни стоило. – Корсар в волнении провел рукой по нахмуренному лбу. – Кто бы мог подумать, – в гневе воскликнул он, – что единокровный брат опустится до того, чтобы украсть мою невесту! И все-таки, полковник, именно это он и сделал.

– Как, разве вы сын маркиза Галифакса? – удивился американец.

– Да, оказавшись во Франции, мой отец – он к тому времени остался вдовцом – полюбил девушку дворянского рода, юную и прелестную. Она ответила ему взаимностью. Я родился в самый разгар Фландрской кампании. Отец мой пал на поле боя. Ненадолго его пережив, вскоре скончалась и матушка, оставив меня сиротой и завещав мне замок в Турени и обширные земельные владения. Меня растил старый слуга, бывалый рубака, который ловко орудовал клинком. Со временем родные места стали мне ненавистны, и я уехал в Бретань, где владел небольшим поместьем на морском берегу. Уже в пятнадцать я был опытным моряком, к тому же неплохо управляющимся со шпагой. Сколько раз я водил баркасы контрабандистов! Сколько раз во время войны гнал испанцев до самого Бискайского залива!

В двадцать пять я на своем «Громовержце» прогремел на весь Ла-Манш. Корвет мой ходил под французским флагом. Однажды, когда я вернулся в свое шато после долгого морского путешествия, меня посетил некий английский джентльмен. Ему было поручено передать мне бумаги от маркиза Галифакса.

В ту пору я почти ничего не знал об отце и не догадывался, что у него есть еще один сын, от первой супруги, герцогини Аргайлской. Я получил от маркиза королевский указ, дарующий мне, согласно последней воле отца, титул баронета. Теперь я должен был именоваться сэром Уильямом Маклелланом и в качестве такового приглашался оставить французские берега и посетить маркиза в его замке Аргайл, на одном из Гебридских островов. До тех самых пор я не сомневался, что в моих жилах течет лишь французская кровь.

В фамильном замке брат дал мне понять, что я не должен поднимать оружие против родины отца.

Слава удачливого корсара, опередив меня, уже распространилась по всей Англии, корвет мой хорошо знали на английских берегах. Я дал согласие более не возвращаться во Францию и не воевать против новой родины, но остался в море – уже под британским флагом.

Так минуло несколько лет. Зимой, когда на Гебриды обрушиваются свирепые бури, я возвращался в свое гнездо, надежную и глубокую бухту у замка Аргайл. Во время одного из таких визитов я встретил леди Мэри Уэнтворт, знатную шотландку из рода герцогов Лорн. Я полюбил ее с первого взгляда. Она, зная меня как отважного корсара, разделила мои чувства.

Как мне предстояло убедиться, уже тогда маркиз Галифакс пленился нежным блеском этой северной жемчужины. Он не сомневался, что какой-то бастард не сможет с ним

тягаться. И что же? Корсар победил. Наш союз казался решенным делом. Увы, я не ведал тогда, что так называемый брат без ума от моей невесты.

Мэри Уэнтворт открыла мне сердце лунной ночью на морском берегу, и скоро все было готово к свадьбе.

О, эта ночь!.. Обнявшись под луной, мы прислушивались к шуму волн. Вы, полковник, никогда не бредили морем. Вам не понять его великой поэзии. Божественные звуки...

Сэр Уильям, в сильном волнении шагавший по каюте, резко остановился, положил левую ладонь на рукоять сабли и продолжил дрогнувшим голосом:

– Я поплыл в Эдинбург за подарком для невесты. Да будет проклят тот день! Недельное путешествие разрушило мою жизнь.

– Но как? – спросил полковник Молтри.

– Семи дней маркизу оказалось достаточно, чтобы совершить самое подлое предательство.

Капитан вновь замолчал.

– Мистер Говард, – обратился он к помощнику, – налейте мне выпить. Горло так и пылает.

Старший помощник достал из поставца три бокала и, откупорив бутылку, полную янтарной жидкости, разлил вино по бокалам.

Корсар залпом опустошил бокал, несколько мгновений, не говоря ни слова, глядел на пенистые гребни позади корвета, а потом резко обернулся к гостю.

– Он похитил ее у меня, – прорычал капитан. – Похитил за пять дней до моего возвращения! И уплыл в Америку вместе с генералом Хау, которого поставили командовать немецкими наемниками, набранными в княжествах Гессен и Брауншвейг.

– Негодяй! – вскричал полковник.

– Не могу вам передать, что тогда со мной сделалось. Узнав, что войска генерала Хау отправлены в помощь бостонскому гарнизону, я сразу же собрал своих людей и отплыл за океан. Мы совершили безрассудный бросок через Атлантику, но, дойдя до Бермуд, узнали, что англичане уже достигли суши, а американские войска осаждают город. Отрекшись от новой родины, я снова стал корсаром и теперь утоляю жажду мести, сражаясь с кораблями, которые ходят под ненавистным мне британским флагом. И вот появляетесь вы, полковник, и я узнаю, что уже несколько дней леди Мэри Уэнтворт принуждают выйти за маркиза и она полагается лишь на меня. И я проникну в Бостон во что бы то ни стало!

Закончив говорить, он неожиданно склонился к открытому иллюминатору, сквозь который в каюту проникали солнечные блики:

– Черт! Пушечный выстрел! На мостик! Живо!

3. Отчаянная схватка

Когда все трое выбрались на палубу, корвет уже развернулся и теперь снова держал курс на американские берега. Поднявшийся ветер раздувал паруса, и судно шло со скоростью восемь-девять узлов в час.

Команда собралась на палубе и оживленно переговаривалась.

Корсар взошел на капитанский мостик и внимательно обозрел морские просторы в подзорную трубу.

– Ничего, – сказал он Говарду и полковнику. – А все-таки это был пушечный залп. Каменная Башка! – позвал он.

Тут же прервав задушевную беседу с неразлучным другом, Малышом Флокко, бретонец резвее лани подбежал к капитану.

– Ты слышал выстрел? – спросил его Корсар.

– Не слышал, а слух у меня отличный. Никаких таких пушечных залпов.

– Что же это было? Раскаты грома?

– Ну нет, сэр Уильям. Туч нигде не видать.

– Так что же это было, по-твоему?

– Я бы сказал, капитан, что за нами наблюдают.

– С тех двух линейных кораблей?

– Да, и я готов прозакладывать свою трубку, что очень скоро мы снова их увидим. К счастью, ветер нам благоприятствует. Сейчас мы даже фрегат оставим позади. Разве не так, сэр Уильям?

Корсар не отвечал. Низко опустив голову и сунув руки в карманы, он вышагивал по мостику. Казалось, он что-то бормочет про себя.

Но вот капитан остановился и, смерив взглядом боцмана, который невозмутимо попыхивал своей знаменитой трубкой, произнес:

– Прикажи команде готовиться к бою.

– А как же американцы?

– Пусть встают позади носовых орудий. Все они опытные стрелки, и я не сомневаюсь, что их ружья способны разнести капитанские мостики обеих английских посудин. Что ж, нельзя вечно оставаться баловнем судьбы... Однако же я полагаюсь на доблесть команды и быстрходность «Громовержца». Ты мой лучший канонир. Нацель-ка пушки на мачты этих тяжеловесных черепах. Пока мы идем под пятью-шестью парусами, тревожиться не о чем.

– Клянусь Иль-де-Ба, я нацеплю очки себе на нос, чтобы лучше их видеть. Разрази меня гром, если я не собою спешу с этих морских тихоходов!

– Я в тебе не сомневаюсь.

– Ставлю свою трубку, что...

– Проваливай к черту со своей зловонной реликвией!

Каменная Башка, посмеиваясь, спустился с мостика, проворно высек сноп искр из огнива и зажег фитиль, немедленно вспыхнувший ярким пламенем.

Достойный господин Говард спустился на палубу, чтобы разделить судьбу команды в неотвратимой схватке.

Еще ни один из кораблей не показался на горизонте, но каждый на борту «Громовержца» был готов лицом к лицу встретить опасность, уже витавшую в воздухе.

День шел к закату, а Малыш Флокко по-прежнему оставался на верхушке мачты, высматривая врага. Горизонт был пуст, и с заходом солнца бриз становился все свежее. Идя на всех парусах, великолепный корвет рассекал волны. Сэр Уильям ни на минуту не поки-

дал капитанского мостика. В напряжении всех чувств он ожидал невидимого врага, который вот-вот покажется на горизонте.

С заходом солнца крепчающий ветер заставил Корсара спустить лисели и ундер-лисели и поднять нижние паруса.

Казалось, тревога одолевала сам океан. Волны вздымались все выше, с грохотом разбиваясь о корму.

К девяти вечера и небо, и воду объял глубокий мрак. Только мелькающие изредка у самой поверхности медузы, увлекаемые Гольфстримом, высвечивались во тьме фосфоресцирующими шарами.

Моряки заняли свои места, готовые отразить атаку врага, который рассчитывает захватить корвет врасплох. Сэр Уильям оставался на мостике вместе с мистером Говардом. Казалось, к капитану вернулось хладнокровие и он на время забыл о леди Мэри Уэнтворт и маркизе. Его беспокойный взгляд скользил по темному горизонту.

Спустя еще час раздался крик зоркого Малыша Флокко:

– Тревога! Нас обошли с двух сторон! Это линейные корабли!

Помолчав немного, Корсар спросил:

– Мы взяты в клещи?

– Да, капитан.

– Клянусь святым Патриком, – процедил сквозь зубы сэр Уильям, – эти английские капитаны не могут пожаловаться на свои глаза. Как, скажите на милость, они отыскиали нас в такой крошечной тьме? Ну что ж... Надеетесь застичь нас врасплох? Это мы еще поглядим, любезные господа! – И капитан гаркнул: – Десять матросов – в трюм! Приготовьте свинцовые листы и деревянные пробки. Если они пробьют нам борта, быстро заделайте течи! – Затем он повернулся к помощнику: – Доверяю вам орудия на шканцах. О пушках на баке позаботится Каменная Башка.

Всего в шестистах метрах от корвета тьму прорезала яркая вспышка, прогремел пушечный залп. То был уже не предупредительный выстрел – стреляло орудие крупного калибра.

Корсар пригнулся, закрыв уши от невыносимого грохота.

– Задета верхушка фок-мачты! – прокричал он. – Что за бездарные канониры! Этим молодцам понадобилось два цепных ядра, чтобы малость повредить мачту!

Среди воцарившейся на корвете настороженной тишины послышались голоса помощника капитана и боцмана:

– Дадим ответный залп?

– Не сейчас! – прокричал сэр Уильям в переговорную трубу. – Не будем торопиться! Рулевой!

– Здесь, капитан!

– Идем в фордевинд, на север. Видите огромную тень?

– Да, капитан!

– Стреляйте по ней. Марсовые, готовься! Абордажные якоря к бортам!

Еще одна вспышка осветила море уже ближе, на среднем расстоянии, и очередное ядро просвистело над палубой, обезглавив марсового, спускавшегося по канату с абордажными кошками. Несчастный рухнул в воду, не успев и вскрикнуть.

– Клянусь святым Патриком, – воскликнул Корсар, – я не позволю губить моих людей! Дать бортовой залп! – И, снова схватив переговорную трубу, он прокричал: – Веселей, парни! Угостите англичан свинцом!

Корвет, гораздо более быстроходный и маневренный, чем тяжеловесные линейные корабли, начал обходить их, окутав неприятеля дымом и пламенем.

Грянули залпы бортовых батарей и четырех абордажных орудий. И стоило затихнуть грому пушек, как загрохотали мушкеты. Полсотни американцев, перевезенных с джонки, осыпали англичан градом пуль.

Оба британца не замедлили с ответными залпами.

Корабль, подошедший к корвету с подветренной стороны, первым открыл огонь из пушек, однако то ли английские канониры неверно оценили скорость противника, то ли внезапно нахлынувшая волна сбила их с прицела, но бортовой залп не достиг цели: ядра просвистели мимо кормы «Громовержца», не причинив ему никакого вреда.

Второй линейный корабль, занявший более выгодную позицию, был готов поддержать собрата. Ураган ядер обрушился на верхнюю палубу корвета, убив и искалечив с десятков моряков.

Ядро пронеслось возле самой головы Корсара, заставив его затаить дыхание. Однако мачты корвета не пострадали, и он по-прежнему птицей летел вперед.

– Стреляют, как новобранцы, клянусь святым Патриком! – усмехнулся Корсар. – Мистер Говард! Каменная Башка! Быстро вниз! Достать цепные ядра из кранцев!

И вновь корвет заволокло дымно-пламенной завесой.

Еще пять-шесть минут страшный грохот заглушал рев волн. Ядра, картечь и пули непрестанно свистели между тремя кораблями, однако англичане стреляли вслепую: в ночной тьме корвет удалялся, то и дело резко меняя курс, чтобы сбить с прицела врага.

Двадцать восемь орудий «Громовержца» под командой опытных канониров, твердо стоявших у портов, стреляли без промаха, выжидая удачной возможности ударить по британцам. Ядра и картечь крушили реи и такелаж английских линейных кораблей, но, пожалуй, самый серьезный урон врагу наносили доблестные американцы. Они неустанно и с удивительной точностью палили из тяжелых длинноствольных ружей.

И вот, когда корвет стал почти недосыгаем для пушек противника, линейный корабль, находившийся с подветренной стороны, молниеносным маневром преградил путь «Громовержцу».

Прорывав проклятие, сэр Уильям выкрикнул в переговорную трубу:

– Идем в бейдевинд! Травить канат! Готовь бизань! Лево руля! Готовимся к абордажу! Пали во имя святого Патрика! Захватим британца или пойдем ко дну! Каменная Башка! Мистер Говард! Цепными ядрами по рангоуту! Разнесем этого колосса на глиняных ногах!

Все было готово к ответному огню. Корвет вильнул влево и выпалил по трехпалубнику из двенадцати орудий. Резкий поворот вправо – и был открыт жестокий бортовой огонь. В ту же секунду четыре абордажных орудия выстрелили соединенными цепью ядрами по рангоуту противника.

В громыхание пушек вклинился сухой треск, и с бака донеслось громогласное:

– Ага! Мы достали этих чертовых клоунов! Чтоб мне Иль-де-Ба не видеть! Давно бы так! Ядро срезало им грот-мачту! Осталась одна труха! Раненой птичке не взлететь! Берегись, птичка!

Команда приветствовала радостным воплем мастерский выстрел старика.

– На абордаж! На абордаж! – надрывались полторы сотни глоток.

Линейный корабль накренился вправо под тяжестью высокой мачты, снесенной цепными ядрами почти под основание; теперь она лежала на палубе, верхушкой в воде. Обездвиженный британец уже не мог поднять паруса – легкая добыча для корсаров. Но что это? Перекрывая возбужденный гомон команды, готовый ринуться на абордаж, сталью прозвенел голос капитана:

– Отставить абордаж! Поворачиваем на запад! Прорвемся!

И умело управляемый корвет еще раз обошел медлительный линейный корабль, ударил из четырнадцати орудий по борту беспомощного британца и, проделав искусный маневр,

проскользнул между английскими судами, угостив их напоследок картечью из двух кормовых орудий.

Несколько выпущенных вдогонку ядер с шумом пронесли над «Громовержцем», угрожая его снастям, но слишком поздно. Подгоняемый попутным ветром корвет, неуязвимый для беспомощных залпов ста двадцати орудий, оставлял неприятеля далеко позади.

Говард продолжал вести огонь из двух кормовых пушек, прикрывая отход корвета. Тем временем Каменная Башка распорядился предать погребению в море тела погибших, а раненых перенести в кубрик, а затем невозмутимо раскурил свою трубку и поднялся на капитанский мостик.

– Кончено! Дали мы нюхнуть табачку проклятым красномундирникам! Каков курс, капитан?

– Идем к Бостону, – отвечал сэр Уильям. – Сколько наших погибло?

– Четырнадцать тел схоронили в море, – с тяжелым вздохом отозвался бретонец.

– А много ли раненых?

– Семеро лежат в кубрике, один навсегда останется калекой.

– Передай ему тысячу фунтов стерлингов.

– Ну и ну! Клянусь Иль-де-Ба, я бы сам себе ногу оттяпал за такие деньжищи! Черт с ней, с ногой! Купил бы баркас и ходил бы на нем, одноногий, по Ла-Маншу, рыбу ловил.

– Возьми четыре бочонка рома и угости моих храбрецов. Да смотри, чтобы они не перепились на радостях. Бостон уже рядом. И кто знает, что ждет нас в его бухте? Прорваться в город будет нелегко, а все-таки я не отчаиваюсь.

Канонада прекратилась, и английские линейные корабли остались далеко за темным горизонтом. Только ветер с воем рвал снасти.

Корвет неся через океан к американским берегам.

4. Восстание американцев

Четвертого июля 1776 года британские колонии, главным образом располагавшиеся вдоль восточного побережья Атлантического океана, приняли знаменитую Декларацию независимости и объявили, что намерены окончательно порвать с Соединенным Королевством Великобритании, которое на протяжении двух веков высасывало из них соки, ничего не предлагая взамен.

Непомерные налоги, навязанные Великобританией американским колониям, дабы покрыть грандиозные расходы на войны против французских и испанских Бурбонов, а также ущемление политических прав местных властей вызвали первую вспышку недовольства, и вскоре все восточные штаты пожаром охватило восстание. Следом взбунтовались некоторые западные и южные штаты.

Не имевшие средств на борьбу, плохо вооруженные, американцы с ликованием приветствовали июльскую декларацию, провозгласившую их независимость от Старого Света.

Вопреки ожиданиям врага из их рядов вышли умелые военачальники и государственные деятели во главе с великим Вашингтоном. Юные храбрецы становились под американские знамена, и могучей Великобритании была объявлена война.

Франция и Испания негласно помогали американцам. Отважные корсары снабжали повстанцев оружием и порохом, множество способных офицеров, не последним из которых был маркиз де Лафайет, поспешили предложить неискушенным в военном деле первопоселенцам свою шпагу, познания и самую жизнь.

Поначалу Великобританию не слишком беспокоила весть об отделении нескольких заморских владений. Могущественная держава полагала, что негоже ей бросать все силы на усмирение дерзких фермеров, хлопковых и табачных плантаторов и жалких торговцев, осмелившихся противопоставить себя ее мощи.

Однако Соединенному Королевству пришлось горько пожалеть о своей гордыне. Британцы столкнулись с грозным и упорным противником, готовым мужественно сносить все

ужасы войны, которая однажды принесет ему свободу и позволит поднять гордый звездно-полосатый флаг.

После первых же стычек американцы решили осадить Бостон, самый богатый и густонаселенный город штата Массачусетс. Расположенный на полуострове посреди великолепной бухты, способной вместить самые многочисленные эскадры и укрытый от атлантических валов длинным островом Нудзла, Бостон мог выдержать долгую осаду, особенно при поддержке «владычицы морей» Великобритании. Флот новоанглийских ополченцев состоял из небольших пиратских судов, вынужденных противостоять исполинским линейным кораблям.

В самом начале Войны за независимость британцы набрали для войны за океаном двенадцать тысяч наемников, по большей части немецких пехотинцев, славившихся своей выносливостью, и укрепили многочисленные форты, установив там тяжелую артиллерию. Сверх того, в Бостонской бухте разместилась целая эскадра фрегатов и линейных кораблей, дабы помешать европейским и бермудским пиратам снабжать американцев столь необходимыми оружием и амуницией.

Оборона Бостона была доверена трем опытным генералам: Хау, Клинтону и Бёргойну, к которым присоединились маркиз Галифакс и бригадный генерал Пиго, известные своими воинскими доблестями.

И тем не менее колонисты, поставившие под ружье двадцать тысяч новобранцев и пользовавшиеся поддержкой нескольких пиратских кораблей, плотно обложили Бостон, вынудив английский гарнизон укрыться за полосой укреплений.

Судьба поначалу благоприятствовала американцам и во время их вторжения в Канаду: отряду минитменов под командованием Итана Аллена удалось захватить форт Тикондерога и взять в плен весь его гарнизон. Юные бунтари были полны надежд. Ко всеобщему изумлению, американцы сумели перекрыть доступ к Бостону по суше и тем самым отрезать город от основных британских сил, лишив англичан возможности получать провиант и подкрепления с материка.

Штурмом город было не взять, особенно необстрелянным новоанглийским новобранцам; оставалось лишь ждать, когда если не голод, то пушки вынудят осажденных сдать позиции. Так началась длительная и тяжелая осада.

Однажды ночью, переправившись через бухту на баркасах и счастливо избежав встречи с английской эскадрой, ополченцы внезапно атаковали два лежащих близ Бостона острова, уничтожив урожай и захватив весь скот прибрежных поселений.

Этот удар оказался смертельным для бостонского гарнизона, и так уже вынужденного делить скудный провиант с верными британской короне поселенцами-лоялистами, оставшимися в Бостоне и поспешившими укрыться в нем с началом боевых действий.

Всего несколько дней спустя последовала новая успешная атака. Загнанные в угол осажденные, отчаявшись получить продовольствие, вынашивали план боевой вылазки, которая позволила бы им пополнить запасы съестного.

У англичан оставалось две возможности. Первая – прорваться через Бостонский перешеек и занять хорошо укрепленный колонистами форт Роксбери, чтобы затем захватить и разграбить округ Саффолк. Вторая – переправиться через реку Чарльз в расположенный к северу от Бостона Чарльзтаун, ударить по позициям повстанцев с высот между реками Уиллис-Крик и Мистик и опустошить земли округа Вустер.

Однако вожди повстанцев, вовремя предупрежденные многочисленными лазутчиками о планах неприятеля, позаботились о том, чтобы англичане не смогли добыть провиант. Повстанцы готовились испытать стойкость и доблесть своих солдат, которым еще не приходилось выдерживать свирепый натиск закаленного противника.

На помощь были призваны отряды, совершавшие набеги на близлежащие земли, чтобы обеспечить пропитанием американские войска. Несколько тысяч солдат под командованием полковника Уильяма Прескотта были посланы на защиту высот Банкер-Хилл, возвышавшихся над Чарлстоном.

Под покровом ночи юные ополченцы заняли Банкер-Хилл и в полной тишине закрепились на высотах Бридз-Хилл, что над Чарлстоном, где менее чем за восемь часов возвели редут, оснастив его множеством пушек. Одновременно повстанцы закрепились и вырыли траншеи и на других высотах над городом, расположенных на ближайшем полуострове, закрывавшем бухту.

Каково же было изумление англичан, когда около четырех утра в предрассветном тумане они узрели результат талантливой и смелой авантюры, осуществленной под защитой ночной тьмы без единого звука.

Первым забил тревогу дозорный с военного корабля. Капитан его самовольно, не дождавшись приказов адмирала, велел открыть огонь по редуту, представлявшему серьезную опасность для города.

В тревоге английские военачальники обратили всю мощь артиллерии фортов и военных кораблей против американцев, продолжавших возводить укрепления и успевших вырыть окопы почти до самых берегов реки Мистик.

Страшный бой продолжался от рассвета до заката. Королевские войска непрерывно осыпали ополченцев свинцом, однако те упорно окапывались и отстреливались, бомбардируя Бостон нагретыми до красного каления ядрами в надежде вызвать пожар. Только ночью осажденные прекратили огонь, не имея возможности и далее тратить боеприпасы. Американцы полностью достигли своей цели: Бостону предстояло испытать не только голод, но и все ужасы бомбардировки.

Так обстояли дела, когда бурной ночью сэр Уильям подвел свой корвет к устью Бостонской бухты, полный отчаянной решимости прорваться в город.

Раскаты канонады достигли слуха корсара и его людей, и, посчитав, будто свершилось нечто ужасное, они предпочли держаться вдали от берегов, пока океан, как всегда капризный, испытывал выносливость команды свирепым штормом.

Сэр Уильям, не веривший ни в бога ни в черта, а полагавшийся лишь на себя самого, ни на мгновение не покидал капитанского мостика. Расставив матросов на боевые позиции, поскольку было вполне вероятно, что королевские корабли обстреляют корвет, стоит ему войти в порт, Корсар послал за американским полковником, знавшим восточное побережье как свои пять пальцев.

– Господин Молтри, – произнес капитан «Громовержца», пока корвет заходил в гавань, – я готов уступить вам штурвал. Какой сигнал нам следует дать, чтобы не попасть под огонь ваших соотечественников? Мы уже слышали пушечные выстрелы. Возможно, ваши батареи размещены на Чарльзтаунском полуострове.

– Разожгите на мачтах два красных сигнальных огня, – отвечал американец, – и пусть горят минут пять. Наши люди на берегу ожидают прихода корсарских судов, чтобы указать им путь. Вот увидите, кто-нибудь да появится.

– Если бы только знать расположение английских кораблей!..

– Они постоянно меняют место стоянки. Ни одному чужаку не угадать, где с ними можно столкнуться. А вам бы хотелось их повстречать?

– Нет уж, увольте. Прошу за штурвал, полковник, и постарайтесь не посадить на мель мой «Громовержец».

– Будьте спокойны, я знаю наизусть каждый изгиб этой бухты.

Махнув Молтри рукой на прощание, Корсар спустился на палубу и устроил смотр своим людям. Все были готовы к бою.

Оказавшись на носу, баронет окликнул боцмана, болтавшего возле пушки с матросами.

– Ступай за мной, – приказал ему сэр Уильям. – Я полагаюсь на этого американского полковника, но еще более – на тебя. Хорошо ли ты знаешь Бостон?

– Был там раз десять, капитан, – сообщил бретонец. – И хотя воды с тех пор утекло немало, я все-таки знаю, как провести корвет через гавань целым и невредимым.

– Вернее, к устью реки Мистик, где мы бросим якорь. Там наверняка стоят американцы.

– И мы их найдем, капитан. Река Мистик мне хорошо знакома. Она достаточно глубока даже для прохода крупных фрегатов.

– Подними на мачтах два красных сигнальных фонаря, а затем присоединяйся ко мне.

Корсар вернулся на мостик, обменявшись парой слов с помощником, который по заведенному порядку принял на себя командование двумя кормовыми орудиями, и скомандовал:

– Входим в бухту!

Корвет перестал лавировать и подошел к устью, покачиваясь на высоких атлантических волнах.

И залив, и город тонули в непроглядной тьме. Казалось, осаждающие, равно как и осажденные, наконец-то решили немного передохнуть. Однако Корсар мало полагался на это видимое спокойствие. Он напряженно вглядывался в темноту и прислушивался.

Огни на мачте зажглись в тот момент, когда корвет достиг конца Чарльзтаунского полуострова, захваченного накануне американцами.

Между тем морская стихия разбушевалась не на шутку, грозные валы накатывали один за другим без передышки.

Прошло пять минут и огни потушили, как вдруг слева от корвета из темноты донесся голос:

– Эй, там, на корабле! Бросайте трап!

Каменная Башка, все еще остававшийся на палубе, поспешил исполнить требование, и вскоре на борт корвета взобрался бородач в широком непромокаемом плаще, с которого ручьями стекала вода.

– Где ваш капитан? – спросил он.

Каменная Башка в компании двух стрелков, подняв над головой фонарь, пристально разглядывал незнакомца.

– Кто вы такой? – спросил он, направив в грудь бородачу дуло пистолета.

– Американский лоцман. Я заметил ваши сигналы и поспешил к вам на помощь.

– А где шлюпка, что вас привезла?

– Давно ушла. Просто чудо, что мне удалось ухватиться за трап.

– Видать, глаз у вас зоркий, – похвалил бретонец.

Лоцман с улыбкой поблагодарил его.

– Следуйте за мной! – велел Каменная Башка. – Капитан на мостике.

– Слушаюсь! Порох везете?

– Полный трюм.

– Давно пора. Мы ожидали джонку полковника Молтри, который отправился на Бермуды.

– Полковник ваш с нами, а вот джонку пришлось пустить ко дну.

Они пересекли палубу и поднялись на мостик, где их с нетерпением ожидал Корсар.

– Вот лоцман, которого прислали нам американцы, – отрекомендовал незнакомца Каменная Башка.

– Где здесь безопаснее всего бросить якорь? – спросил сэр Уильям.

– В устье реки Мистик. Там вы будете под защитой наших пушек с Бридз-Хилла.

– А не нарвемся ли мы на англичан?

– В такую ночь их корабли вряд ли снимутся с якоря до первых лучей солнца.

– А что насчет ваших соотечественников? Мы не попадем под их удар?

– Шлюпка, что доставила меня сюда, должно быть, уже достигла берега, так что с Бридз-Хилла по вам стрелять не станут.

– Что ж, полковник Молтри на шканцах. Укажите ему путь. А я подумаю, как обойти оборону.

Небольшими галсами корвет осторожно продвигался вперед в непроглядной ночи, однако на один лишь мрак полагаться не стоило. В бухте стояло множество английских военных кораблей, которые того и гляди могли открыть огонь, перекрыв путь корвету.

– Смотри в оба, Каменная Башка, – то и дело повторял сэр Уильям.

– Глаза у меня на месте, да только не видно ни зги, – ворчал бретонец.

– Твоя правда, темно как в аду.

– Такого и не припомню!

– Не отвлекайся! Смотри по сторонам!

– Смотрю, капитан, да только и кливера-то с трудом разбираю! Готов прозакладывать свою трубку, что в этакой тьме и кошка бы ничего не различила.

Внезапно бретонец подался вперед и весь обратился в слух.

– Что слышишь? – насторожился сэр Уильям.

– Сам не знаю...

«Громовержец» резко вильнул влево.

– Что там увидели эти американцы?

Ответ не заставил себя ждать. В ту же минуту силуэт огромного судна, шедшего без сигнальных огней, возник из тьмы всего в нескольких метрах от корвета.

– Кто идет? – донесся крик.

– Англичане, – немедленно отозвался сэр Уильям в переговорную трубу.

– Остановитесь и предъявите бумаги. Или мы пустим вас ко дну!

– Сейчас. – Одним прыжком оказавшись на палубе, капитан пересек ее в несколько шагов и скомандовал: – Левый галс! Быстро! Фрегат совсем рядом.

Далее он отдал указания полковнику и американскому лоцману.

Несколько мгновений спустя корвет, вместо того чтобы исполнить приказ, стремительно и ловко развернулся к устью реки Мистик. Почти тотчас же Корсар, успевший вернуться на мостик, рявкнул:

– Из бортовых пли!

5. Обстрел Бостона

Фрегат, подставивший свой правый борт пушкам корвета, являл собой прекрасную мишень, поскольку не имел уже времени для маневра, наступательного или оборонительного.

Кормовые орудия «Громовержца» выпустили четыре цепных ядра по рангоуту британца, и тут же адский огонь изрыгнули двенадцать пушечных жерл вдоль борта. За грохотом разрывов последовал треск рушащихся мачт, а затем – гром ружейной стрельбы. Это с носа корвета открыли огонь поспешившие на помощь корсарам американцы.

Англичан внезапное нападение повергло в панику, и корвет, пользуясь их замешательством, поспешил продолжить свой путь к устью реки Мистик, пока к месту стычки не подтянулись новые английские корабли. Однако не успела опасность миновать, как снова прозвучал сигнал тревоги.

Канониры плавучих батарей, все еще находившихся вдали, догадались о вторжении вооруженного врага и открыли огонь, однако усилия их не возымели успеха, поскольку корвет, скрываемый мраком, стремительно удалялся от арены схватки. С некоторым запозданием к обстрелу беглецов подключился английский фрегат. К нему немедленно присоединились бостонские редуты и бастионы.

– Какое великолепное представление мы устроили для бостонцев! Причем совершенно бесплатно, – обронил сэр Уильям, обращаясь к Каменной Башке.

– Надеюсь, они нам благодарны, – буркнул бретонец. – Клянусь Иль-де-Ба, капитан, англичане палят калеными ядрами! Стоит одному такому угодить в пороховой склад, и мы взлетим на воздух. То-то будет славный фейерверк! Бостонцам на потеху.

– Они стреляют вслепую.

– Так-то оно так... А ну как попадут случайно?

– Ну, если ты полагаешься на случай, другой разговор. Гляди лучше, как бы одно из ядер не свалилось прямо тебе на голову.

– Моя голова – кремень! Ядро в море отрикошетит!

– Ну-ну...

Между тем отовсюду, особенно со стороны фортов, сыпались раскаленные ядра.

Несколько таких дымящихся шаров уже настигли корвет, лишив жизни пару матросов, когда укрепившиеся на высотах Банкер-Хилл и Бридз-Хилл повстанцы, предупрежденные о прибытии корсарского корабля с бесценным грузом, заставили громко заговорить свои пушки. Удачно расположенные на возвышенностях и хорошо защищенные усилиями ополченцев, их укрепления уподобились извергающимся вулканам.

Англичане немедленно развернули орудия в том направлении, где окопались колонисты, и уже не обстреливали бухту, стараясь вместо этого подавить канонаду американцев.

Неистовая пальба не стихала минут двадцать, на протяжении которых корвет, не делавший ни единого выстрела, подбирался к устью реки.

Корсар безучастно наблюдал за артиллерийской дуэлью с застывшей улыбкой на губах. Возле него безмятежно покуривал свою столетнюю трубку бретонец, уверенный, что его черепушку и граната не прошибет. Дьявол! Разве он не сын страны твердолобых упрямцев?

Летевший ласточкой корвет уже приготовился войти в речное устье, как вдруг перед ним у самой поверхности воды полыхнули четыре огненные вспышки, вслед за которыми по ушам ударил гром оглушительного взрыва и зловеющий треск древесины.

– Впереди плавучая батарея!

– Не стрелять! – проревел сэр Уильям и, спрыгнув на корму, добавил: – А теперь пустим ее ко дну!

Тишину расколол грозный глас орудий.

Стоявшие у руля американцы, уже собиравшиеся повернуть румпель, чтобы подвести корабль к берегу, оставили корвет на прежнем курсе. Не прошло и пяти секунд, как ужасный удар повалил на палубу большинство стрелков и канониров. Форштевень корвета прошел плавучую батарею, буквально разломав ее надвое.

Послышались полные ужаса крики. Английские канониры пошли ко дну вместе со своими пушками, утянутые под воду яростной морской стихией, набросившейся на обломки судна.

Угодивший было в ловушку корвет, протаранив и потопив плавучую батарею, продолжил свой путь под свирепыми ударами ветра.

Некоторое время спустя канониры бостонского гарнизона, встревоженные вспышками у входа в устье реки Мистик, нацелили на него свои орудия и накрыли поле недавнего боя шквалом ядер, не ведая, что добивают собственных соотечественников, не погребенных в морской пучине обломками батареи.

– Теперь попробуйте доберитесь до нас, – усмехнулся, потирая руки, Корсар. – Ничего не скажешь, нелегко было ускользнуть из этой западни. И кто знает, что еще уготовит мне судьба, прежде чем я достигну цели? Что скажешь, Каменная Башка?

– Скажу, что мой дед, знаменитый корсар...

– Тот, что оставил тебе трубку?

– Нет, капитан. То был другой дед.

– Что ж, продолжай!

– Он, стало быть, говаривал, что судьба его не слишком баловала...

– Но была же и у него, как видно, своя счастливая звезда?

– Да ведь его вздернули на рее!

– Незавидный жребий. Бросаем якоря! Должно быть, стоянка уже поблизости. Верно, полковник?

– До нее еще полторы-две тысячи футов, – отвечал тот. – Поворачивайте и зажгите на мачтах два красных сигнальных огня.

Вскоре марсовые зажгли на верхушках грот- и фок-мачты два огня. То была необходимая мера предосторожности, чтобы американцы, плотно обосновавшиеся на обоих берегах Мистик, не обстреляли корабль.

Корвет, хотя и шел против течения, развил достаточно высокую скорость и уже через пять минут достиг глубокой заводи у левого берега, где американцы воздвигли два небольших, но хорошо укрепленных редута.

Команда бросила якоря, свернула паруса и разожгла бортовые огни.

От берега отделилась гребная шлюпка и подошла к корвету.

Поднявшегося на борт рулевого встречали американский полковник, лоцман и Корсар.

– Ба, да это вы, господин Парделл! – вскричал Молтри. – Вот уж не думал снова вас здесь встретить!

– Как же я пропущу такую знатную заварушку! – отвечал рулевой.

– Знакомьтесь: гроза морей баронет Уильям Маклеллан, самый отважный бермудский корсар.

– Мы с нетерпением ждали вашего прибытия, сэр, – произнес мистер Парделл, протянув руку капитану «Громовержца». – Мне поручено передать вам благодарность конгресса и лично генерала Вашингтона.

Поклонившись, баронет отвечал:

– Я привез вам изрядный запас пороха, пять тысяч ружей с приставными штыками, две тысячи гранат и четыре мортиры. Помимо этого, к вашим услугам мой корвет и полторы сотни лучших корсаров Атлантики.

– Конгресс разочтется с вами сполна.

Сэр Уильям лишь пожал плечами:

– Все это я передам в ваше распоряжение при одном условии.

– Каково же ваше условие, сэр? – спросил Парделл, пораженный щедростью человека, в жилах которого, по слухам, текла шотландская кровь.

– Этой самой ночью вы позволите проникнуть в Бостон мне и паре моих людей.

– Но это невозможно, сэр!

– Разве вы еще не подвели подкоп к казематам бастиона Гамильтона? – спросил полковник.

– Подвели, господин Молтри. Подкоп не только закончен, но и заминирован. Все готово к тому, чтобы бастион взлетел на воздух!

– Мы пройдем по подземному ходу, – решительно отрезал Корсар. – Это вопрос жизни и смерти.

– Что до смерти, ее вы там точно найдете, сэр, – отвечал Парделл. – По донесениям верных людей, этой ночью англичане намереваются устроить вылазку, чтобы выбить нас из укреплений Бридз-Хилла и Банкер-Хилла. Они наверняка уже выступили в поход, и вы неминуемо с ними столкнетесь.

– Проклятье! – вскричал сэр Уильям.

– Подождем следующей ночи, мой дорогой баронет, – увещевал полковник. – День пролетит незаметно, а завтра наше предприятие увенчается успехом.

Корсар ничего не ответил, лишь принялся, по обыкновению, мерить палубу беспокойными шагами.

Внезапно оглушительный грохот вдребезги разнес непрочную тишину ночи, царившей над бухтой. Красноватый дым, перемежаемый струями пламени, заволок бостонские редуты и бастионы.

– Видите? – произнес Парделл. – Они атакуют наши позиции, пытаясь отвлечь внимание от своей вылазки. Завтра будет большой бой, и мы отбросим их обратно за стены фортов.

– Но почему именно этой ночью! – в бешенстве вскричал Корсар.

– Стоит ли беспокоиться? – уговаривал полковник. – Теперь, когда подкоп закончен, вы в любой миг сможете проникнуть по нему в город.

– Каменная Башка! – окликнул сэр Уильям.

Бретонец, на пару с Малышом Флокко вырезавший из цинковой пластины небольшие треугольники, к которым привязывал кусочки свиного сала, недовольно отозвался на зов капитана:

– Во имя Иль-де-Ба! Только я собрался альбатросов ловить, так нет же... И пяти минут не прошло.

Бросив свое затейливое приспособление, он поспешил к Корсару, чей взгляд был прикован к каленым ядрам, которые, подобно болидам, озаряли летучей вспышкой небо от Бостона до высот, занятых американцами.

– Ты что, оглох? Ничего не слышишь?

– Во имя Иль-де-Ба! Да этот грохот, должно быть, мертвых поднял из могилы аж до самой Бретани, а то и до Бреста. Что уж говорить о старом канонире.

– Чем это вы там занимались?

– Готовили наживку для ловли альбатросов с Малышом Флокко. Их ведь полно в устье реки. Правда, господин полковник?

– Да, – смеясь, подтвердил Молтри.

– Так вот, я хочу изловить парочку. Наши ребята делают из перепонки этих морских разбойников превосходные табачные кисеты, а из полых костей мастерят чубуки для трубок.

– И что же, залпы пушек тебя не беспокоят?

– Ба! Рано или поздно они устанут палить и дадут отдых пушкам, – безмятежно отвечал бретонец, доставая из кармана трубку и готовясь ее раскурить.

– У нас на борту четыре мортиры – дар от французов, сочувствующих делу освобождения колоний, – сказал Корсар. – Пусть мистер Говард велит вытащить их на палубу. Нам выпал случай проверить их дальность.

– Предпочитаю абордажные орудия.

– Тогда тащите сюда и их. Поучаствуем в этой огненной потехе! Поторопись!

Оглушительный рокот пушечных залпов накатывал со стороны Бостона; крепостным пушкам вторили орудия военных кораблей, стоявших в порту, и плавучих батарей.

Американские укрепления на высотах храбро выдерживали огненный шторм, забрасывая город калеными ядрами и воспламеняя деревянные дома, которые английский гарнизон едва успевал тушить.

Залив пылал. Огненные сферы по дуге пересекали небо, обрушиваясь в воду, на берег реки Мистик и возвышенности Банкер-Хилл и Бридз-Хилл.

По приказу сэра Уильяма корвет не замедлил внести свою лепту в огненный хаос.

Повинуясь командам помощника капитана и боцмана, лучшие канониры корабля разместили на шканцах тяжелые орудия и четыре мортиры, дар французов американской революции, и принялись бомбардировать увесистыми гранатами бастионы Уоркарта. Ядра тяжелых орудий, падая в воду, взрывали океанскую гладь, вздымая высокие фонтаны брызг и мешая приблизиться английским баркасам.

Взбудораженные дьявольской канонадой, бостонцы, презрев опасность, высыпали на бастионы, чтобы своими глазами наблюдать ужасный бой, который англичанам суждено было вспоминать еще долго наряду со штурмом Гибралтара¹.

Американцы стойко держались под лавиной английских ядер, не переставая строить брустверы, чтобы на рассвете отразить наступление врага.

Потери обеих сторон были значительными, однако англичане понесли больший урон. Не сделав ни единого ружейного выстрела, чтобы не выдать свои позиции американцам, они вынуждены были стоически переносить обстрел из четырех орудий «Громовержца». Устрашающее крещендо выстрелов, раздававшихся из фортов, окопов, редутов и с кораблей, всю ночь сотрясало землю, однако ближе к рассвету разрывы слышались все реже, пока наконец совсем не стихли.

Англичане выступили из города и поспешно готовились штурмовать занятые американцами высоты, причинившие столько ущерба городским фортификациям и зданиям.

---

¹ Речь идет об одном из эпизодов Войны за испанское наследство, когда в 1704 г. англо-голландская эскадра захватила прежде принадлежавший Испании Гибралтар, подвергнув его шестичасовой бомбардировке, в ходе которой по городу было выпущено 14 тысяч ядер. – *Примеч. ред.*

6. Сражение при Бридз-Хилле

Командующий британскими войсками генерал Хау и его офицеры вознамерились выбить колонистов со стратегических позиций на высотах.

В ночь на семнадцатое июля десять рот гренадеров под командой генералов Хау и Пиго, а также маркиза Галифакса, прикрываемые отрядами пехоты и легкой артиллерии, бесшумно достигли берега пролива, пересекли его на шлюпках и высадились на мысе Мортон, не встретив никакого сопротивления.

Бешеный огневой натиск военных кораблей, размещенных в Бостонской бухте, не давал американцам, ограниченным в запасах вооружения, продолжать сооружение редутов, которые так или иначе не могли долгое время выстоять под перекрестным огнем.

Передохнув, английское войско выстроилось в две линии и послало в Бостон за подкреплением.

Согласно плану англичан, пока на левом фланге тяжелая пехота, главным образом немецкие наемники, под командой Пиго и маркиза Галифакса наступала на Чарльзтаун, основные силы должны были, ударив по редутам ополченцев, прорваться за реку Мистик, обороняемую корветом корсара и двумя батареями. Британцы надеялись, ошеломив неприятеля внезапным нападением, смести его в штыковой атаке.

Знакомые с этим планом ополченцы укрепили свой правый фланг, оборонявший Чарльзтаун. Основные их силы были сосредоточены возле устья реки Мистик, в то время как левый фланг составляли отряды, занявшие укрепления вдоль речных берегов.

Опасаясь, что не выдержат рукопашной схватки на равнине, американцы поверх земляного бруствера установили высокие двойные заграждения, заполненные сеном и землей.

Чарльзтаун, редут и часть окопов заняли ополченцы из Массачусетса, другую часть взяли оборонять коннектикутцы под командой капитана Ноултона и отряды из Нью-Гемпшира во главе с полковником Старком.

Ополченцы, в большинстве своем вчерашние трапперы, земледельцы и моряки, почти не нюхавшие пороха, были вооружены мушкетами всевозможных калибров, как правило не имевшими штыков.

Ночью американцы разослали во все стороны гонцов, призывая на помощь подкрепление. На поле боя к ним присоединились недавно произведенный в генералы доктор Уоррен, военачальник отважный и ловкий, а также генерал Патнэм. Оба привели с собой поспешно набранные в окрестностях отряды поселенцев, среди которых имелось немало искусных стрелков.

Первыми в наступление перешли королевские войска, бросив против Чарльзтауна десять рот генерала Гейджа. Уверенные в победе, англичане устремились на штурм без единого ружейного выстрела, в то время как колонисты прореживали их шеренги прицельной стрельбой.

И все же натиск неумолимо надвигавшегося войска хорошо обученных наемников обратил в беспорядочное бегство американцев, которые боялись оказаться между двух огней и не имели даже штыков, чтобы противостоять отчаянному напору противника. Укрепления и город были заняты англичанами.

Разграбив дома и угнав скот, королевские войска предали город огню. Большинство строений здесь были деревянными, так что пламя в единый миг охватило Чарльзтаун, к ужасу разбегавшихся кто куда жителей. Это было воистину зловещее зрелище. Пожар поглотил почти восемьсот ферм, оставив по себе зловещий треск рыжих языков, обугленные головешки, седой пепел да дым, гонимый ветром к заливу. Даже урожаи хлопка были сожжены дотла.

Однако удача недолго благоприятствовала англичанам: надеясь выкурить американцев, они из-за резкой перемены ветра сами оказались посреди геенны огненной. Но и тогда гессенцы и брауншвейгцы лишь сплотили ряды, готовясь выбить врага с высот.

Однако и американцы не пали духом. Пользуясь прекрасным обзором, который открывался с возвышенностей, они вели прицельный огонь по наступающим, вынудив наемников обратиться в бегство и отступить к Чарльзтауну.

Многие наемники и вовсе предпочли ретироваться на корабли, ждавшие у берегов, не пожелав стать мишенью метких стрелков.

Британские военачальники бросились в гущу тающего войска, угрозами и щедрыми посулами побуждая солдат к новой атаке. Наконец королевскому войску при помощи немецких наемников удалось вернуть себе подобие строя, и британцы снова пошли на приступ. Отважные колонисты ждали атаки, полные решимости не сдавать позиций. Прицельным залпом из мушкетов почти в упор им вновь удалось разметать ряды врага, рассеявшегося по побережью. Мало кто мог сравниться в меткости с потомками первопоселенцев, промышлявших добычей пушнины и готовых в любой момент защищать свои дома от набега индейских племен.

Генерал Хау призвал на помощь генерала Клинтона, чьи солдаты до сей поры оставались бездеятельными свидетелями разгрома английской армии. Видя, что силы главнокомандующего терпят поражение, пользовавшийся славой опытного военачальника Клинтон бросил своих солдат на подмогу. Он не мог допустить, чтобы вчерашние земледельцы нанесли позорное поражение слугам британской короны, и предпринял еще одну неистовую попытку переломить ход сражения.

Несгибаемость немецких наемников должна была подарить англичанам хотя бы видимость победы. И вот сыны Германии ударили по первому укреплению.

Американцам недолго удавалось противостоять яростному ливню мушкетных пуль. Они отступили.

После ожесточенного боя на руинах Чарльзтауна другие английские части излили свою ярость на редут, спешно возведенный американцами в устье реки Мистик. Управляемые офицерами флота баркасы молниеносно достигли устья, чтобы высадить здесь гренадеров. Британцы были уверены, что не встретят тут значительного сопротивления. Им пришлось убедиться в своей ошибке: впереди их ожидал затаившийся в заводи корвет.

Сэр Уильям, вовремя разгадав намерения врага, развернул корабль поперек устья и наставил на врага дула четырех тяжелых орудий, заряженных картечью. Пятьдесят американцев и две дюжины стрелков поджидали англичан.

– Пришла пора немного поразмяться, а заодно помочь нашим друзьям, – сказал Маклеллан своему помощнику.

Он спокойно прислонился к ограждению капитанского мостика, настолько убежденный в успехе, что не снизошел даже до того, чтобы зарядить пистолет или обнажить абордажную саблю.

Между тем англичане приближались, готовясь с легкостью взять два небольших редута, возведенные на берегах речной бухты.

Корсар только того и ждал. В один миг его стальной голос перекрыл трескотню мушкетов, долетавшую со стороны Чарльзтауна:

– А ну, ребята, пли! Дайте волю пушкам!

Набитые гренадерами и легкой пехотой шлюпки остановились в нерешительности. Этого оказалось достаточно, чтобы двенадцать бортовых орудий корвета, изрыгнув огонь, потопили никак не менее пятнадцати баркасов вместе с солдатами.

Оставшиеся лодки угодили под вихрь картечи, которой осыпали их четыре абордажных орудия, пока Каменная Башка, оставив на время ловлю альбатросов, управлялся с четырьмя мортирами, преловко забрасывая устье гранатами.

Над водой разносились душераздирающие крики. Более двухсот английских солдат беспомощно барахтались в воде. Британская флотилия начала разворачиваться, бросив несчастных на произвол судьбы, чтобы, следуя жестоким законам войны, не рисковать успехом всей авантюры, и поспешно направилась к берегу, предлагавшему защиту от пушек корвета.

Американцы мощным «ура» приветствовали мастерские действия корсаров, пока корвет продолжал вести стрельбу, нацеливая орудия то на укрепления Бостона, то на устье реки, дабы предотвратить новые попытки нападения со стороны англичан.

Однако победа корсаров не стала решающей. Сознывая опасность, генерал Хау призвал новые подкрепления и приказал своим людям высадиться на берег недалеко от устья. На время оставив намерение завладеть двумя укреплениями, он повел атаку на редут.

Гессенские и брауншвейгские наемники, разъяренные первой неудачей и знающие, что британские войска выбили ополченцев из Чарльзтауна, удвоили свои усилия. Воодушевленные криками соратников, занявших Банкер-Хилл, они при поддержке легкой пехоты рвались вперед, ревнуя к победе товарищей по оружию.

Наконец грозные немецкие штыки взяли верх над американскими ружьями, и, понеся значительные потери, наемники овладели редутом.

Американские генералы дали сигнал к отступлению, и отряды ополченцев, дав последний залп, стали отходить, сохраняя нерушимый боевой порядок, которого от наспех рекрутированных новобранцев не ожидал никто. Войска колонистов проиграли битву, однако для англичан это была пиррова победа: взяв приступом Банкер-Хилл, они так и не завладели Бридз-Хиллом.

Бунтовщики еще не согнулись под тяжестью обрушивавшихся на них несчастий. Им оставалась единственная дорога к отступлению – извилистый путь через Чарльзтаунский полуостров, где их поджидал английский фрегат. Противник же продолжал преследование, надеясь обратить американцев в бегство до того, как им удастся оказаться в безопасности.

Впрочем, колонистам посчастливилось укрыться в прибрежных зарослях перешейка, не понеся фатальных жертв под выстрелами с фрегата и сопровождавших его плавучих батарей.

Отход возглавлял доктор Уоррен, познавший искусство войны не хуже самого Вашингтона. Он неутомимо подбадривал отстающих, взывая к ним громовым голосом: «Вспомните девизы на наших знаменах: „На Господа уповаем“. Они значат, что Провидение, уберегшее от стольких опасностей наших предков, дарует Его и нам».

Однако самому ему не суждено было пережить этот героический и печальный день. Один из офицеров английского авангарда, узнав доктора, выхватил у гренадера мушкет, прицелился и метким выстрелом поразил Уоррена в самое сердце.

Отход американцев был молниеносным. К восьми часам вечера английские войска, разбив бивак на завоеванных позициях, во всю глотку распевали «Боже, храни Короля», а побежденные, но не павшие духом американцы отступали вдоль берегов реки Мистик под защитой корвета, чьи орудия продолжали свирепо палить, не позволяя приблизиться вражеским кораблям.

7. Отчаянная вылазка

Как только битва подошла к концу, сэр Уильям вернулся в свою каюту и пригласил к столу полковника и мистера Говарда.

– На войну идут с двумя мешками, – сказал он своим компаньонам, явно подавленным внезапным разгромом, который постиг ополчение Новой Англии. – Один – для бед, которые она посылает, другой – для даров, которыми она осыпает. На войне всякое может случиться.

И он принялся за ужин с аппетитом подлинного морского волка, ничуть не заботясь о том, что вся палуба сотрясается от выстрелов абордажных орудий и посуда на столе позвякивает при каждом залпе.

Проворно покончив с ужином, Корсар отложил свою абордажную саблю, снял со стены превосходный клинок толедской стали и придиричиво его оглядел.

– Что вы делаете, сэр Уильям? – спросил полковник.

– Как, разве вы забыли, что этой ночью я должен быть в Бостоне? – воскликнул Корсар.

– Этой ночью?!

– Не вижу лучшего времени для этого, нежели сейчас, когда англичане, утомленные битвой, будут заняты погребением убитых и уходом за ранеными.

– Да ведь вы угодите прямоком в волчье логово!

Корсар только пожал плечами:

– У морского волка достаточно острые клыки, чтоб себя защитить. Вы обещали сопровождать меня до подземного хода, ведущего к казематам.

– Верно, сэр Уильям. И я не нарушу слова, пусть даже это будет стоить мне жизни. И все же я бы советовал подождать более удобного случая.

– Подождать? И позволить маркизу принудить к браку леди Мэри Уэнтворт? О нет! – Лицо его омрачилось. – Клянусь, я обагрю эту шпагу кровью Галифакса, – произнес он.

– Вы убьете маркиза? Бог мой! Что бы он ни совершил, это ваш брат!

– Если мне удастся проникнуть в Бостон, этот человек заплатит за бесславное предательство, и дух отца простит меня.

– А дальше?

– Я ни на миг не сомневаюсь в победе вашего дела.

Открыв сундук, сэр Уильям достал оттуда мундир английского морского офицера.

– Я знал, – обронил он, – что однажды это платье сослужит мне бесценную службу.

Не успел Маклеллан надеть мундир, как каюту сотряс новый сокрушительный удар, сопровождавшийся дьявольским грохотом. Это бостонский гарнизон возобновил обстрел американских позиций. Ядра и картечь посыпались на берега реки Мистик и высоты Банкер-Хилл со стороны фортов, редутов, военных кораблей и плавучих батарей.

– И надо же такому случиться именно этой ночью! – досадливо поморщился Корсар. – Черт бы их подрал!

Бросив на пол синий офицерский камзол, он остановился перед миниатюрным портретом светловолосой девушки с синими глазами.

– Мэри, этой ночью Маклеллан вернет тебя! – провозгласил он. – Пусть даже это будет стоить ему жизни... Полковник, – произнес он в волнении, – страшитесь ли вы пылающих английских ядер?

– Нет, сэр Уильям.

– Вы все еще полны решимости сдержать данное вами слово?

– Как никогда.

– Мистер Говард, кликните сюда этих неразлучных, Каменную Башку и Малыша Флокко.

Одним глотком осушив бокал, помощник капитана вышел на палубу под гром мортир и абордажных орудий. Корвет содрогался от бортовых залпов.

Не прошло и минуты, как в каюту ввалился бретонец с неизменной трубкой в зубах.

– Готовы ли вы с Малышом Флокко идти за мной? – спросил сэр Уильям.

– Куда, капитан?

– В Бостон.

– Хм... Само собой, моя старая шкура не годится даже на наживку пеликанам, а вот вам стоило бы поберечь свою. В такую-то ночь.

– Побережь? Ха! – воскликнул Корсар. – Еще не выплавлено то ядро, которому суждено лишить меня жизни.

– Что ж, тогда я с вами, – отвечал бретонец, выпустив клуб густого дыма. – Похоже, вы предвкушаете добрую драку, капитан?

– Возможно, даже слишком.

– Тогда лучшего и желать не приходится. А Малыша Флокко вы сами знаете. Он хоть и молод, да мускулы у него стальные. Во имя Иль-де-Ба! Разве не он первым сиганул на капитанский мостик англичан во время последнего абордажа? Так и кинулся в схватку, отчаянная душа. Его сабля мелькала быстрее, чем мельничный жернов! Нам снова переодеться? Усов и бород мы уже лишились.

– В этом нет нужды.

– А оружие?

– Достанет пары дуствольных пистолетов и короткой абордажной сабли для каждого.

– Слушаюсь, капитан. Шлюпка будет готова через пять минут.

– Команде прикажи продолжать огонь.

– Да, капитан.

– На вот, выпей.

Бретонец залпом опустошил протянутую ему оловянную кружку и пробормотал:

– Господь всемогущий! А внизу-то пить сподручней, чем на палубе.

Снова сунув в рот заветную трубку, он вышел из каюты.

Корсар мгновенно облачился в офицерский мундир, завершив маскарад коротким белоснежным париком с крупными буклями по моде того времени.

– Как вы меня находите? – спросил он Говарда и полковника.

– Гм... Да вы щеголь! Хоть сейчас ко двору, – пробормотал последний. – Только не знаю, как будет выглядеть ваш изящный наряд на выходе из бесконечного подкопа.

Глаза Корсара грозно вспыхнули.

– Слава богу, в Бостоне хватает морских офицеров, – запальчиво бросил он. – В случае чего прикончим парочку и переоденемся в их платье.

«Н-да, – сказал сам себе американец, – эти корсары и дьявола не испугаются. Эх, будь в нашем распоряжении пара тысяч таких молодцов, мы бы живо выбросили англичан с нашей земли!»

– Вы готовы, полковник?

– К вашим услугам, сэр.

– Мистер Говард, препоручаю вам свой корвет и команду. Это все испытанные в деле люди, всегда готовые доказать, что им сам черт не брат, и ввязаться в схватку. Постарайтесь сберечь мой корабль и по мере сил помочь нашим новым друзьям.

– Англичанам мало не покажется, – пообещал помощник капитану. – Я скорее отправлюсь на корм рыбам вместе со всем экипажем, чем отдам корвет в лапы Хау.

– Я во всем на вас полагаюсь, – отвечал баронет.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием, и капитан проследовал на палубу в сопровождении полковника.

Как и днем ранее, океан грозил бедой. Вдали вздымались высокие океанские гребни, небо потемнело, обложено тяжелыми тучами.

– Вот это ночь! – с восторгом прокричал Корсар под сотрясший корабль залп мортир и абордажных орудий. – Люблю я ночи, полные бури и пламени.

К нему подошли Каменная Башка и Малыш Флокко.

– Шлюпка готова, капитан, – доложил бретонец.

– Да будет вам известно, что мы идем на опасное дело. Этой ночью вы запросто можете проститься с жизнью.

Пожав плечами, бретонец с улыбкой взглянул на приятеля:

– Что скажешь, маленький паршивец?

Марсовой ухмыльнулся, показав в улыбке блестящие зубы.

– На войне как на войне, – рассудил он. – Убей, или будешь убит. По мне, так уж лучше первое.

– Да ты болтаешь как попугай, сынок, – покачал головой бретонец. – Другой бы на месте нашего капитана, чем выслушивать твою похвальбу, дал бы тебе хорошенького пинка под зад. Не злоупотребляй чужой добротой.

– Пусть себе болтает, Каменная Башка, – отмахнулся Маклеллан. – Мальчишки это любят.

– Сам-то я предпочитаю пить и курить, капитан.

– Идемте!

Распрощавшись с Говардом, моряки спустились по трапу в шлюпку, где их ожидали сидевшие на веслах шестеро матросов, американский лоцман и полковник.

– Берегите же мой корвет! – в последний раз крикнул помощнику Маклеллан.

– Будьте спокойны, сэр! – отвечал мистер Говард. – Вы еще увидите, как он резво рассекает волны Атлантики!

Англичане пытались усмирить корвет, забросав его раскаленными ядрами, но вопреки их упованиям мортиры «Громовержца» продолжали осыпать город тяжелыми гранатами.

К счастью, подобные метеорам огненные сферы, за которыми тянулся пламенный шлейф, были видны издалека, и шлюпка с легкостью избегала роковой встречи, лавируя на волнах. Неизменно бдительный лоцман то подгонял гребцов, то приказывал им умерить свои усилия в ожидании того, как очередной смертоносный снаряд рухнет в воду.

Не прошло и пяти минут, как шлюпка пристала к берегу, не испытав на себе мощи губительных ядер.

– Вернетесь за нами, когда услышите условный сигнал – два пистолетных выстрела, – распорядился сэр Уильям. – Не знаю, как скоро это будет... и суждено ли нам вообще вновь ступить на борт «Громовержца». А пока ожидайте здесь полковника. Отвезете его назад на корвет. Прощайте, ребята.

– Удачи, капитан! – в один голос пожелали семеро моряков.

Между тем трех безумцев, решившихся на опасное предприятие, ожидал крутой подъем сквозь заросший густым кустарником берег.

– А где находится вход в подземную галерею? – спросил сэр Уильям полковника.

– Собственно, галереей это не назовешь, – предупредил американец. – Это узкий лаз, передвигаться по которому можно только ползком.

– Черт с ним! Где же он?

– Шагах в ста пятидесяти от нас.

– А где заложена мина?

– Под казематами. Настоятельно советую позаботиться о том, чтобы она не взорвалась.

– Такой глупости я не совершу. Не имею желания быть разорванным на куски... Так вы готовы указать нам путь, полковник?

– Всегда к вашим услугам, сэр Уильям.

Мгновенно сориентировавшись, американец принялся карабкаться вверх под аккомпанемент артиллерийских залпов.

– Недурная ночь, а, Каменная Башка? – сказал Корсар, последовав за полковником.

– Клянусь Иль-де-Ба, – отозвался бретонец, – это не хуже карнавала в Бресте! Только там вас осыпают цветами и конфетами. Мальчишкой я с удовольствием встречал этот град и лопал цветные леденцы. Сколько головомоек устроила мне бедная матушка, прежде чем отдать меня юнгой на корабль, следовавший до Ньюфаундленда! Бум! Еще немного, и моя старая трубка рванет не хуже мины!

– Уж не порохом ли ты ее набил?

– Нет, капитан, лучшим мэрилендским табачком!

– Провались ты к своим колокольням в Иль-де-Ба!

– Звонить в колокола!.. Далековато падать придется, мой капитан! Бум! Еще одна!

– Тише ты, звонарь неугомонный! – прервал его Корсар. – Бранишь Малыша Флокко, а сам хуже попугая!

– Во имя Иль-де-Ба! Вы правы, мой капитан. Я как-то не подумал об этом.

В этот самый момент в нескольких шагах от них рванул снаряд, несомненно предназначенный корвету, однако за недостаточной дальностью орудия упавший далеко от цели.

– Граната! – воскликнул бретонец. – Малыш Флокко, мальчик мой! Иди-ка погляди! Если это она, ты, конечно, подорвешься, но хотя бы мы уцелеем.

– Всем стоять! – властно приказал капитан. – Горе тому, кто шевельнется! На землю!..

Раздался взрыв, и осколки просвистели в воздухе над их головой. Все четверо остались невредимы.

– Спасибо за заботу, Каменная Башка, – поблагодарил юный марсовой. – Сунься я к этому английскому гостинцу, остаться бы мне без рук и без ног! Не стану я больше тебя слушать!

– Тихо! – призвал полковник. – Мы уже близко.

– Что, пришла пора выпустить кишки парочке часовых? – оживился неугомонный бретонец.

– Какое там! Ради встречи с англичанами вам придется пройти в гору футов девятьсот! Еще один снаряд вспорол воздух у них над головой, исчезнув в направлении корвета.

– Да закончится когда-нибудь этот град? – пробормотал Малыш Флокко. – Он начинает мне надоедать. Где мой непромокаемый плащ из тюленьей кожи? Сейчас мне бы очень пригодился этот подарок моей старушки!

– Уж он-то тебя точно спасет! – пробасил Каменная Башка.

Полковник тем временем остановился у высоких кустов и раздвинул ветви, не обращая ни малейшего внимания на шипы, разрывавшие платье. Пройдя с десяток метров через чащу, он спросил:

– Вы захватили с собой фонарь?

– Он у меня! – незамедлительно отозвался Малыш Флокко.

– Так зажги его. Тьма здесь хоть глаз выколи.

Каменная Башка тут же высек искру из огнива и поджег фитиль небольшого фонаря.

Они стояли у подножия высокой скалы, в толще которой открывался проход.

– Вот мы и на месте, – сказал полковник. – Вам придется ползти, точно змеям. В дальнем конце подземного хода вы найдете заминированный каземат. Одна из плит пола сдвинута, так что приподнять ее вам не составит труда. Действуйте с великой осторожностью, и не дай вам бог поджечь порох.

– Каменная Башка, найдется ли у тебя просмоленный шнур?

- Как и у всякого годного моряка, – отвечал бретонец.
  - Зачем он вам? – удивился полковник.
  - Хочу избавить вас от труда и подорвать каземат, – невозмутимо отвечал Маклеллан.
  - Но вы подвергнете себя ужасной опасности!
  - К опасности нам не привыкать. И потом, мы прибыли сюда, чтобы действовать, а не слушать гром канонады.
  - Поступайте, как считаете нужным. Мои соотечественники вам этого не забудут.
  - Прощайте, полковник. До скорой встречи!
  - Будьте осторожны, – взволнованно напутствовал их американец. – Если вас схватят, пощады не ждите.
- Они в последний раз пожали друг другу руки и расстались.
- Полковник стал продираться сквозь заросли к ожидавшей его шлюпке, а баронет, освещая себе путь фонарем, скрылся в подкопе, сопровождаемый верными спутниками.

8. Заминированный каземат

Ополченцам стоило немалых трудов прорыть туннель. Выбитый в сплошной горной породе, проход был совершенно сух, так что троим корсарам не грозило промокнуть до нитки на пути к Бостону.

– Неужто эти проклятые минеры не могли сделать подкоп пошире? Не ровен час, трубку обломаешь, – ворчал Каменная Башка.

– Так не выпускай ее изо рта, – пропыхтел баронет, ползший первым с фонарем в руке.

– Пожалуй. Уж больно я дорожен для этакой змеиной норы. Боюсь, даже моя дубленая шкура пообдерется о тутощные камни.

– Поделился бы со мной телесами, Каменная Башка, – предложил Малыш Флокко.

– Запомни, акуленок ты мелководный: мясо старых бретонцев из Иль-де-Ба ценится на вес золота.

– Сам ты мелководный! – огрызнулся юноша.

– Обиделся? Не хватало еще драку затеять в этакой теснотище!

– Как же, затеешь тут, когда твои сапоги маячат перед моей физиономией! Ты меня живо достанешь!

– Так не перечь, когда я говорю!

– Будет вам болтать! – прикрикнул на них баронет, потешаясь в душе. Его забавляли бесконечные перепалки между этими двумя, питавшими друг к другу почти родственную привязанность. – Пошевеливайтесь!

– Легко сказать, капитан, – проворчал Каменная Башка, – да не так просто сделать. О чем только думали эти американцы? Им, видно, невдомек, что на всем севере Франции не сыскать никого крупнее бретонцев из Иль-де-Ба.

– Ну да... Крупнее и краше! – добавил с ухмылкой Малыш Флокко.

– Тише вы, попугай! – шикнул на них Маклеллан. – Англичане все ближе.

– Бьюсь об заклад, они давно одурели от джина и бренди, – буркнул бретонец. – А потом, неизвестно, сколько нам еще ползти!

Корсары продолжали продвигаться по подземному ходу, настолько узкому, что в случае опасности ни один из них не смог бы вынуть клинок из ножен. Извиваясь на змеиный манер, они ползли все выше по нескончаемому туннелю, выдолбленному в скале. С каждой минутой дышать становилось все тяжелее. Троица покрылась испариной и не без труда напрягала мышцы, страдая от нехватки воздуха.

Они преодолели уже изрядное расстояние, когда ползший первым Маклеллан застыл, глубоко вздохнув и опустив фонарь. В ушах его звенело, взгляд помутился. Сил почти не осталось. Спутники баронета были не в лучшем состоянии. Воздуха решительно не хватало, и ужасная перспектива умереть от удушья лишала отваги даже этих отчаянных смельчаков.

– Капитан, – прохрипел бретонец, – я задыхаюсь.

– Да и мне не легче, – с трудом признался баронет.

– Мы здесь подохнем, словно крысы в сточной канаве! Может, повернем назад?

– Нам не развернуться, пока не доползем до каземата. Нечего и мечтать. И потом, я должен добраться до Бостона во что бы то ни стало.

– Во имя Иль-де-Ба, что за легкие были у минеров, прорывших чертов туннель?

– Должно быть, цыплячи, – предположил неунывающий Малыш Флокко.

– Ты там еще дышишь?

– Похоже на то!

– Ушам своим не верю! Да у тебя же легкие как у чахоточного. Как вы, сэр Уильям?

Баронет, не ответив, поспешно потушил фонарь.

- Доброй ночи, – проговорил Малыш Флокко.
- Зачем вы это сделали, капитан? – изумился Каменная Башка. – Не видно ни зги.
- Взгляни вперед.
- Как, скажите на милость? Вы мне закрываете весь обзор.
- Там впереди свет. Кто-то движется в нашу сторону.
- Разрази меня гром! И кто же?
- Нетрудно догадаться, хоть он еще и не успел представиться.
- Во имя Иль-де-Ба! Неужели англичане обнаружили подкоп?
- Нам конец! Здесь не развернуться!
- Значит, ползем вперед, – принял решение Маклеллан.
- Проклятая судьба! В этой тесноте мы даже трепку им задать не сможем! Эх, сейчас я бы уступил свою толстую шкуру за паршивый луидор!
- Покупаю, – отозвался Малыш Флокко.
- Так давай его скорей сюда. С двадцатью франками в кармане и подышать приятнее.
- Извини, забыл захватить с собой. Отдам, когда вернемся на корвет. Да если бы он у меня и был, я бы не смог сунуть руку в карман в этой чертовой тесноте.
- А!.. Так ты, чертяка, еще надеешься вернуться на «Громовержец»?
- Само собой.
- Ты прав. Пожалуй, я не уступлю свою шкуру и за тысячу луидоров.
- Молчать! – резко приказал капитан.
- Неужели там и вправду кто-то есть? – не отставал боцман.
- Да.
- И как мы поступим с этим дуралеем? Если вы его пристрелите, труп перегородит проход и нам останется только повернуть назад. И то если удастся.
- Знаю.
- Так что же делать, капитан?
- Не удостоив боцмана ответом, после нескольких попыток Маклеллан вытянул из-за пояса двустольный пистолет.
- Подождем, – немного погодя отозвался он. – Англичанина ждет волнующая встреча. А теперь помолчите и, если сможете, достаньте пистолеты. Стрелять будете из-за моей спины.
- У меня духу неостанет, – сознался Каменная Башка. – Еще не хватало пристрелить своего капитана. Да вы мне дороже всех колоколен Иль-де-Ба!
- Провались ты к чертям со своими колокольнями! Сам справлюсь!
- Огонек приближался, покачиваясь и отбрасывая красноватые отблески на каменные стены туннеля.
- Маклеллан ожидал противника с пистолетом в руке, гадая, что предпринять. В самом деле, даже если он расправится с англичанином, тело убитого врага наглухо перекроет проход. Воистину требовались стальные нервы, чтобы, подобно баронету, сохранять хладнокровие перед неминуемой стычкой.
- Свет все приближался, и вот уже в трех шагах от Корсара показались красная, как у закоренелого пьянчуги, физиономия с лихорадочно блестящими от недостатка воздуха глазами под спутанными космами.
- Угадав близкое присутствие людей, неизвестный замер, приподняв фонарь, и испустил сиплый крик:
- Черт меня раздери! Все погибло! Ну я и глупец!
- Да что вы говорите! – любезно отозвался баронет.
- Говорю, что таких дураков, как я, свет не видывал! Мы, ирландцы, распоследние простофили!

– Стреляйте, капитан, – прошептал бретонец, – и отправьте в ад эту краснорожую образину!

Корсар, не имея намерения перегораживать проход, наставил на ирландца дуло пистолета:

– Я мог бы пристрелить вас, как пса. Здесь так тесно, что вы не сумели бы этому воспрепятствовать. Желаете поговорить?

– Что за собачья жизнь!

– Хватит плакаться. Она не станет лучше, если я напигую вас свинцом. Тогда вам и сам дьявол не поможет.

Ирландец не отвечал. Лицо его побледнело и подергивалось от гнева, глаза зловеще блестели. Он лишь выставил вперед фонарь, чтобы лучше разглядеть противника.

– Желаете поговорить? – стоял на своем Маклеллан. – Ваша жизнь в моих руках. Нас разделяют всего два шага. Стоит мне пожелать, и ваша голова разлетится, как переспелая тыква.

– Попробуй только протянуть ко мне руку, и я пристрелю тебя, каналья!

– Я не один здесь, друг мой, – отвечал Корсар. – Пули моих товарищей достанут вас и из-за мертвого тела.

– Сколько вас?

– Сотня.

– Тогда я покойник.

– На вашем месте я бы помолился.

– Я бы, пожалуй, вспомнил какую-нибудь молитву, будь со мной бутылочка виски, – отвечал ирландец.

– Так попросите о ней дьявола.

– Если вы меня пристрелите, вам ни на шаг не продвинуться вперед.

– Знаю, поэтому предлагаю сделку. Да смотрите не пытайтесь вытащить пистолет, потому что я тут же прострелю вам черепушку.

Ирландец грязно выругался.

– Хорошо, пока что сила на вашей стороне. Чего вам нужно?

– Отползайте к каземату.

– Это будет нелегко. Ползти вперед еще куда ни шло, но пятиться?

– Мы не спешим, – заверил Корсар. – Ползите, или я продырявлю вам шкуру!

– Повторяю: это невозможно.

Сэр Уильям вырвал из рук ирландца фонарь, разжег свой, не теряя упряма из виду, наставил ему в лоб пистолет и угрожающе произнес:

– Ползи назад, или я тебе мозги вышибу!

Солдат, поняв, что спорить не время, с усилием попятился, не переставая сыпать проклятиями.

– А говорил, не можешь! – сказал Корсар.

– Я себе так всю поясницу расшибу, – пыхтел ирландец.

– Я сказал: назад!

– Разрази меня гром! – воскликнул Каменная Башка, начиная терять терпение. – Всадите пулю в рожу этому упрямцу! Из-за него мы все здесь задохнемся! Я больше не могу.

– Назад, негодяй! – повторил Маклеллан.

Ирландец начал отползать, фыркая, отдуваясь и отчаянно извиваясь всем телом. Видя перед собой пистолет Корсара, бедолага предпринимал отчаянные усилия, чтобы вернуться в заминированную камеру под казематами.

Спустя пять минут, показавшихся вечностью, ирландец начал двигаться быстрее. Наконец он достиг камеры.

Заметив, что солдат стал двигаться проворнее, баронет рванул его к себе:

– Не смей вставать, пока я не скажу! И попробуй только пошевелить рукой. Мне не нужны неприятные сюрпризы. Одно подозрительное движение – и я стреляю!

– Я обещал вам, что не буду сопротивляться, – буркнул ирландец.

– Что-то слабо верится.

– Клянусь святым Патриком, небесным покровителем Ирландии.

– Ну да, и папой римским вдобавок! Все вы, ирландцы, паписты, верно? Кончайте его! – взревел Каменная Башка.

– Ты слышал, что сказал мой лейтенант? А позади него еще сотня солдат, сгорающих от желания выбраться из этой тесноты, – сообщил баронет.

– Да если хотите, я хоть хвостом дьявола поклянусь!

– Это бы тебе больше подошло, – проворчал Каменная Башка. – Я куда больше христианин, чем этот пьянчуга, ведь бретонские священники – воистину наши пастыри. Пошевеливайся! Всыпьте ему хорошенько, капитан!

Вовсе не собираясь следовать совету боцмана, баронет тем не менее неотрывно следил за каждым движением ирландца, готовый при малейшем подозрении прострелить ему череп.

Последним усилием солдат выбрался из тесноты туннеля и, резко выпрямившись, оказался в заминированной камере, достаточно просторной, чтобы встать во весь рост и даже свободно передвигаться.

Сэр Уильям, отбросив фонарь, одним тигриным прыжком очутился возле ирландца и схватил его за горло.

– Нет, приятель, – прошипел он, – с бермудскими корсарами такие шутки не пройдут. Руки вверх, или я стреляю!

Ирландец, зарывав, рванулся из рук баронета, но хватка Маклеллана была железной.

Каменная Башка и Малыш Флокко, выбравшись из узкого прохода, бросились на солдата. Вскинув кулак размером с кувалду, бретонец пробасил:

– Позвольте, я его прикончу, капитан?

– Не стоит труда, – отвечал Маклеллан. – Он уже все равно что труп. Просмоленный шнур еще у тебя?

– Да, капитан.

– Достань его.

– А дальше что?

– Имей терпение. Я хочу тут немного осмотреться. Да! И не забудь заткнуть ему рот.

– Положитесь на меня!

Пока баронет пробирался по новому проходу, гораздо более широкому, чем предыдущий, бретонец достал из кармана платок, а Малыш Флокко крепко держал ирландца, уткнув дуло пистолета ему под подбородок.

– Что ж, господин пьянчуга, позвольте заткнуть вам клювик, чтобы вы не запели, – сказал боцман. – О, не беспокойтесь! Нос я вам не заткну, так что дышать вы сможете.

Ирландец взревел было, но не посмел сопротивляться.

Каменная Башка поспешно забил кляп ему в рот и крепко-накрепко связал ирландца.

– Этот заморский павлин еще не скоро подаст голос. Взгляни, Малыш Флокко, не напоминает ли он тебе кровяную колбасу в этом перетянutom веревками красном мундире?

– Жаль, он несъедобный, – отозвался марсовой. – Уж я бы здорово угостился.

– Если хочешь полакомиться ирландской колбаской, я возражать не стану.

– Я что тебе, людоед какой-нибудь?

– Ба! Мне доводилось отведать человечины на плоту, затерянном посреди океана. Не такая уж она и противная, скажу я тебе.

В этот момент, держа перед собой фонарь, в камеру вернулся сэр Уильям.

– Ну что, капитан? – спросил бретонец.

– Через пять минут мы будем в Бостоне, а казематы взлетят на воздух.

– Во имя Иль-де-Ба!

– До казематов всего двадцать пять – тридцать шагов. Внутри темно. Одна из плит сдвинута. Возможно, этим самым солдатом.

– А мина?

– Ты что, слепой?

Вскочив на ноги, Каменная Башка оглядел стену, освещенную фонарем капитана.

– Фитиль! – воскликнул боцман.

– Где фитиль, там и мина.

– И эти болваны-англичане ее не обезвредили?

– Возможно, у них просто не хватило времени. Вчера весь день шли бои.

– Вы правы, капитан.

– Как думаешь, долго будет гореть фитиль?

– Три-четыре минуты, – отвечал бретонец, рассматривая шнур.

– Более чем достаточно, чтобы убраться отсюда, – заключил Маклеллан.

– Вы видели в казематах солдат?

– Я слышал чей-то храп. Должно быть, они так утомились, пока дрались, что их и пушками не разбудишь!

– Гм... А что делать с этим павлином?

– Оставим его здесь. Пусть взлетит на воздух! – равнодушно ответил сэр Уильям. – Он видел наши лица. Поощрим его теперь – он, чего доброго, сдаст нас страже, если повстречает на улицах Бостона. И тогда болтаться нам на виселице без суда и следствия. У военного времени свои законы.

– Бедняга... С другой стороны, пусть первым отправится на тот свет. Когда повстречаем его там – чем позже, тем лучше, – тогда и принесем свои извинения.

– Поджигай и живо за мной!

Каменная Башка открыл фонарь, протянутый капитаном, и запалил фитиль. Корсары бросились вон, в то время как злосчастный ирландец в преддверии неминуемой гибели бешено кусал кляп и тщетно пытался высвободиться из пут.

9. Таверна «Тридцать бизоньих рогов»

Как уже было сказано, последний отрезок подземной галереи оказался гораздо более просторным, и корсары, слегка пригнувшись, могли даже бежать. В несколько мгновений они достигли каземата.

Сэр Уильям погасил фонарь и решительно двинулся вперед. Оставив заморского павлина и его храпевших товарищей по оружию в каземате, готовом вот-вот взлететь на воздух, Каменная Башка и Малыш Флокко поспешили следом. В галерее царил полутьма, лишь слабое мерцание коптящей лампы освещало им путь. Полтора-два десятка солдат, по большей части гессенских наемников, спали без задних ног.

Пройдя через небольшое помещение, Корсар оказался перед дверью, отмеченной еще одним светильником, за которой находился деревянный частокол.

– Направо нам идти или налево? – в растерянности пробормотал он, а затем пожал плечами. – Впрочем, какая разница... Зря, что ли, мы вырядились в английскую морскую форму? Посмотрим, кто дерзнет меня остановить. Каменная Башка, Малыш Флокко, за мной! Еще немного – и все здесь разнесет взрывом!

Все трое пустились бежать вдоль частокола. Не успели они проделать и пятидесяти шагов, как загрохотали орудия, установленные на бастионе.

Корсаров остановил властный окрик.

Из-за фонарного столба показался часовой, который закричал, наставив на моряков ружье с примкнутым штыком:

– Стой! Кто идет! Стрелять буду!

Баронет остановился, молниеносно обнажив шпагу.

– Лейтенант Торсон, – назвал его. – Ты что, не знаешь, кто я такой? Я спешу к генералу Хау с важным поручением.

– Проходите, лейтенант, – отвечал солдат. – А кто эти двое?

– Мои матросы.

– Не смею вас задерживать.

Сэр Уильям быстро миновал часового. Каменная Башка, приготовившийся обрушить на несчастного всю мощь огромных бретонских кулаков, и Малыш Флокко поспешили за капитаном.

За частоколом показались дома бостонцев.

– Сворачиваем в первую же улочку, – сказал Маклеллан спутникам. – На таком удалении нас уже не накроет взрывной волной.

– А дальше куда?

– Увидим.

– Разберемся, капитан, – прогудел бретонец.

– Хорошо ли ты знаешь Бостон?

– Я бывал здесь пару раз лет двадцать назад. Уж и не знаю, сильно ли тут все изменилось, но не сомневаюсь, что одна хорошо известная мне таверна стоит на том же месте. Бьюсь об заклад, ее хозяин не разорился и не сбежал в Южную Америку.

– Ты знаешь, как ее найти?

– Ба! В такой темноте это будет непросто. Я, черт возьми, не ходячий компас.

И тут за спиной у них грянул взрыв, опрокинувший всех троих на землю. С ужасным грохотом, от которого у беглецов заложило уши, мина разорвалась, подняв на воздух казематы и часть бастиона.

– Бедняга-павлин! – воскликнул Каменная Башка, поднявшись и потирая ребра. – Должно быть, уже мчится в мир иной на скорости тридцать-сорок узлов в час. Попутного ветра тебе в этом жарком местечке!

Послышались крики ужаса. Солдаты, обезумев от ужаса, бросились врассыпную и зывали о помощи. Стекла со звоном посыпались из окон домов, выходящих к укреплениям. Корсар и Малыш Флокко не пострадали: благодаря быстрым ногам они оказались вдали от взрыва.

– Капитан, – сказал Каменная Башка, – похоже, мы немало англичан отправили на тот свет, уж не знаю, в преисподнюю или на небеса.

Улицы Бостона огласили тревожные звуки горнов, созывая гарнизон к месту катастрофы. Повозки, полные английских солдат и гессенцев, уже на всей скорости неслись на помощь.

– Свернем в темный переулок, – скомандовал баронет. – Если нас, упаси Господи, заметят – отправят назад к бастиону, а я туда вовсе не стремлюсь. Пошевеливайся, Каменная Башка!

Бретонец побежал по насыпи, где стояли орудия и повозки, и, добравшись до первых домов, свернул в узкий пустынный проход, где царила полная темнота.

– Таверна наверняка открыта, – заверил он.

– Осталось лишь ее найти, – хмыкнул баронет. – Англичане слишком любят пропустить стаканчик, чтобы закрыть на ночь питейное заведение, а уж в такую ночь и подавно.

Повсюду приоткрывались раздвижные ставни, и засветившие лампу горожане высовывались из окон, с тревогой спрашивая соседей, что стряслось.

– Что там взорвалось?

– Наверняка форт.

– Похоже, и Фанел-холл, и Оксфордская башня взлетели на воздух!

– Да нет же, взрыв раздался вовсе не оттуда.

– Бедные простаки! – заметил баронет и вновь разжег фонарь.

Корсары продолжили свой путь, готовые в любой миг выхватить из-за пояса пистолеты.

Несмотря на взрыв, артиллерийская дуэль продолжалась. Ядра ополченцев сыпались на город с неба, сокрушая кровли и стены. Время от времени за громом залпов следовал грохот разрывов, раздавались крики раненых и треск рушащихся зданий. И все это было делом рук канониров с корвета, без промаха паливших гранатами из мортир.

– Вот она – музыка нашего «Громовержца»! – похвалился Каменная Башка. – Клянусь Иль-де-Ба, он достоин своего имени! А-а, вот заговорили абордажные орудия с кормы. Я различу их голоса среди тысячи других.

Корсары пересекли четыре-пять узких темных переулков, зажатых между низкими неуклюжими домишками, похоже покинутыми своими владельцами, и оказались перед дверью под призывно горящим фонарем.

– «Постоялый двор „Тридцать бизоньих рогов“», – прочитал надпись на вывеске Малыш Флокко и спросил: – А что, Каменная Башка, мясо бизонов здесь подают? Насколько мне известно, у бизонов только по два рога, так что в этом заведении этих быков должно быть не меньше пятнадцати.

– Хватит болтать! – прикрикнул на спутников Маклеллан, взявшись за железное кольцо, служившее дверной ручкой, и распахивая дверь.

Корсаров тут же окутало облако крепкого табачного дыма. Несмотря на осаду и бомбардировку, любители промочить глотку, толкуя о том о сем, и выкурить трубку-другую в Бостоне не переводились.

Таверна, заведение не лучшего пошиба, могла похвастаться лишь одной убогой залой, не слишком обширной, с низкими потолками, прокуренной насквозь, где уютилось с полдюжины топорно сработанных столов и несколько хромоногих стульев. Вся эта «роскошь» освещалась единственной сальной свечой, не столько рассеивавшей мрак, сколько коптившей.

При виде баронета здоровенный рыжий бородач, с коровьими глазами и глупой физиономией, который сидел на скамье, попыхивая трубкой и подперев рукой щеку, вскочил со словами:

– Доброго вечера, сэр. Чем могу служить вашей милости?

– Принеси-ка нам бутылку джина или бренди, да получше, – ответил сэр Уильям, заняв ближайший к свече стол.

– Вам крупно повезло, мои добрые господа, что мой погреб еще не опустел. Наведайся вы парой дней позже, пришлось бы вам отказать. К нам сюда не доставляют ни провизии, ни горячительных напитков. Эта осада меня разорит!

– Так взвинти вдвое стоимость того, что осталось, – посоветовал хозяину Каменная Башка.

– И то верно. Так будет лишь справедливо.

– Только с нас не начинай. Дельный совет денег стоит. Особенно если дан адвокатом.

– Так вы адвокат?

– А то! Адвокат в пеньковом галстуке! – осклабился бретонец.

Глуповатый трактирщик взглянул на него пустыми глазами, тряхнул тяжелой рыжей головой и спустился в погреб.

– Вы не против, если я закурю, капитан? – спросил бретонец.

– Делай что хочешь, – отвечал Маклеллан, внезапно придя в дурное расположение духа.

Каменная Башка порылся в многочисленных карманах, извлек из одного семейную реликвию, набил ее с превеликой осторожностью и раскурил от пламени свечи.

– Удивительно, – произнес он, выпустив необъятный клуб дыма, – но всякий раз, как я разжигаю трубку, мне кажется, будто я снова в Бретани.

– Ага, в своем родовом замке, – поддел Малыш Флокко.

– Да будет тебе известно, юный прохвост, что все мои предки жили в море и в замках не нуждались, – отвечал бретонец.

– Ну да, мотались по морю в каком-нибудь дырявом корыте.

– Ах ты, шельма! Чтоб ты знал, мой дед ловил треску у берегов Исландии и шхуна его считалась лучшей во всей Бретани. Будь она дырявым корытом, дед сгинул бы в море, а не отошел в мир иной в собственной постели.

– На перине из гагачьего пуха!

– Уж не сомневайся! Пух гаги, чудо как сохраняющий тепло, он всегда привозил из Исландии.

Эта беззлобная перебранка, оставившая безучастным баронета, могла бы длиться еще долго, когда бы не была прервана возвращением хозяина с запыленной бутылкой и тремя стаканами.

– Видать, бутылка-то долгонько дожидалась своего часа. Верно, хозяин? – спросил бретонец.

– Пятидесятилетней выдержки.

– Ты ври, да не завирайся. Клянусь тысячей бизоньих рогов! В какой такой английской винодельне разлито это пойло, если тебе еще и сорока нет?

– Об этом надо бы спросить моего отца, – невозмутимо отвечал хозяин.

– Так кликни его!

– Он испустил дух двадцать лет назад, после того как выпил на спор три бутылки виски.
– Так вот как твой папаша завлекал клиентов! – воскликнул Малыш Флокко.

– Отправился, стало быть, к праотцам и оставил все тебе, – заключил бретонец. – Что ж, отведаем этого доброго... что это, говоришь?

– Джин.

– Пятидесятилетней выдержки? Капитан, если эта можжевелевая водка и вправду так хороша, она поможет вам развеяться.

Баронет не отвечал. Подперев голову рукой и уставив в пространство неподвижный взгляд, он как будто ничего вокруг себя не видел. Несомненно, мысли его уносились к леди Мэри Уэнтворт.

– Будет буря! – прошептал бретонец на ухо юному марсовому.

Хозяин откупорил бутылку – и, о боже... Оттуда в стакан боцмана вместе с хлынувшей жидкостью вывалилось нечто черное.

– Якорь мне в глотку! – рявкнул Каменная Башка. – Чем занимался твой чертов папаша? Заготавливал впрок скорпионов?

Изумленный трактирщик тарасился на превосходно заспиртованную тварь, хвост которой со смертоносным жалом бретонец ухватил заскорузлыми пальцами.

– Что здесь делает это ядовитое создание? – спросил моряк, с отвращением взирая на свою добычу. – Уж не хочешь ли ты нас отравить из ненависти к англичанам? Да знаешь ли ты, негодник, что мы с тобой сделаем? Пойдешь под суд. Хотя по военному времени тебя и без всякого суда расстреляют как изменника!

– Помилуйте, – задрожав, промямлил хозяин. – Должно быть, это бутылка со скорпионьей настойкой.

– И ты хочешь нас убедить, будто она разлита полвека назад в какой-то валлийской винодельне?

– Я просто взял ее по ошибке в темноте.

– Ах ты, скряга! Пожалел свечку!

– Их в Бостоне всего ничего осталось. Приходится беречь те, что есть.

– А что это ты нам тут плетешь про скорпионов? Задумал отравить английских моряков? Видно, ты приспешник этой канальи Вашингтона и мошенника Арнольда.

– Да нет же, господин. Это отличное укрепляющее снадобье. Говорят, оно залечивает раны.

– Во имя Иль-де-Ба! Видали вы когда-нибудь, чтоб трактирщик еще и аптекарем заделался?

– Никогда, – заверил Малыш Флокко.

– А вы, капитан?

Маклеллан лишь с улыбкой покачал головой.

– Отправляй-ка своих скорпионов обратно в погреб, – распорядился Каменная Башка, – и тащи другую бутылку. Если воротишься со змеиной настойкой, прощайся с жизнью!

Хозяин забрал бутылку со словами:

– На этот раз я пойду в погреб со свечой.

– Смотри не околевай от жадности! – прокричал ему вслед Малыш Флокко.

Вскоре трактирщик явился с бутылкой более почтенного вида, густо затянутой паутиной и покрытой толстым слоем пыли.

– На этот раз столетняя небось? – съехидничал бретонец.

– Шестидесятилетняя, – отвечал хозяин.

– Ее еще твой дед, видать, закупоривал?

– Нет, моя матушка.

– Должно быть, отличное пойло. А теперь поменяй стаканы и проваливай!

– Тебе еще не надоело ворчать, старый брюзга? – спросил баронет.

– Эх, капитан, – отозвался Каменная Башка, – да я и тысячу попугаев переболтаю, лишь бы отвлечь вашу милость от тяжких мыслей. На вас этой ночью просто лица нет, а ведь вы должны быть довольны, что мы проникли в город. Тут нам никакие напасти не страшны.

– Возможно, ты и прав, – согласился Маклеллан со слабой улыбкой, поднял свой стакан и опорожнил его одним глотком.

– Ну что, как выдержка? Шестидесятилетняя? – справился боцман, однако сэр Уильям лишь равнодушно передернул плечами.

– Давай-ка на приступ, Малыш Флокко!

– Всегда готов, – ответил марсовой.

Оба залпом осушили свои стаканы с горячительным.

– Что скажешь, сынок? – осведомился бретонец.

– Уж и не знаю.

– Мой табачок покрепче будет.

– Как же ему не быть! Ведь твою трубку курили уже не меньше трех человек лет этак двести!

– Ну, двести не двести, – напыжился Каменная Башка, – но лет моей трубке немало. Турок, который ее изготовил, надо думать, был стоящим мастером и даже... – Он оборвал свою болтовню на полуслове, увидев, что его капитан вдруг вскочил и уставил загоревшийся взгляд на трактирщика, подошедшего узнать, пришлось ли гостям по вкусу содержимое второй бутылки.

– Давно ли ты живешь в Бостоне? – спросил хозяина сэр Уильям.

– Я здесь родился, ваша милость.

– Так, значит, ты был здесь, когда американцы осадили город?

– Да, мой господин.

– И ты знаешь всех военачальников?

– Разумеется.

– И маркиза Галифакса?

– Мне выпала честь уступить маркизу свои последние запасы бордо и шампанского.

– Вот как! И где он живет?

– В Оксфорд-мэншн. Признаться, я удивлен, что ваша милость этого не знает.

– Мы прибыли в город только вчера и совсем не знаем Бостона.

– Значит, в Оксфорд-мэншн? – оживился Каменная Башка, – Да я туда вас хоть с закрытыми глазами проведу, капитан. Это же наиболее хорошо укрепленная часть города, не так ли, хозяин?

Трактирщик кивнул.

– Присядь, – пригласил Маклеллан.

Американец повиновался, осторожно пристроив свой зад на шаткий табурет в паре метров от стола.

– Не доводилось ли тебе видеть в Оксфорд-мэншн юную леди? Светловолосую и очень красивую?

– Ну как же... Я доставил нарочно для нее две бутылки превосходного рейнского, мой господин, из последних запасов. Это вино делает честь «Тридцати бизоньим рогам».

– Ну-ну, – вставил Каменная Башка. – Славное, должно быть, вино, настоящее на скорпионах!

– О нет, мой добрый господин, – усмехнулся хозяин. – В вино они бы так не сохранились.

– У тебя, случаем, не осталось еще одной бутылки?

– Может, и найдется.

– Так тащи ее сюда! Слово моряка, если я опять найду в бутылке скорпиона, сровняю с землей твою лачугу! Капитан, позвольте старому морскому волку предложить вам еще бутылочку. Людям, чудом спасшимся от смерти, сам Бог велел хорошенько выпить.

– Ну что с тобой поделаешь, – отозвался, улыбаясь, сэр Уильям. – Ты самый сумасбродный из моих людей.

– Раз вы так говорите, мне остается только верить, – с важной миной кивнул бретонец. – Вот закончится война, попрошусь в сумасшедший дом.

10. Оксфорд-мэншн

Хозяин поспешил в погреб, откуда вскоре возвратился с третьим запыленным сосудом.

– Рейнвейн! – провозгласил он. – Последняя бутылка!

– Вот уж повезло так повезло! – воскликнул Каменная Башка. – Прикончим последнюю бутылку! Каково, а, Малыш Флокко?

– Я прямо-таки ошеломлен нашей удачей! – откликнулся марсовой.

– Поменяй стаканы и разливай, – распорядился морской волк.

Трактирщик немедленно повиновался, и вскоре янтарная струя с веселящим душу журчанием наполнила стаканы.

– Черт возьми! Вот это пена! – воскликнул боцман, опрокинул в себя стакан и тут же с такой силой пнул стол, что едва не опрокинул почти полную еще бутылку джина.

– Ты что, и впрямь ума лишился? – сдвинул брови баронет.

– Гром и молния! Малыш Флокко, ты только попробуй!

– Неужели и тут скорпионы? – пришел в недоумение марсовой.

– Говорю тебе, попробуй!

Юноша пригубил напиток и разразился громовым хохотом:

– Да это же дрянное грошовое пойло из нормандских яблок!

– Капитан, каков ваш вердикт?

– Яблочный сидр, – вынес авторитетное суждение сэр Уильям.

– Чума и ад! – вскричал Каменная Башка, гневно уставившись в коровьи глаза хозяина.

– Чем я не угодил вам, мой господин? Что случилось? – пролепетал несчастный.

– У кого ты приобрел это вино?

– Я его не покупал... Это мой отец.

– Его безбожно надули! Твое знаменитое рейнское – не что иное, как яблочный сидр, который в Бретани идет по два цента за бутылку.

– Что?! Не два доллара! Возможно ли?

– Это я тебе точно говорю.

– Как же так?!

– Похоже, родитель твой был настоящим ослом, – изрек Каменная Башка.

– Просто он никогда не просыхал, – чистосердечно сознался хозяин с сокрушенным вздохом.

– Такому только таверну держать.

– Зато какой был знатный пропойца! – похвалил Малыш Флокко.

– Вот поучительный пример для всех нас, сынок. Раз уж рейнвейна нам отведать не суждено, выпьем сидра. Не так уж он и плох. Выпьем и притворимся, будто мы в Иль-де-Ба. Да заруби себе на носу, хозяин, что больше пяти монет за эту бутылку ты от меня не получишь. Это сидру красная цена. Пусть твоего папашу облапошили, мы не такие ослы!

– Эта бутылка пойдет за счет заведения, мои добрые господа.

– Ты честный малый, – похвалил моряк, – а я люблю честных людей. Так что мы еще вернемся в твою таверну.

– Почту за честь.

– А не найдется ли у тебя для нас свободной комнаты? – спросил Маклеллан.

– Как не быть, ваша милость.

– С парочкой кроватей?

– Да, с двумя.

– И мы сможем не опасаться американских снарядов? – насупил брови Каменная Башка.

– До сих пор ни один не угодил в мой постоянный двор.

Сэр Уильям поднялся и, бросив на стол блестящую новенькую монету, произнес:

– Возможно, нам понадобится ночлег. Придержи для нас эту комнату.

Хозяин лишь всплеснул руками от радостного изумления.

– Что, любишь звонкую монету? – лукаво спросил бретонец. – Избавь от поклонов и благодарностей. Ты увидишь нас скорей, чем ожидаешь. Только смотри, чтобы мы снова не нашли скорпионов в твоих бутылках.

Сэр Уильям был уже в дверях.

Сумерки быстро рассеивались, в небе проступила розовая рассветная полоса. Яростная бомбардировка Бостона продолжалась, и среди взрывов можно было различить те, что производили громадные ядра, изрыгаемые мортирами корвета.

– Веди нас к Оксфордской башне, – приказал Маклеллан Каменной Башке.

– Слушаюсь, капитан.

Не обращая внимания на осколки снарядов, то и дело со свистом пролетавшие над самой их головой, моряки пустились в путь.

Через десять минут они вышли на широкую улицу, запруженную солдатами и повозками, доставлявшими боеприпасы гарнизонной артиллерии. Никто их не замечал, поскольку осажденный Бостон буквально кишел моряками с военных кораблей.

Мгновенно сообразив, что к чему, Каменная Башка разжег свою трубку и зашагал, поглядывая вверх.

– Что ты все высматриваешь на небе? – спросил Малыш Флокко, догоняя боцмана.

– Башенку Оксфорд-мэншн.

– А, так у него есть башня!

– Она в плачевном состоянии. Таком плачевном, что англичане, надо думать, не осмелились поставить к бойницам даже пушки среднего калибра. Оттуда не доносится ни единого залпа.

Миновав еще несколько улочек, корсары оказались у северных укреплений, среди которых возвышалось довольно-таки безобразное сооружение. В нем было что-то и от замка, и от крепости. Над ним возносилась пятиугольная башня высотой метров двадцать, ощерившаяся амбразурами и бойницами.

– А вот и Оксфорд-мэншн! – остановившись, провозгласил Каменная Башка. – Ну что, идем на приступ, мой капитан?

Обойдя нелепое строение, Маклеллан принялся разглядывать его, словно чувствуя, что где-то за угрюмыми стенами томится леди Мэри Уэнтворт.

– Вот что, Каменная Башка, – произнес он немного погодя, – угости-ка ты выпивкой какого-нибудь малого из тех, что стоят здесь в карауле.

– Попотчевать его каким-нибудь славным винцом из погреба нашего трактирщика? Будет исполнено, мой капитан! – встал навтыжку бретонец. – Моряк солдату первый друг, особенно когда подносит стаканчик.

- А ты поставь ему бутылочку у нашего хозяина.
- А завтрак?
- Хоть два, если пожелаешь. Вот, возьми деньги.
- Что вы, капитан! У меня и самого кое-что имеется.
- Бери деньги и не возражай.

– Если это приказ, то я повинуюсь, – отвечал бретонец, протягивая похожую на лопату ладонь. – Взять на abordаж солдата? Плевое это дело для моряка, всегда готового идти на приступ. Опрокину со служивым по стаканчику можжевелевой водки, и будет он у меня с руки есть. Положитесь на старика, сэр Уильям. А ты, Малыш Флокко, крутись неподалеку. Подгребешь ко мне чуть позже.

– Понял, – кивнул марсовой.

– Будь готов заказать плотный завтрак у лупоглазого дурня.

– Слушаюсь, командир!

– Как ты сказал? Командир?

– Во имя всех бретонских простофиль! Командуешь ты почище адмирала!

– И тебе того же советую! Пойдем к нашей рыбке! Наживка у нас объединенье!

– Еще бы! Бутылочка и сытный завтрак на крючке!

– Который и ты будешь уплетать, мошенник!

– А то!

Раскурив свою почтенную трубку и засунув руки в карманы, Каменная Башка направился к входу в Оксфорд-мэншн, а сэр Уильям и Малыш Флокко остались бродить неподалеку.

Тем временем навстречу боцману шел капрал Пятого Гессенского полка с небольшим холщовым мешком за плечами. Изображая праздного гуляку, который от нечего делать тарасится в небо, Каменная Башка словно бы по неловкости налетел на солдата.

– Herrgott! Коспоти! – воскликнул немец.

– Что, простите? – изобразил недоумение боцман, выпустив клуб дыма в лицо капралу.

– Фи што, пьян?

– Пьяный моряк? Дорогуша, да моряк может осушить целый трюм джина, а потом взобраться по мачте до самых бом-брамселей.

Наемник с подозрением уставился на бретонца.

– Не веришь? Хочешь меня испытать? – спросил тот. – Выпивку ставлю я.

– Herrgott! Фи шелаете платить? Фежно этот флотский погаче пехоты. Шелаете платить за меня, приятель?

– Так точно, приятель!

– Но ты не есть немец.

– Все немцы мне близкая родня, а потому я могу позволить себе пригласить тебя выпить. Разве не так, братишка?

– Ja, ja, кароши пратишка. Куда пойти?

– Как! Ты разве не знаешь хозяина таверны, где на вывеске тридцать рогов?

– Тритцать рохоф?

– Ну да, бизоньих.

– A, ja, ja. Рохоф!

– Пошли, приятель. – Каменная Башка снова пустил немцу в нос клуб ядреного дыма и подхватил его под руку со словами: – Пускай эти проклятые американцы хоть весь город забросают своими снарядами. Наши бутылочки им не расколоть! Верно, приятель?

– Ja, ja!

– Вот и чудно! А что у тебя там в мешке?

– Сальный сфещи.

– Несешь к какому-нибудь укреплению?

Немец в недоумении воззрился на новоявленного друга.

– К батареем? – пояснил Каменная Башка.

– Нет, на кухня.

– Кухню освещать?

- Нет, фарить суп. Просать котел, сало тает и ошень lecker похлепка!
- Ты, верно, хочешь сказать «вкусный». Черт! Суп на свечном сале... Должно быть, пальчики оближешь!
- Никогда не пропофать, пратишка?
- Ни разу, – серьезно отвечал бретонец. – Когда у нас на борту заканчивается мясо, мы кидаем в котел треску и крыс. И уж какой славный навар от них, братишка! Тебя как звать-то?
- Ульрих.
- Славное имя, друг.
- Хочешь попропофать, пратишка? Я потарить полтюжины.
- Какое там! У нас в трюме крыс для навару достаточно!
- Вы, моряк, такой запафный. Слафный пратишки.
- Я тебе скорей в отцы гожусь, – поправил бретонец. – Тебе же больше двадцати четырех годков не дашь.
- Мне тфатцать пять.
- А мне – почти пятьдесят, так что я могу звать тебя сыном.
- Ja, ja. Я тепе кароши сынок.
- Копченые колбаски любишь?
- Карош с пифом.
- Никакого пива, – королевским жестом отмахнулся Каменная Башка. – Только вино!

Скорпионье.

- Скорпионье? Што есть такой?
- Славное пойло из погребов нашего хозяина!
- Карошо.
- Пойдем, сынок.
- И ты платить?
- Я платить за все.
- Я еще плата не получалъ.
- Боже правый, ну и выговор! Прям влюбленный лягушонок.
- Солдат расплылся в улыбке:
- Мой отец всекта феселый.
- Всегда! – согласился бретонец. – Поторопись, и хватит думать о своих свечках. Твои товарищи обойдутся сегодня и без них. Незачем их раскармливать.
- Ja, ja, кароши отец.

Каменная Башка, за которым незаметно следовали сэр Уильям и Малыш Флокко, вернулся на улицу, покинутую за полчаса до того, и ввалился в таверну «Тридцать бизоньих рогов».

Трактирщик, полоскавший в лохани бутылки и стаканы, при виде гостей всплеснул руками, уронив на пол посуду.

- Что еще за грохот, хозяин? – сурово спросил бретонец. – Или это снаряд свалился на твою таверну?
- Неужто это вы, мой добрый господин?
- Разве я не сказал тебе, что мы еще вернемся? Есть ли у тебя копченые колбаски и острый сыр, которые нужно заливать реками вина?
- Да, мой добрый господин.
- Тащи их живо сюда и не сомневайся: я расплачусь не хуже, чем капитан корвета.
- И еще пифо, – подсказал солдат.
- Подмигнув хозяину, Каменная Башка тут же нашелся:
- Пива-то в погребах больше не осталось. Вы, немцы, выдули все до последней капли, не подумав о своих товарищах-моряках.

– Я не пью много пифо.

– Ну так выпей вина!

– Та, фино, неси фино.

– Вот и славно! – одобрил бретонец. – Неси две... четыре... нет, давай сразу шесть бутылок. Только смотри не рейнского!

– Настоящие французские вина.

– Ну да, прикупленные по случаю твоим простофилей-отцом! Значит, опять подсунешь нам свою скорпионью отраву?

– Нет-нет! Как можно? – запротестовал хозяин. – Для вас – только все самое лучшее.

Между тем в таверну вошли сэр Уильям и Малыш Флокко и, не привлекая к себе внимания, сели за самый дальний стол. Каменная Башка искоса взглянул на вошедших, наклонился к солдату и вполголоса проговорил:

– Эти двое наверняка шпионы.

– Как!

– Не нравятся мне их физиономии.

– В Постоне нелься найти шпион.

– Это мы еще посмотрим.

Тем временем в залу вернулся хозяин с двумя корзинами вина и снеди. Увидев баронета и Малыша Флокко, бедняга едва не уронил свой груз.

– Молодец, трактирщик! – воскликнул насмешливый бретонец. – И смотри не лезь в наши дела! Захлопни-ка лучше глаза и клюв!

Оправившись от изумления, хозяин подал боцману и солдату дюжину копченых колбасок, местами покусанных крысами, канадский коричневый сыр, который жег язык похлеще горчицы, черный хлеб и четыре бутылки вина.

– Бордо, – догадался бретонец. – Черт возьми! Невиданная в осажденном городе роскошь! Да этот трактирщик прямо-таки кудесник! Он, видно, вознамерился нам доказать, что его покойный батюшка был не такой уж осел! Откупоривай! – распорядился Каменная Голова. – А ты, сынок, налетай на сыр и колбаски. Уж поверь, в них не припрятаны американские штыки.

– Спасипо, отец. Ты кароши тофариш.

– Ешь, да про вино не забывай! Покажи, как немцы умеют пить.

– Ты платить.

– Само собой! Говорю же тебе: я готов уплатить хоть за весь хозяйский погреб. Поверишь ли, какое дело, ни гроша не потратил за те десять месяцев, что мотался в море. У меня в кошельке за поясом столько серебра, что хватит на пятьсот бутылок, двести обедов и три сотни завтраков... Так что пей, сынок. Я плачú.

Солдат набросился на сыр и колбаски, щедро заливая их мнимым бордо. Доблестный боцман не отставал от немца, особенно налегая на вино.

Когда почти все нехитрое угощение исчезло в утробе новоявленных товарищей, Каменная Башка водрузил здоровенные ручищи на стол и, глядя солдату прямо в глаза, внезапно спросил:

– Ты когда-нибудь влюблялся, сынок?

Прежде чем ответить, немец опустошил очередной стакан и, зардевшись, как девица на выданье, покачал головой:

– А фи, папаша, флюпиться?

– Допьяна!

– Фи карячи щелофек.

– Горячий, как лава, сынок! Думаю, ты можешь мне помочь.

– Я? Как?

- Ты несешь караульную службу при Оксфорд-мэншн, так?
  - Та, папаша.
  - Съешь-ка еще колбаску и выпей вина.
  - А мошет, пифа?
  - Моряки пьют только бордо и джин.
  - Прозит! Карашо, карашо!
  - Хозяин, тащи-ка сюда ту бутылку джина, что твой отец купил сто лет назад! – Раскури трубку, боцман продолжил: – Сынок, ты видел когда-нибудь женщин в особняке?
  - Та, тфух.
  - Красивых?
  - Тефушка красифый.
  - А вторая?
  - Та тоже молотая.
- Каменная Башка испустил из бочкообразной груди тяжкий вздох, больше похожий на шум кузнечных мехов, и прижал руки к сердцу.
- Ах, любовь, любовь!.. – патетически воскликнул он. – Вот уже десять месяцев, как я ишу ее по всему свету.
  - Кого, папаша?
  - Я души не чаю в одной из этих девиц.
  - Фи флюблен ф нефесту маркиз?
  - Бог с тобой! Простому моряку не пристало иметь такие желания. Разве я смею метить так высоко? Я люблю вторую.
  - Камеристка?
  - Ее, сердешную, – сознался Каменная Башка. – Уж как я ее, голубушку, обожаю! Прямо спасу нет. Сердце так и рвется на части! Понимаешь ли, какая штука, нас, моряков, наши суженые видят редко, ведь мы вечно пропадаем в море.
  - Карашо! Карашо!
  - Да уж, просто превосходно! – расхохотался боцман. – Пей, сынок, и протри глаза.
  - Я слушать, папаша!
  - Говорю тебе, весь иссох прямо от любви к этой самой камеристке. Знаешь ее?
  - Та.
  - Чудо как хороша, правда?
  - Немношко старофат.
  - Дьявол, так и я не молод!
  - Протолшай, отец.
  - Ну да... Отец наш небесный, – проворчал бретонец. – Еще немного, и этот лютеранин прочитает мне Pater noster². Бордо и не то с людьми творит. – В третий раз раскури свою трубку, боцман продолжал: – Так ты, стало быть, сынок, состоишь при особняке?
  - Ja.
  - Послушай, мне страсть как охота повидать мою милую. Можешь это устроить?
  - Я профести тебя в осопняк.
  - Что, правда?
  - Шестно слофо, папаша!
  - Тогда протри глаза и слушай, сынок. А ты, хозяин, принеси нам еще четыре бутылки чего-нибудь покрепче твоего бордо.
  - Может, виски?
  - Сойдет.

---

² «Отче наш» (лат.).

11. Бретонец покоряет камеристку

Каменная Башка хладнокровно набил табаком трубку, разжег ее, раз двадцать ударив по огниву, выпустил пару колечек дыма и повел задушевный рассказ:

– Я повстречал ее во Франции, в одном портовом городке. Как только я увидел эту красотку с волосами цвета льна...

– Папаша, у этой шерный фолос, – возразил солдат.

– Твоя правда. Беспамятный я дурак! Совсем потерял разум на старости от любви. Так вот, я присох к ней душой и сердцем, как это случается только с моряками. А потом мы снова повстречались с моей милочкой на Шетландских островах. Там у маркиза Галифакса пропасть разных замков и охотничьих угодий. А уж после... Ты, к слову сказать, давно ли ее видел?

– Фшера фешером, папаша.

– Счастливцев! Как я завидую тебе! С нашей последней встречи минуло три года...

– Карашо, папаша. Ты шелаешь ее фитеть?

– Безумно, просто безумно, сынок.

– Ошень просто. Ее каспаша шифет наверху в пашне. Фнису только отин щасовой. Сеготня ошереть моего прата Фольфа, и мы спокойно итти.

– Ушам своим не верю! Да за такую божескую милость с меня еще один завтрак для вас с братом!

– И ты платить, папаша.

– Уж не сомневайся! – с пылом истинного влюбленного пообещал Каменная Башка, а себе под нос пробормотал: – Да эта немчура за пенс удавится! Воображаю, на что он пойдет за фунт! – И, выпустив подряд пять колечек дыма, торжествующий бретонец уточнил: – Так в котором часу, говоришь, можно проникнуть в особняк?

– Щасофой сменяется в тефять, – отвечал солдат. – Ты фхотить со мной.

– Ветер уже звенит в трубах, – хохотнул боцман. – Где мне тебя найти?

– Под стенами пашни.

– В девять?

– Ja, ja!

– Подумать только! Увидеть ее, мою душеньку! После стольких лет! – всхлипнул Каменная Башка, смахивая несуществующую слезу. – Этим вечером я стану самым счастливым человеком на свете. И этим счастьем я обязан тебе, сынок.

– Та, отец?

– Сегодня я буду на седьмом небе и без патера. – Запустив руку за широкий пояс из красного шелка, боцман с великой важностью положил перед ошеломленным солдатом две сверкающие монеты. – В моих краях, – произнес притворно растроганный бретонец, – принято давать на табачок сыновьям, отправляющимся на войну. Возьми и спрячь, не нужно благодарностей.

– Ошень щетрый папаша.

– Не стоит благодарить! Ты мне теперь как сын. Если станет туго с табачком, обращайся.

– Спасипо, папаша.

– Сказал же, не благодари. В девять встречаемся возле Оксфорд-мэншн.

– Я штать там.

– Если вдруг увидишь камеристку светловолосой мисс, скажи ей, что я томлюсь от страсти.

– Та, отец.

– А теперь тебе пора доставить сальные свечи своим товарищам. Им тоже не помешает наваристая похлебка.

– Я пошел, отец.

Выпив еще стакан на дорожку, солдат, который покачивался на нетвердых ногах, встал и улыбнулся щедрому «папаше», а затем пошел прочь, позвякивая двумя монетами, зажатыми в руке.

– Чтoб тебе лопнуть, шельма! – пробормотал бретонец. – Ты мне больше чем в луидор обошелся. – Пересев за стол баронета и Малыша Флокко, он осведомился, не без самодовольства: – Ну как я вам понравился, капитан?

– Второго такого пролазу и лицедея, как ты, во всей Бретани не сыщешь! – расхохотался сэр Уильям.

– Жулики из Иль-де-Ба будут похитрей итальянцев из Апулии, – высказался Малыш Флокко. – Я в это никогда не верил, но, похоже, так оно и есть.

– Думаешь? – надул щеки бретонец.

– Вынужден открыто это признать.

– Тебе до меня еще далеко, плутишка.

– Надеюсь!

– И как же ты намерен поладить с камеристкой? – спросил сэр Уильям.

– Оставьте это мне, сэр, – отмахнулся бретонец. – Есть у меня кое-какие задумки, которые еще заставят вас удивиться.

– И этих бретонцев еще зовут твердолобыми! Вот это голова!

– Да уж, меня ты убедил, – отвечал сэр Уильям.

– Вы чересчур добры, капитан.

– Значит, до вечера.

– Не хотите ли прогуляться? – спросил Каменная Башка.

– Тебе для твоих задумок понадобился еще один солдат?

– Нет, капитан. Теперь мне нужна прочная веревка. Надеюсь где-нибудь ее найти.

– И для кого ты ее предназначаешь?

– Правильнее было бы спросить «для чего». Для башни Оксфорд-мэншн, – озадачил бретонец.

– Для башни? – удивился баронет.

– Положитесь на меня, капитан. Веревка, что я собираюсь купить, сослужит хорошую службу и мне, и вам, и Малышу Флокко, не говоря уж о камеристке и светловолосой леди.

– Да ты хитер как дьявол!

– Нет уж, господин, мы все смиренные овечки пастырей наших.

– Как это?

– Нашей Святой церкви. Ах, наши священники усердно пасут свое стадо. Они наставляют наших женщин и детей.

– Полно мести языком.

– Мне только и осталось, что найти добрую веревку, а после – моего солдатика. Только, думается, времени у нас еще полно. Можно бы пойти прилечь. Мы уже две ночи глаз не смыкали.

– А нечего было состязаться в пьянстве с тем солдатом.

– Может статься, вы и правы, капитан. Однако же откуда было взяться вдохновенью, с которым я пел ему песни о своей любви к камеристке леди Мэри?

– Смотри не утопи нас в море любовных восторгов! Что-то мне слабо верится в успех твоих интрижек! – поморщился баронет.

– И напрасно, мой капитан. Сегодня же вечером я докажу вам, что был прав, когда вы, благодаря моим интрижкам, окажетесь в башне.

– Хорошо же. Тогда можно и отдохнуть немного. Веревку отыщем позже.

Трактирщик отвел гостей в крохотную, скудно обставленную комнатуху, где их тем не менее ожидали две довольно чистые и мягкие кровати. Трое корсаров завалились спать не раздеваясь. Одну постель занял сэр Уильям, другую – боцман и марсовой. И тут же комнату огласил богатырский храп.

Когда они наконец проснулись, уже смеркалось.

– Свистать всех наверх! – гаркнул Каменная Башка, первым покинувший гостеприимное ложе. – На суше мы превращаемся в заправских лентяев!

– А по мне, так в беспробудный сон нас вогнало скорпионье пойло хозяина! – объявил Малыш Флокко.

– Где бы найти в такой час лавку, торгующую веревками?

– А ты спроси веревку у трактирщика. Может, у него какая найдется, – подсказал баронет. – Веревка – вещь в хозяйстве нелишняя.

– А ведь верно. Я об этом не подумал.

Бретонец устремился прочь из комнатухи и, пока сэр Уильям умывался, вновь ворвался в нее с криком:

– Вот она, голубушка! Сто четырнадцать футов! Крепкая, как швартовочный канат, и совсем новенькая! Мы бы такую и в лавке не нашли!

– Как думаешь, какова высота башни?

– Не более сотни футов, капитан, – отвечал бретонец.

– Значит, остается лишних футов четырнадцать. Завяжем узлы, чтобы было проще по ней спускаться и подниматься.

– Я уже об этом позаботился, капитан.

– Обмотай-ка веревку себе вокруг пояса, а мы пока спросим у хозяина чайку.

Они быстро собрались, боясь опоздать на встречу со славным простаком-солдатом.

Капитан и марсовой уже почти прикончили целый чайник, когда появился бретонец, невероятно растолстевший и пыхтящий, как разъяренный бык.

– Что, боцман, набил брюхо? – подпустил шпильку Малыш Флокко.

– Да, полное брюхо пеньки. Шутка ли, больше сотни футов! Я так крепко подпоясался, что вот-вот лопну, – пожаловался Каменная Башка.

– По счастью, камзол у тебя необъятный, – утешил баронет. – Давай же пей свой чай и вперед на всех парусах! Скоро начнется комендантский час.

Бретонец в три глотка осушил свою чашку, и Маклеллан, бросив на стол еще одну полновесную монету, сказал хозяину:

– Мы идем на опасную вылазку против проклятых американцев. Возможно, вернемся с леди, невестой моего дорогого друга. Найдется ли у тебя еще комната?

– Я уступлю вам комнату своей жены, мой добрый господин.

– И что же, она лучше той, что ты предложил нам?

– О да, мои господа! Всю обстановку мы привезли из моего родного Дублина.

– А, так ты ирландец?

– Да, мой господин.

– Тем лучше. Дождешься нас?

– Я подремлю на стуле у дверей, чтобы открыть вам, как только вы вернетесь.

– В путь! – призвал Маклеллан.

– Попутного нам ветра! – добавил Малыш Флокко.

Моряки в спешке покинули таверну, не ответив на поклоны ирландца, и быстро зашагали по улице.

На Бостон уже спустилась ночь, однако бомбардировка только набирала силу. Среди какофонии взрывов отчетливо слышались залпы тяжелых мортир корвета. Каждые пару минут они обрушивали на город удары, сея разрушения тут и там.

– А наши товарищи не теряют времени даром. Веселятся от души, – пыхтя от напряжения, проговорил Каменная Башка, следовавший за капитаном. – Только бы нас не угробили вместо англичан! Это мне не по нраву. Смерть от своих мне совершенно не подходит.

– Помолчи, неугомонный болтун! – зашикал на него Малыш Флокко. – Ты что, не видишь, на тебя смотрят!

– А знаешь почему?

– Потому что ты непрестанно чешешь языком.

– Ничего подобного, они завидуют!

– И чему, скажи на милость?

– Ба! Моей дородности. Каково, думаешь, им видеть такого упитанного красавца, когда Бостон голодает вот уже второй месяц?

– Твоя правда, боцман, – признал Малыш Флокко. – А что, если станут допытываться, как тебе удалось сохранить сытое брюхо?

– Скажу этим голодающим, что я искуснейший ловец кошек, так что мяса хвостатых с избытком хватает не то что для меня одного, но и для моей благоверной и пятнадцати сыновей.

– Да ты за словом в карман не полезешь!

– А то! Недаром я родился в Иль-де-Ба.

Зная, что старого морского волка ему не переговорить, Малыш Флокко почел за лучшее ускорить шаг и догнать сэра Уильяма.

Когда трое моряков подходили к Оксфорд-мэншн, горнист протрубил сигнал к смене караулов. Бросив беглый взгляд в направлении особняка, бретонец оставил товарищей и пошел прямо к зданию. Он еще издали приметил давешнего солдата. Немец курил колоссальных размеров сигару, несомненно приобретенную на подношения боцмана.

– Так держать, сынок! – похвалил Каменная Башка, фамильярно хлопнув наемника по спине тяжелой ручищей. – Вы, немцы, люди слова.

– Фи, папаша, сомнефаться фо мне? – оскорбился солдат.

– Ну что, видел ты нынче камеристку светловолосой мисс?

– Не имел случая, отец. Фесь тень носить свечи.

– Поди, твоим товарищам досталась сегодня славная похлебка! А ты-то у нас предпочитаешь копченые колбаски со скорпионьим вином, а, сынок?

– Oh, ja, ja, – закивал немец. – Я опошаль копщенный кольбас.

– Да, видать, и сыр тебе пришелся по нутру.

– Сыр ошень карош. Э, еще бы пифа! – Тут солдат отпрянул и с подозрением уставился на боцмана. – Отец, – вымолвил он немного погодя, – ты ошень потолстеть.

– И не говори, сынок. За ужином умял две дюжины колбасок и котел тушеной квашеной капусты, последней, что осталась у хозяина, а сверху залил все это четырьмя бутылками скорпионьего вина. Вот меня и подрасперло. Запомни, сынок, опасность нужно встречать с полным желудком!

– Тфе тюшины? Тфатцать щетыре? Колбаски! Майн готт! Какой у тебя, отнако, аппетит, папаша!

– Э-хе-хе... Чего уж скрывать, если я сажусь за стол, то накидываюсь на еду как тигр, а может, даже лев.

– Я бы и сам съесть штук тфенатцать!

– Завтра, если пожелаешь, я вам с братом хоть сотню их куплю! У меня тут завалялось пятьдесят монет, и я собираюсь спустить их все без остатка.

– Карашо, папаша.
– И даже одарить хороших людей.
– Караул уше сменяться.
– Можно идти?
– Ты, папаша, идти за мной. Мой пратишка Фольф охранять лестницу.
– Ты дал на табачок этому бравому парню? Возьми-ка монету и передай ему.
– Ты слишком просаться теньги, отец, – осуждающе произнес немец, однако живо протянул руку за монетой.

– Что прилив принесет, то отлив унесет, – философски заметил Каменная Башка. – Когда у моряка пустые карманы, он их выворачивает, чтобы поскорей наполнились. Когда же они полны, мой дорогой, он опустошает их гораздо быстрее, чем вы, сухопутные крысы.

– Нато пыл хотить в моряки, – вздохнул солдат.

– Вот-вот... В следующей жизни ступай на флот. Потерпи немного, мой бедный сынок, и скоро тебе представится такая возможность. Не думаю, что тебе суждено состариться.

– Это плохой напутствий.

– Не обращай внимания! И мы, моряки, всю свою жизнь ходим над бездной. Один порыв ветра, один проклятый бортовой залп – и ты уже в холодной и мрачной морской пучине...

Смешавшись с толпой солдат и моряков, боцман и его спутник вошли в особняк.

Солдат провел бретонца через пять-шесть комнатушек, заставленных койками, затем отпер небольшую дверцу, и, спустившись на пять ступенек, приятели оказались в некоем подобии гостиной.

– Кабинет маркиса Калифакса, – вполголоса объявил немец.

– А он сейчас, случайно, не наверху, у светловолосой мисс? – справился Каменная Башка.

– О нет, он сейчас ушинать с кенерал Хау!

– Ну, значит, дело на мази. А где твой братец?

– Айн момент, папаша.

Солдат открыл очередную дверь, и бретонец увидел за ней упитанного светловолосого немца, как две капли воды похожего на Ульриха. Караульный сидел на ступеньке высокой лестницы.

– Мой прат Фольф, – представил Ульрих.

– Дай ему монетку.

– Нет, потом, мы выпить фместе.

Вольф, вскинув ружье, поднялся. Он был немного моложе брата и сложением напоминал быка.

– Фот тот трук, – пояснил Ульрих.

– Прохотите, – разрешил Вольф.

– Камеристка один?

– Ja.

– Каспаша спать?

– Еще нет.

– Ты штать.

– Не шевелиться, – подхватил Вольф.

– Потом платить тфе путылки пифа.

– По рукам!

– Вот ведь шельма! – бормотал бретонец, поднимаясь по лестнице. – Уже третью монету загреб.

Взойдя по винтовой лестнице, спиралью поднимающейся по стене башни, наемник остановился перед дверью, скудно освещенной единственной сальной свечой – ничего лучше в Бостоне было уже не найти, – и негромко постучал.

Спустя мгновение дверь отворилась, и на пороге предстала высохшая особа лет тридцати пяти – сорока, черноволосая, с выступающими кроличьими зубами.

– Это ты, Ульрих? – удивилась она. – Чего тебе нужно в такой поздний час? Или вас послал маркиз?

– Ви спать, мисс?

– Еще нет.

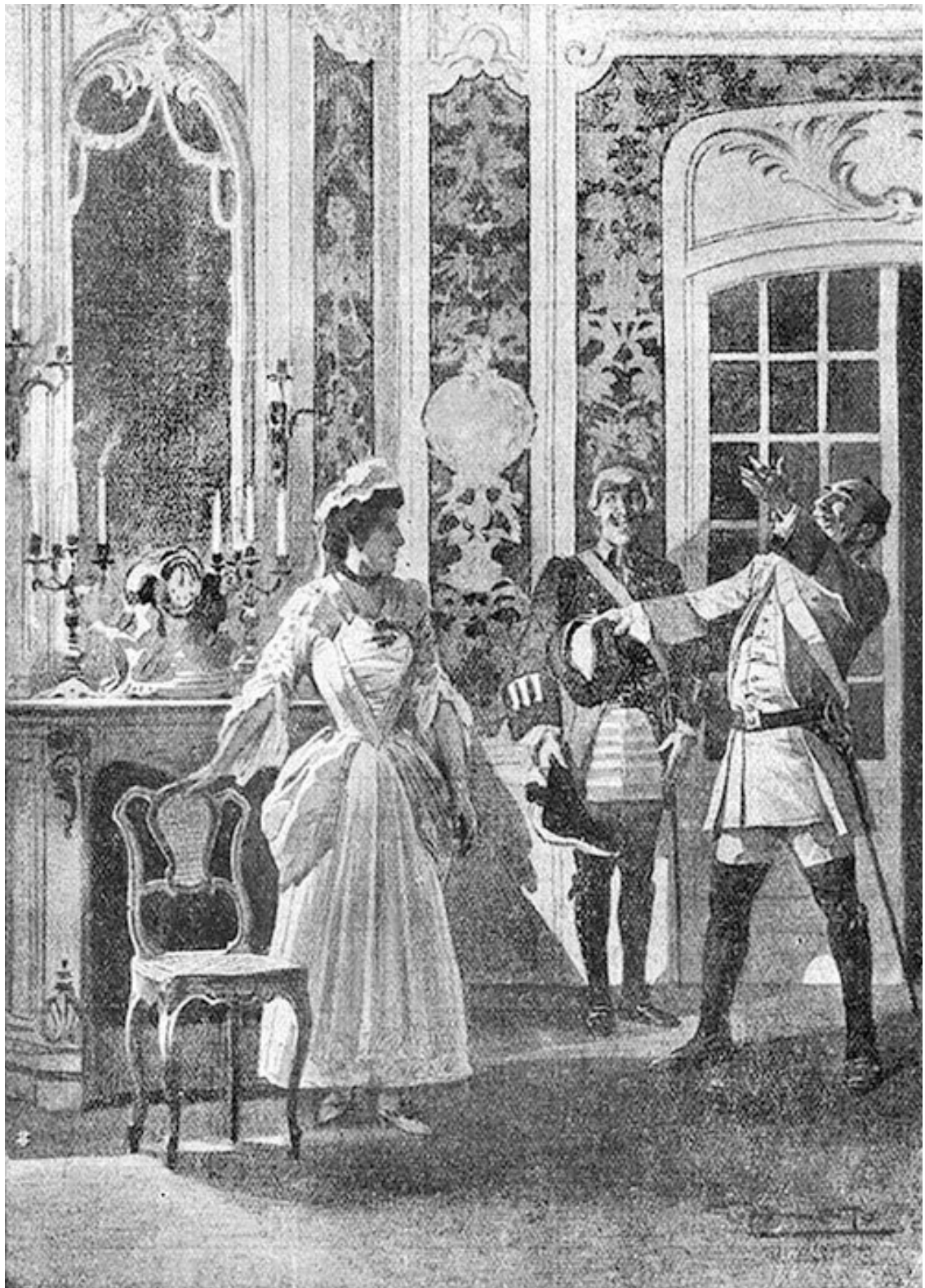
– Фаш трук хотеть поговорить фас.

– Мой друг? – изумилась камеристка.

Собравшись с духом, Каменная Башка вступил в богато убранные покои, освещенные двумя чающимися сальными свечами.

– Нелли, крошка моя, неужто ты меня не узнаешь? – спросил он с дрожью в голосе.

– Нелли? О чем это вы толкуете, сэр? – облила его холодным презрением камеристка. – Я никогда не носила такого имени! – И она возмущенно фыркнула.

– Ах, оставь эти ваши женские штучки! – взмолился истомившийся в разлуке страдалец. – Не играй с несчастным, столько перенесшим ради тебя, моя ненаглядная Нелли!

– О чем вы хотели поговорить со мной, сэр?

– Хотел поведать историю, истинность которой подтвердит сэр Уильям Маклеллан, – произнес бретонец с лукавой улыбкой.

Камеристка стала белее мела.

– Вы сказали «Маклеллан»? – воскликнула она, пошатнувшись.

– Ах, похоже, память к тебе возвращается!

Указав наемнику на дверь, решительная особа сказала:

– Теперь я, кажется, припоминаю. Оставь нас одних, Ульрих.

Дождавшись, пока звук шагов немца растает вдали, она подбежала к боцману, взяла его за руки и крепко их сжала.

– Повторите же мне это имя! – воскликнула она.

– Сэр Уильям Маклеллан, капитан «Громовержца». А я, сударыня, не кто иной, как его боцман, и послан сюда им, – отвечал бретонец.

– А где же сам баронет?

– Ближе, чем вы думаете, сударыня.

– Как?! Здесь, в Бостоне? Но это невозможно!

– Во имя Иль-де-Ба! Если уж я, его верный спутник, здесь, то где же еще быть ему?

Или вы сомневаетесь в моих словах?

– Он тут, под одной крышей с нами?

– Еще нет, но очень близко. Не хотите ли предупредить вашу хозяйку?

– Да-да, разумеется, сейчас же!

Камеристка удалилась и пять секунд спустя вернулась со словами:

– Проходите, леди Мэри вас ожидает.

12. Два брата

Боцман прошел в крохотный будуар. Стены здесь были обиты камчатым шелком, вдоль них стояли изящные диванчики и столик черного дерева, на котором возвышался серебряный канделябр с четырьмя свечами. Здесь, сидя в удобном кресле, моряка ждала леди Мэри Уэнтворт.

При виде неожиданного гостя она вскочила и устремила на него с испугом и надеждой взгляд широко распахнутых синих глаз.

То была высокая красавица с осиной талией, одетая в синий перкалевый пеньюар, украшенный брюссельским кружевом. Едва ли ей исполнилось больше восемнадцати лет. Золотистые волосы спускались по ее плечам, крохотные губки краснели, как кораллы, а розовые щечки рдели, будто наливные яблоки.

Каменная Башка замер при виде такой красоты. Он неловко поклонился невесте капитана и вскинул руку в морском приветствии, не понимая, как следует себя вести.

– Вы произнесли имя, столь дорогое моему сердцу, – взволнованно сказала светловолосая леди. – Уильям Маклеллан.

– Да, мисс, – подтвердил Каменная Башка.

– Должно быть, это маркиз Галифакс поручил вам разыграть сей гнусный спектакль.

– Миледи, – серьезно проговорил бретонец, – я боцман с «Громовержца» и состою под началом сэра Уильяма Маклеллана. Я готов умереть за своего капитана. А вашего маркиза Галифакса я и в глаза не видел. Если вы согласитесь последовать за мной, миледи, то вам еще представится случай увидеть, как я обращаюсь с абордажной саблей.

– Где баронет?

– Как я уже сказал вашей камеристке, он ближе, чем вы могли бы подумать.

– Скажите же мне, где он!

– Вы хотите его видеть?

– Будь что будет... Да!

Каменная Башка подошел к окну, раздвинул лиловые портьеры и, бросив беглый взгляд на улицу, сказал:

– Видите ли вы две тени, что прохаживаются внизу и смотрят наверх? Один из них – баронет, второй – Малыш Флокко, его преданный марсовой.

Мэри Уэнтворт подбежала к окну.

– Вот они! Уильям! – воскликнула она.

– Он – тот, что повыше, мисс, – пояснил бретонец.

– Как мне с ним поговорить? – спросила она. В голосе ее слышались подавляемые рыдания.

– Позвольте ему подняться сюда, миледи.

– Но как? У входа стоят часовые!

Леди Мэри впилась в боцмана взглядом, полным тревоги.

– Миледи, – торжественно произнес Каменная Башка, – обещаю вам, что не пройдет и пяти минут, как сэр Уильям окажется у ваших ног.

– Я не могу поверить в подобное счастье!

– Мы, моряки, еще не на такое способны! Позвольте мне удалиться в другую комнату и сбросить вниз веревку, что обмотана у меня вокруг пояса. Капитан взберется по ней сюда, чтобы видеть вас.

– Не медлите же, молю вас!

Долго уговаривать боцмана не пришлось. Каменная Башка без промедления прошел в гостиную, где с ворчанием стянул свой необъятный камзол.

Он начал разматывать веревку, на которой были завязаны узлы, обещавшие облегчить подъем баронету и Малышу Флокко. Покончив с этим, он вернулся в будуар и, призвав дам к молчанию, закрепил конец веревки на перекладине готического оконца. Несколько раз подергав за веревку, дабы удостовериться, что она не подведет, моряк спустил вниз свободный конец. Площадка под башней была безлюдна.

– Миледи, – произнес Каменная Башка, высовываясь из окна, – готовьтесь к встрече. Они уже поднимаются.

– Боже! Что, если он сорвется!.. – бледнея, воскликнула леди Мэри.

Бретонец придерживал веревку, которая раскачивалась от толчков.

– Уж они-то поднимутся, будьте спокойны, миледи! Взлетят не хуже чаек! Будьте уверены! Он взмоет к вам на крыльях любви.

В окне показалась чья-то голова. Свесившись из окна, боцман протянул руку капитану и помог ему спрыгнуть на пол прямо напротив леди Мэри. Приглушенные восклицания сорвались с губ влюбленных:

– Мэри!

– Уильям!

И они бросились в объятия друг к другу.

Отойдя в сторонку, старый моряк покрутил головой, в замешательстве обнаружив, что на глаза его навернулись слезы.

– Во имя Иль-де-Ба! – пробормотал он, стирая их тыльной стороной руки. – Вы когда-нибудь видали что-то подобное? Пустить слезу... И это с моей-то дубленой шкурой... Я же не крокодил.

Пока баронет прижимал к себе любимую, Каменная Башка вновь высунулся в окно.

– Малыш Флокко идет на абордаж! – воскликнул он.

И действительно, из окна, даже не опираясь ногами на узлы, появился марсовой. Поддавшись всеобщему умилению, бретонец стиснул приятеля от избытка чувств.

– Капитан, – проговорил не чуждый деликатности боцман, – позвольте нам удалиться в другую комнату. Такие чувствительные сцены растопят и каменное сердце.

И, не дожидаясь ответа, он вместе с Малышом Флокко и камеристкой покинул будуар, прикрыв за собою дверь.

– Не будем беспокоить капитана в такую минуту, – сказал моряк. – Старики не должны слушать признания молодых.

– Это я-то старик? – возмутился Малыш Флокко.

– Я тоже не старуха, – подхватила камеристка.

– И правда. Но что вы от меня хотите? Я так потрясен, что у меня аж глаза лезут из орбит, как у нашего трактирщика. Примите мои искренние извинения, мисс Нелли.

– Я вам уже сказала, – поджала губы камеристка, – что никогда не носила этого имени.

– Так как же вас зовут, позвольте узнать?

– Диана.

– Знавал я один фрегат с таким именем. Нос его украшала фигура распрекрасной девицы. Волосы так и развеваются на ветру, в руке – лук. Только она совсем не походила на вас, мисс Нелли.

– Диана! Вы что, хотите меня разозлить?

– Разозлить вас, прекрасная госпожа? – удивился боцман. – Да ни за что на свете! Мы, моряки, грубый народ. Не правда ли, Малыш Флокко? Но перед женским полом благовоим. Сами знаете, фигуры на носках наших кораблей частенько изображают женщин.

– Они первые встречают морские волны, – подхватил Малыш Флокко.

– Мисс Диана, а не подкрепить ли нам упавшие силы? Наверняка маркиз Галифакс не экономит на бренди и вине.

Улыбнувшись, камеристка достала из палисандрового поставца пару бутылок и три бокала.

– Угощайтесь, господа, – предложила она, повернувшись к боцману.

Повертев в руках бутылку, тот воскликнул:

– Черт подери! Мадера! И какая! Был ты когда-нибудь на этом острове, Малыш?

– Никогда.

– Восхитительный край! Все женщины – красотки, а их мужья – дьявольские ревнивцы, как на подбор! Но что за вино, дорогой мой, что за вино! Бесподобный вкус! Как-то раз меня в тележке на борт заносили. Вы когда-нибудь его пробовали, мисс Нелли?.. То есть мисс Диана... Пили ли вы когда-нибудь так, как умеют только морские дьяволы?

– Я?! – оскорбилась камеристка. – Никогда, сэр! Я никогда не была женой моряка или рыбака.

– Плохо, очень плохо, мисс Диана! Отведайте этой мадеры, и ваше сердце восплает огнем!

– И кого же это я так горячо люблю?

– А как насчет меня? По-вашему, я не красавец-мужчина? Разве и мы с вами не можем ворковать, как голубки в соседней комнате, моя милая Диана? Какое прекрасное имя! Такое и фрегату носить не стыдно. И какому фрегату! А какая скульптура красовалась бы над его форштевнем! Все моряки как один ею восхищались бы.

– Да открывай же ты свою хваленую мадеру, и хватит болтать! – вскричал в нетерпении марсовой. – Чего ради ты заставляешь ждать нашу прекрасную даму?

– Секундочку! – отвечал Каменная Башка. – Выпьем за наш «Громовержец»!

Но только он собрался откупорить бутылку, как камеристка метнулась к двери на лестницу и мигом заперла ее на два оборота ключа. Бретонец остолбенел.

– Господь всемогущий! – пролепетала служанка, хватаясь за голову. – Это маркиз! Я узнаю его шаги!

– Проклятое вино! – пробормотал бретонец. – Неужто мне не суждено еще разок тебя отведавать? – Впрочем, он недолго пребывал в смятении. – Ну вот, Малыш Флокко, похоже, нам представится возможность выпить в компании английского лорда.

Однако юный марсовой, как видно, не разделял тщеславных упований старого морского волка, поскольку тут же бросился за камеристкой, которая прокричала, вбежав в будуар:

– Госпожа, там маркиз! Маркиз!

– Здесь? В такой час? – побледнела леди Мэри. – Задержи его, Диана.

– Предоставь это моим морякам, – вмешался баронет. – Но что же мы станем делать, когда он войдет? Пожалуй, пришел подходящий момент, чтобы разобраться с семейной враждой.

Обнажив шпагу, он бросил ее на стол. Не растерявшийся боцман, успевший-таки откупорить вожаделенную бутылку, появился на пороге.

– Пусть заходит, – распорядился сэр Уильям, – но не дайте ему уйти и позвать на помощь.

– Уж будьте спокойны, – ответил бретонец. – Мы не подведем. За мной, Малыш Флокко!

Они вернулись в гостиную, когда раздался резкий стук в дверь.

Наполнив три бокала, Каменная Башка наполовину опустошил один из них, вытер губы тыльной стороной руки, повернул ключ в замке и открыл дверь.

На пороге стоял мертвенно-бледный джентльмен в мундире шотландского полковника со шпагой на боку. Он был среднего роста, с рыжеватой бородкой и властным угрюмым

взглядом. При виде моряка он не смог сдержать изумленного жеста. Опомнившись, маркиз спросил сурово:

– Кто вы такой и что вы здесь делаете?

– Прошу прощения, сэр, но я хотел бы задать вам тот же вопрос, – невозмутимо откликнулся бретонец.

– А мой мундир ни о чем вам не говорит?

– Никак нет, сэр.

– Я маркиз Галифакс.

– А меня зовут Каменная Башка.

– Как, простите?

– Каменная Башка, – повторил бретонец.

– Вы что, вздумали меня разыгрывать? – вскричал маркиз, начиная терять терпение. –

Как вы здесь очутились?

– Господь всемогущий, теперь что, уж и родню нельзя проводить после долгой разлуки, коли Бостон осажден американцами?

– С какого вы корабля?

– С фрегата «Коллингтон».

– Когда прибыли?

– Вчера вечером, сэр.

– Я не видел в гавани такого фрегата.

– Мы встали в аванпорту, так что его и не заметишь из-за острова в устье бухты.

– Где камеристка?

– Со своей госпожой.

– Раз так, пейте.

– С радостью повинуюсь, полковник. Нас, солдат и моряков, вечно мучает жажда.

Презрительно отвернувшись, маркиз постучал в поспешно запертую камеристкой дверь кабинета.

– Могу я войти? – угрюмо спросил он.

– Входите, милорд, – дрожащим голосом отозвалась Диана.

Каменная Голова и Малыш Флокко перегородили выход из гостиной, обнажив абордажные сабли.

Маркиз между тем вошел в будуар и невольно вскрикнул. Прямо на него глядел в упор сэр Уильям. Леди Мэри и ее камеристка в ужасе отступили к окну.

– Так это ты! – воскликнул маркиз, оскалившись и молниеносно выхватывая шпагу.

– Удивлен, брат? – с иронической усмешкой осведомился невозмутимый баронет. – Не ожидал увидеть меня снова, да еще в осажденном Бостоне?

Не спуская с бастарда налитых кровью глаз, маркиз молчал, бледный как призрак.

– Ты!.. – повторил он, поднимая шпагу. – Какой черт занес тебя сюда?

– Ветры Бермуд наполняли паруса моего корвета, – ответил баронет и с сарказмом добавил: – Разве братьев встречают со шпагой в руке?

– Ты мне не брат, проклятый ублюдок, – процедил маркиз.

Кровь прилила к щекам Корсара.

– Ублюдок?! – воскликнул он, еле сдерживаясь.

– Так или иначе, это уже не имеет никакого значения. Тебя арестуют как изменника, принявшего сторону врагов британской короны. Мне доподлинно известно, что ты стакнулся с американскими мятежниками и помогал им. Так что не сомневайся, я добьюсь того, чтобы ты завтра же кончил свои дни на виселице.

Галифакс развернулся и стремительно распахнул дверь, но на пути у него встали Каменная Башка и Малыш Флокко.

– Ни с места, полковник! – воскликнул бретонец. – Путь к отступлению закрыт. Спускайте флаг и сдавайтесь!

13. Звон шпаг

С криком ярости маркиз шагнул обратно в будуар. Тем временем сэр Уильям уже взялся за шпагу.

– Устроил мне засаду? – скривился маркиз, в то время как Малыш Флокко по знаку бретонца отшвырнул стол в сторону, освобождая место для противников.

– Не льсти себе. Это не тебя я жаждал увидеть, – отвечал баронет. – Явись ты завтра утром, не нашел бы здесь ни меня, ни леди Мэри.

– Мэри?! – зарычал полковник. – Где она?

– Здесь, – кивнул в сторону окна баронет.

– С дороги, или я убью тебя!

– Кому ты смеешь угрожать?

– Тебе, Маклеллан! – с презрением выплюнул маркиз.

– Может быть, я и не Галифакс, – ответил Корсар, – но постоять за себя сумею.

– Давно ли ты выучился махать шпагой? Что-то не слышал, чтобы ты был мало-мальски сносным фехтовальщиком.

– Я покажу тебе, как фехтуют французы.

– Хватит ломать комедию! С дороги, черт подери! Мэри, идите ко мне!

От окна донеслись два приглушенных вскрика.

– Идите же! – зарычал маркиз.

– Не слушай его! – призвал сэр Уильям.

– Тебе не удастся мне помешать, ублюдок!

Маркиз сделал резкий выпад вперед, надеясь испугать Корсара внезапной атакой, но шпага его жалобно зазвенела, лишь чудом оставшись в руке своего хозяина. Она встретила мощный отпор, высекий искры из металла.

– О, да ты сильный противник, – с кривой усмешкой признал маркиз. – Но мы еще посмотрим, кто кого, Маклеллан. Я преподаю урок немалому числу лондонских и эдинбургских бретеров. И не с таких сбивал спесь...

– Только попробуй приблизиться к Мэри!

– С дороги!

– Этому не бывать! Я скорей умру!

Маркиз снова бросился на Корсара, но тот легко парировал удар.

Вот это была схватка!

Галифакс яростно наступал, пытаясь оттеснить ненавистного бастарда и добраться до окна, возле которого, дрожа от страха, жались друг к другу камеристка и ее госпожа. Однако ему противостоял не просто моряк, привыкший скорее к абордажной сабле, чем к шпаге.

Неколебимый как скала, Корсар, чья беспощадно разящая шпага снискала ему пугающую известность при самом версальском дворе, изящно отражал свирепые наскоки единокровного брата, распаляя его издевательскими репликами:

– Что же вы, маркиз Галифакс? Вам преградил путь какой-то жалкий бастард! Отчего же вы не пронзите его в самое сердце?

Опытный дуэлянт, полковник пытался прорвать оборону врага чередой стремительных ударов, чуть не шипя от злости и бормоча проклятия, но все впустую. Гибкая как тростник шпага баронета с готовностью отражала смертельные выпады врага.

– Черт возьми! – процедил сквозь зубы маркиз, отирая со лба холодную испарину и перебросив шпагу в левую руку. – Мы еще посмотрим, кто кого!

– Надеешься уложить меня одной левой? – произнес его противник с дьявольской усмешкой. – Мои французские учителя были старой школы.

Сэр Уильям тоже перебросил шпагу в левую руку и отступил на шаг назад, чтобы избежать предательского укола шпагой.

Маркиз был вне себя от ярости:

– Так ты знаком и с этой школой, ублюдок?

– И не с ней одной, любезный маркиз, – отозвался Корсар. – Скоро вам доведется на своей шкуре испытать превосходство французской и итальянской школы фехтования над английской. До сих пор я лишь защищался. Настало время атаковать. И клянусь преисподней, вы узнаете, с каким неистовством я брал на абордаж суда ваших соотечественников.

– И это в твоих жилах течет благородная шотландская кровь!..

– Так, значит, я уже не безродный ублюдок? – насмешливо изумился баронет.

Маркиз, до крови прикусив губу, выдавил из себя:

– Что с того? Ты наполовину француз.

– Что ж, закончим ломать комедию. Я жду достойного удара, сударь, или сам нанесу удар!

– Так получай же, бастард!

– О нет! Это слишком слабо.

– Вот тебе!

– И это не то. Подобный финт парировать проще простого.

– А как насчет этого?

– Снова мимо, братец! – отвечал баронет, отбив клинок, целивший ему в самое сердце. Сделав пару шагов назад, маркиз снова перехватил шпагу правой рукой.

– Отступи и пропусти меня к Мэри! – потребовал он.

– Я сказал: нет.

Маркиз сызнава стал напирать, то так, то этак тщаь уязвить врага стальным жалом, подобраться к нему если не с одного, так с другого бока, но все его яростные усилия словно бы натолкнулись на каменную стену.

– Ну же! – подстрекал Корсар, проворно выкидывая вперед руку с клинком.

В движениях его угадывалась вкрадчивая и неодолимая мощь хищной кошки, он и рычал как тигр, заставляя леденеть кровь в жилах подуставшего противника, которому застилал глаза кровавый туман, и все уверенней теснил его, ошеломляя невиданными приемами.

Под бешеным натиском врага маркиз вынужден был отступить немного. Через пару секунд, не в силах противостоять дьявольскому напору, он делал уже второй шаг назад.

– Я бы не поставил за него и пары су! – заметил Каменная Башка, ни на миг не выпускавший из руки абордажной сабли и полный решимости во что бы то ни стало помешать маркизу прорваться в гостиную и позвать на помощь. – Где ему управиться с капитаном! Сэр Уильям непобедим.

– Черт подери! Конечно, после стольких абордажей! – воскликнул Малыш Флокко.

Тут маркиз снова попятился. Он не мог больше сопротивляться беспощадному клинку баронета. Еще три шага – и противник припер бы его к стенке.

Корсар, решив покончить с врагом, один за другим наносил удары, которые маркиз едва успевал парировать. Уже дважды кончик клинка протыкал шитый золотом полковничий камзол в том месте, где под золотыми галунами бешено колотилось сердце.

И вдруг сэр Уильям отпрянул. Обрадованный маркиз кинулся на него с криком:

– Ага! Теперь ты мой! Ты...

Он так и не успел довершить фразу. Рука его судорожно метнулась к груди, выпустив шпагу, которая со звоном повалилась на пол. Клинок Корсара глубоко вошел ему в грудь.

– Тушэ! – воскликнул Каменная Башка, приблизившись к раненому, и подхватил ввалившегося в бесчувствие маркиза.

Бретонец на руках отнес Галифакса на кушетку. Он много повидал на своем веку, не раз бывал в кровавых переделках, но не без ужаса наблюдал, как на красном камзоле маркиза расплывается темное пятно.

– Кровь! – произнес он.

Сэр Уильям не сдвинулся с места. Опершись на свою грозную шпагу, он провел рукой по лбу, потом притянул к себе Мэри.

– Все позади! – сказал он девушке. – Такова была воля Господня.

Светловолосая красавица испуганно вскрикнула, не в силах оторвать глаз от багрового пятна.

– Он мертв? – прошептала она.

– Возможно, еще жив, – отвечал Корсар, едва справляясь с волнением. – Удар пришелся не в сердце. – Крепко прижав суженую к груди, он сказал: – Выбирай: я или он?

– Ты, ты, мой Уильям!

– Тогда бежим.

– А как же маркиз? Ты оставишь его вот так умирать?

– Как только мы выберемся отсюда, Диана позовет на помощь. Там, где полно солдат, лекарь всегда найдется! Каменная Башка! Мне понадобится крепкая веревка!

– Она как раз под рукой, – отозвался бретонец, оторвав от портьера толстый шелковый шнур.

– Крепкий?

– Как якорный канат!

– Не бойся, Мэри. Обвей меня руками за шею. Даже если у тебя закружится голова, шнур не позволит тебе упасть. Давай, Каменная Башка. Крепко обвяжи шнур вокруг запястий леди.

Пока остальные готовились к побегу, камеристка при помощи Малыша Флокко стянула с маркиза камзол, жилет и тонкую батистовую рубашку, пропитавшуюся кровью.

Мигот отрезав от шнура кусок нужной длины, бретонец накрепко обвязал им запястья девушки, а затем, свесившись из окна, потряс железную перекладину оконной рамы.

– Она еще четверых выдержит. Готово, капитан.

– А шнур?

– О, об этом не тревожьтесь! Он выдержит и вдвое больше!

– Подсади леди Мэри и помоги мне выбраться на карниз.

– Слушаюсь, капитан.

Корсар и Мэри повисли над пустотой.

– Держись крепче, – велел девушке баронет, – и закрой глаза.

– Да, Уильям, – прошептала она.

– Не бойся, у меня стальные мышцы.

Корсар спускался все ниже, перехватывая веревку руками и коленями. Высунувшись из окна, бретонец провожал их взглядом.

Наконец пара скрылась из виду, растворившись во мраке.

– Они уже на земле, – со вздохом облегчения проговорил боцман. – Малыш Флокко, теперь ты. Как там маркиз?

– Истекает кровью и до сих пор не пришел в себя.

– Дурной знак! – пробормотал бретонец и, возвысив голос, добавил: – А теперь спускайся следом за капитаном.

Ловкий, как белка, юный марсовой исчез за окном.

– Мисс, – сказал бретонец, повернувшись к камеристке, которая тщетно пыталась остановить кровь, хлеставшую из раны маркиза, – через две минуты вы сможете кликнуть врача.

– И что я ему скажу? – спросила бледная как полотно Диана.

– Скажите, что в башню проникли воры. И смотрите не упоминайте имени баронета, иначе вам придется в этом раскаться.

– Никогда! Я слишком предана своей госпоже.

– Хорошо же, до скорой встречи!

Теперь уже боцман вылез на карниз, ухватился за веревку и начал быстро спускаться, по обыкновению ворча себе под нос. Достигнув земли, он увидел в десяти шагах от себя капитана, леди Мэри и Малыша Флокко, державшего в руке обнаженную абордажную саблю.

– Что с маркизом? – кинувшись навстречу бретонцу, с тревогой спросила девушка.

– Кровь пока не удалось остановить, мисс, – отвечал тот, – но не думаю, что рана смертельная. Не припомню такого, чтобы капитан промахнулся, когда целил в сердце.

– Боже мой, что ты наделал, Уильям?! – укорила девушка, оборачиваясь к подошедшему Корсару.

– Только то, что было предначертано судьбой, – сухо отвечал баронет. – Пойдем, пока нас не схватили.

Площади и улицы Бостона тонули во тьме. В городе уже не удавалось днем с огнем сыскать ни лампового масла, ни свечей. Время от времени на крыши домов со свистом обрушивались гранаты.

Все, даже Каменная Башка, были слишком взволнованы, чтобы говорить. Каждый гадал, что сейчас творится в башне. Можно ли полагаться на преданность камеристки? И даже если она не выдала беглецов, на поиски предполагаемых воров, должно быть, уже выслали солдат во все концы.

– Эй, Малыш Флокко, – проговорил наконец бретонец, не в силах более молчать, – тебе не кажется, что мы, все четверо, смахиваем на живых мертвецов?

– Это наше веселье почilo в бозе.

– Нам бы радоваться успеху и орать во всю глотку бретонские рыбацкие песни, а мы вместо того...

– Не докучай баронету, – отвечал марсовой.

– Нет, эта тишина невыносима! Хорошо еще, что нас дожидается трактирщик, готовый подбодрить постояльцев парой бутылок вина или, на худой конец, скорпионьей настойки. Клянусь, этой ночью мне наверняка привидится Диана.

– Ты что, втрескался в эту египетскую мумию?

– Это она-то мумия? Это, мой дорогой, сушеная треска с отмелей Ньюфаундленда.

– Вот уж славное приобретение, в твои-то годы!

– Во имя Иль-де-Ба! А ты думаешь, она молода!

– У мумий нет возраста. По крайней мере, так мне говорил мой дядюшка, который много лет провел в Египте, роясь в гробницах фараонов.

– И что он там искал?

– Древние сокровища.

– Что же он не сделал тебя богачом?

– Он вернулся домой без гроша в кармане и с тремя страшными мумиями.

– Дурак был твой дядюшка, – важно заключил боцман. – Сразу ясно, что он родом из Ле Пулигена, а не из Иль-де-Ба. Ну и простаки же живут в твоей деревне!

Внезапно они услышали крик капитана:

– С дороги, или я убью вас!

Каменная Башка бросился на шум, обнажив абордажную саблю. Двое солдат попытались преградить путь морякам, протягивая руки к девушке.

Не успел сэр Уильям пустить в дело шпагу, как бретонец бросился на англичан. Двумя мощными ударами он разбросал солдат, оставив их лежать без чувств.

– А что, – возмутился бравый моряк, – если Бостон в осаде, так честному человеку нельзя уже прогуляться? Вот как я наказываю нарушителей общественного спокойствия.

И бретонец как ни в чем не бывало зашагал позади своего капитана и леди Мэри.

Пять минут спустя беглецы уже стояли перед постоялым двором. Моряки заколотили в дверь, чтобы разбудить волоокого трактирщика.

14. Губительное действие скорпионьей настойки

Дремавший на стуле у входа хозяин с готовностью распахнул дверь. Увидев трех моряков в компании прекрасной и юной особы, он всплеснул руками от удивления, но благоразумно воздержался от вопросов.

– Чего изволите, господа? – протирая сонные глаза, спросил он.

– Готова ли комната для леди? – спросил сэр Уильям.

– Конечно.

– Ступай с ним, Мэри. Здесь нам ничто не грозит. Тебя всегда защитит моя шпага и сабли моих верных моряков. Прости, что привел в эту ничтожную лачугу, но прежде всего я должен думать о твоей безопасности. Уж здесь-то никто не станет тебя искать.

– А как же Диана?

– Ее приведет к нам завтра Каменная Башка. Положись на него!

Хозяин зажег свечу.

– Капитан, неужели вы недовольны стариком-боцманом?

– С чего ты взял, Каменная Башка? – спросил, садясь за стол, сэр Уильям.

– Во имя Иль-де-Ба! Я не видел вас таким печальным, даже когда за нами гнался «Лестер». А ведь вам следовало бы радоваться! Ваш план удался, и несравненная мисс находится теперь под защитой орудий корвета, американцев и ваших преданных моряков.

– Хотел бы я избежать такого исхода, – вздохнул баронет.

– Я понимаю, что в венах Галифакса и Маклеллана течет одна кровь, поэтому вы его не прикончили. Капитан, рассейте тучи над вашей головой, выпив пару стаканов этого медака. – И, повернувшись к трактирщику, бретонец попенял ему: – Ты дрянной хозяин. У тебя есть медок, какого не вкушали даже Людовик Шестнадцатый с Марией-Антуанеттой, а ты нам его не предложил.

– Медок? – озадачился хозяин. – А что это такое?

– Может, и его твой папаша купил?

– Да, мой добрый господин.

– Твой покойный родитель, видать, знал толк в винах, пока не спился. Посмотри, есть ли у тебя в погребе еще такие бутылки, и, ежели найдешь, тащи их сюда, будь их хоть целая сотня.

– Будет исполнено!

– Ступай-ступай, да поскорей! Французские бутылки не слишком велики, их содержимого едва хватает на пару глотков.

Хозяин послушно удалился.

– А теперь, капитан, – продолжал неутомимый болтун, – выпьем за здоровье вашей невесты... Право же, этот медок смягчит глотку словно масло.

Последовав совету боцмана, баронет опустошил стакан.

– А сейчас, капитан, когда вы промочили горло, поговорим. Теперь, когда мы взорвали казематы, как нам вернуться на корвет? Путь через подкоп для нас закрыт.

– Признаться, – проговорил сэр Уильям, – я хотел задать тебе тот же вопрос.

– Положим, мы могли бы под покровом ночи пробраться по окопам к реке Мистик. А чтобы нас не расстреляли, обнаружив в окопе, мы с Малышом Флокко заранее разведаем путь через укрепления.

– Нужно уходить, и как можно скорее, – промолвил Маклеллан. – Даже здесь я не уверен в нашей безопасности.

– Вы сомневаетесь в хозяине? Если так, я тотчас же спущусь в погреб и отрежу ему язык.

– Нет, не его я страшусь. Мне внушает опасения солдат.

– Этот сопьяк?

– Он провел тебя в башню, пил с тобой в таверне. Что, если он заговорит?

– Разрази меня гром! – воскликнул бретонец. – Это и правда опасно. – Но, тут же обретя прежнюю самоуверенность, этот храбрец, нерушимо веривший в свою счастливую звезду, беспечно продолжил: – Даже если этот недотепа проболтается и его командиры узнают, кто провел нас в Оксфорд-мэншн, колбасника немедленно расстреляют вместе с братцем.

– Пожалуй, ты прав, – признал сэр Уильям, – но, только покинув Бостон, я вздохну с облегчением.

– Не тревожьтесь, сэр, мы непременно выберемся отсюда! Корвету, слава тебе господи, ничего не грозит. В погребах лупоглазого нет недостатка в копченых колбасках и хорошем вине. Ваша красавица рядом, и маркиз ей больше не страшен. Чего еще желать?

– Пусть Провидение не сочтет меня неблагодарным, но я желал бы поскорей оказаться на борту своего корвета.

– Терпение, капитан! Положитесь на старого боцмана. Сегодня ночью мы уже так и так не сможем ничего предпринять, а посему лучше бы нам отсидеться в таверне... Эй, хозяин! Где тебя черти носят? Нашел ты свой медок или нет? Мы собираемся спать.

Ирландец, запыхавшись, выбрался из погреба и водрузил на стол полдюжины запыхавшихся бутылок.

– Последние, – произнес он. – Больше не нашел.

– Гм! – воскликнул боцман. – И все-то у тебя на исходе, чего ни попросишь. Гляди спущусь завтра в погреб вместе с тобой и проверю, что там у тебя осталось. Глаза твои хоть и велики, да, видно, не слишком хорошо служат своему хозяину. На твоём месте я бы давно сходил к лекарю. Может, пропишет тебе очки.

– Мне так и батюшка говорил.

– А ты его не послушал! Ай-ай-ай! Нужно всегда слушать старших.

Придя в хорошее расположение духа после первой бутылки, три корсара мгновенно опустошили вторую и присоединились к трактирщику, который стелил им постели.

– Если я понадобится леди, – велел ему сэр Уильям, – немедленно скажи. Этой ночью спать не ложись.

– Хорошо, мои добрые господа, даю вам слово, – отвечал хозяин таверны, на лету поймав брошенную Корсаром монету.

– А коли заявится немец, что пил со мной вчера утром, тут же разбуди меня, – добавил Каменная Башка. – И держи наготове бутылку со скорпионьей настойкой.

– Вы собираетесь ее пить?!

– Я-то нет, друг мой. А вот солдатик, несомненно, потребует этот славный напиток. Он парень бравый, вылакает все и глазом не моргнув.

Моряки последовали за хозяином в комнатку. Сунув пистолеты под подушку, а в изножье положив обнаженные клинки, корсары повалились на постели прямо в сапогах и тут же уснули, готовые немедленно вскочить и во всеоружии встретить англичан, если те нагрянут.

Пушечные ядра продолжали сыпаться на Бостон, а американские повстанцы все так же упорно окапывались, готовясь угомонить наконец английские батареи.

Корсары же спали как убитые.

– В конце концов, не всем еще домам разнесли крыши, – пробормотал Каменная Башка, переворачиваясь на другой бок. – Надеюсь, ни одна граната не свалится нам на голову... – И, не успев закончить слова, он захрапел.

Спустя пять-шесть часов боцман проснулся оттого, что его трясло за плечо. Открыв глаза, он увидел нависшую над ним физиономию хозяина.

– Кто это тебе велел растолкать меня так рано? – возмутился он.
– Рано? Да уже восемь, мой господин.
– Дай мне поспать до полудня и приготовь нам славный завтрак с копчеными колбасками.

– Пришел немец.
– Черт возьми! – выпалил бретонец, мигом вскакивая с постели. – Хорошенькое дельце! – Тут он взглянул на спящих спутников. – Пусть отдохнут еще немного, – распорядился боцман. – С немцем я сам разберусь. – И он обернулся к хозяину: – Ты приготовил бутылку со скорпионами?

– Целых две, мой добрый господин.
– А колбаски у тебя еще остались?
– У меня недурной запас свинины, да еще вяленый окорок, что мне доставили из Виргинии.

– Тебе или твоему папаше?
– Мне, мне, Богом клянусь.
– Так скажи немцу, что я сойду к нему через пару минут. А пока накрой на стол. Как видишь, мы за деньгами не постоим.

– Конечно, мой господин.
– Иди же.

Боцман пропустил пятерню через спутанные космы в тщетной попытке придать им более приличный вид и поскреб колючий подбородок. Вложив в ножны абордажную саблю и сунув за пояс пистолет, он вышел на цыпочках, чтобы не разбудить товарищей.

– Во имя Иль-де-Ба! – брюзжал Каменная Башка на ходу. – Как мне сладить с этим болваном? – Он вынул из-за пояса несколько монет и подбросил на ладони. – Наш приятель Ульрих чертовски охоч до денег. Даже больше, чем стряпчий из Иль-де-Ба. Да за такие деньги я у него душу куплю.

Подтянув штаны, он бесшумно спустился в залу. Солдат, сидя за столом, потягивал джин из крошечного стаканчика. Увидев боцмана, он поднялся со словами:

– Допрый тень, папаша! Карашо спал?
– Я-то? – прогудел Каменная Башка. – Хорошо сплю я только на борту своей посуды, в окружении канатов и якорей.

– Как так?
– Чего – как? – переспросил боцман.
– Как ты уйти из пашни, папаша?
– Я принес с собой крепкую веревку и спустился по ней, пока меня никто не видел.
– Так эта ферефка помочь форам!
– Каким таким «форам»? – переспросил боцман, притворяясь, будто не понимает, о чем речь.

– Ты не знаешь, кто ранить мой полковник?
– Твоего полковника? А кто твой полковник?
– Маркиз Калифакс.
– И что с ним?
– Пошти упить его шпакой.
– Уж не убили ли заодно эти твои воры и мою милую?!
– Нет, она шифой, но форы запрячь ее казайку.
– А это и в самом деле были воры? Из плоти и крови? Никогда ни о чем таком не слыхивал.

– Я не знаю, – развел руками немец.
– Гром и молния! – притворно изумился Каменная Башка. – Вот так оказия!

– Папаша, когда ты оставишь пашню?

– Пожалуй, около десяти.

– Карашо! Форы сразу пользофаться тфоей ферефкой.

– Здесь все ясно. Они ограбили Оксфорд-мэншн?

– Нет, только похитить казайку.

– А что с моей крошкой, с моей милой Нелли? А твой полковник... он отдал Богу душу?

– Нет, он потерять много крофь.

– Ну ничего, добрый ростбиф с кровью и бордо живо поставят его на ноги. Кстати, здесь у хозяина есть еще несколько дюжин бутылок. Подаришь их своему полковнику, да только не говори, что от меня!

– О, я не сказать.

– Голодный?

– Я фсекта калотны, папаша. Кенерал Хау дафать полофина рацион.

– А вам, немцам, небось каждому по две пайки нужно?

Наемник с улыбкой кивнул.

– Эй, хозяин! – позвал бретонец. – Накорми этого braveго солдата. Я плачу!

– Ты фсекта платить, папаша, – благодарно признал солдат.

Хозяин тут же поставил на стол фунтовый виргинский окорок, полдюжины колбасок, твердый как камень хлеб и бутылку.

– Ешь, сынок, – предложил бретонец.

С неутолимым аппетитом, простительным только двадцатипятилетнему солдату, которого держат на половинном пайке, немец набросился на вяленый окорок, который неизбежно вызвал у него неугасимую жажду. Откупорив бутылку, Каменная Башка наполнил вином большую оловянную кружку.

На поверхность тут же всплыл огромный скорпион.

Занятый едой, немец ничего не заметил, однако, взяв кружку в руки, вздрогнул от удивления.

– Маленьки щерный пестия, – сказал он, зажав ядовитую тварь между пальцами. – Скорпион?

– Какое там! Скорпионы в Египте! – отозвался боцман. – А это так, личинка черной мухи с Канарских островов.

– Нет, скорпион!

– Да полно тебе.

Отбросив паукообразное, солдат опрокинул в себя содержимое бокала.

– Караш-ш-шо! – воскликнул он.

– А то! Эта мадера идет по доллару за бутылку. Пей, сынок.

Не заставляя себя упрашивать, немец подлил «мадеры» из бутылки, откуда в кружку к нему тут же свалился новый скорпион.

– Не обращай внимания, сынок, – успокоил бретонец, видя колебания юнца. – Чтоб ты знал, на Канарских островах в мадеру нарочно кладут эти личинки, чтобы придать вину крепости и вкуса.

– Ты не пить со мной, папаша?

– Я как-то раз безбожно наклюкался этой самой мадеры на Канарах. Теперь видеть ее не могу.

– Понятно, – смеясь, отозвался солдат.

Выбросив второго скорпиона, он снова выпил и тут же набросился на колбаски.

Откупорив для себя бутылку медака, Каменная Башка неотрывно следил за солдатом, который все еще не поддавался действию зелья.

«Если он употребляет сальные свечи на первое, может, его и эта мадера мексиканского розлива не возьмет?» – усомнился про себя боцман.

Тем временем немец перемалывал крепкими молодыми зубами твердокаменный хлеб, должно быть напоминавший ему солдатские сухари. Время от времени прерывая трапезу, чтобы опрокинуть очередную кружку, солдат вскоре выпил все до капли.

Наконец, проглотив пятую колбаску, немец откинулся на спинку стула. Руки его беспомощно повисли, лицо побагровело.

«Уж не отравился ли он, чего доброго? Не упился ли до смерти? – слегка встревожился Каменная Башка. – Мне от него только и нужно-то что мундир».

Боцман перевернул бутылку вверх дном. Она была совершенно пуста.

– Во имя Иль-де-Ба! – воскликнул бретонец. – За один присест высосать кварту скорпионьей настойки! Поверить не могу! Она бы и старого моряка с ног свалила. Проглотил фунтовый окорок, пять колбасок, да еще черт знает сколько хлеба... Хозяин, смотри, как бы он со стула не свалился.

Вернувшись в комнату наверху, Каменная Башка обнаружил, что Малыш Флокко невозмутимо покуривает, устроившись на краю кровати.

– Где капитан? – спросил бретонец.

– Пошел пожелать доброго утра леди. А ты как? Разобрался со своим немцем?

– Иди сам посмотри да помоги мне.

Приятель спустился в залу. Солдат выглядел мертвым и, кажется, даже не дышал.

– Разрази меня гром! – схватился за голову бретонец. – А ну как я его отравил? Нельзя было шутить с этой подлой настойкой! Впрочем, и он хорош. Вольно ж ему было хлестать ее как воду! А ты что думаешь, хозяин?

Трактирщик понурился:

– Уж и не знаю.

– А что, если он и вправду мертв?

– На все воля Господня... Закопаю его в погребке под последним бочонком. Одним немцем больше, одним меньше. Невелика потеря. У нас их тут и так как собак нерезанных.

– Золотые слова! – поддержал бретонец. – Да только не верю я, что этот бравый малый отдал Богу душу. Такие прожорливые юнцы еще не то выдержат! А теперь помогите мне отнести немца наверх и уложить в постель.

– Зачем это? – удивился Малыш Флокко.

– Ну не оставлять же его здесь, у всех на виду.

Подхватив весившего не меньше быка солдата, они отнесли его в комнату наверху, раздели и уложили в постель.

15. Дерзкие планы бретонца

Сбросив английское флотское платье, бретонец, похоже переставший волноваться за беднягу-немца, быстро переоделся в форму Пятого полка гессенцев: темно-синий суконный кафтан с красными обшлагами и отворотами по бортам, белые панталоны и чулки и черную треуголку.

Поношенное обмундирование трещало по швам.

– Ну и ну! – пропыхтел бретонец, с усилием затянув пояс и заткнув за него саблю. – Как будто какой-то криворукий портной справил мне мундирчик не по размеру. Как я тебе, Малыш Флокко?

– Ты просто великолепен. Одна беда: эти одежды того и гляди лопнут по швам.

– Нет, но как я смотрюсь?

– Так, словно всю жизнь был солдатом.

– А ты что скажешь, хозяин?

– Я вас просто не узнаю, мой господин, – дипломатично отвечал трактирщик.

– Э-хе-хе, – вздохнул боцман. – Видно, не судьба мне покрасоваться в немецком мундире! Да по правде сказать, много ли проку будет в этом маскараде, стоит мне только открыть рот? Я хоть и болтаю мало-мальски на разных языках, вряд ли сойду за своего между гессенцами.

– И что теперь? – спросил Малыш Флокко.

– Пойду погляжу, что там творится в Оксфорд-мэншн. Может, заодно подзаправлюсь в казармах, только обойдусь без салных свечей и хлеба из опилок. Есть у меня еще пара долларов. Наверняка при полку имеются маркитанты. Разживусь чем-нибудь у них. Мой батюшка, земля ему пухом, ничего такого есть бы не стал. А уж он видывал всякие виды. Однажды после кораблекрушения оказался один в открытом океане, так его сын тем более не возьмет в рот подобную гадость. Для освещения свечка сойдет, но...

– А какого черта тебе понадобилось в Оксфорд-мэншн?

– А как же моя Нелли? Ты что, забыл о ней? – возмутился Каменная Башка. – Мыслимое ли дело, чтобы невеста сэра Уильяма обходилась без камеристки.

– Лезешь на рожон? Хочешь, чтобы тебя расстреляли?

– Это меня-то? Да у англичан не найдется такой пули, что продырявила бы шкуру старого пеликана. Оставь это мне, а сам приглядывай за беднягой, что завис между небом и землей. До скорого свиданьица!

Ухватив по пути со стола стакан с медоком и осушив его одним глотком, боцман зашагал прочь, раскуривая свою знаменитую трубку.

Улицы были безлюдны. Никто не решался выходить из дому под пушечные ядра.

Каменная Башка подошел к Оксфорд-мэншн в тот самый момент, когда туда входило несколько немцев. Затесавшись среди них, он попал в просторный внутренний двор, где чинили изготовленные из дуба и окованные железом колеса пушек. За работой столяров, сцепив руки за спиной и зажав в зубах окурочек сигары, наблюдал гессенец.

– Здорово, приятель, – сказал Каменная Башка, решительно приблизившись к нему. – Не знаешь ли ты, часом, как мне найти Вольфа, брата некоего Ульриха?

– Фольфа Патермана? – оживился немец. – Это мой земляк, приятель.

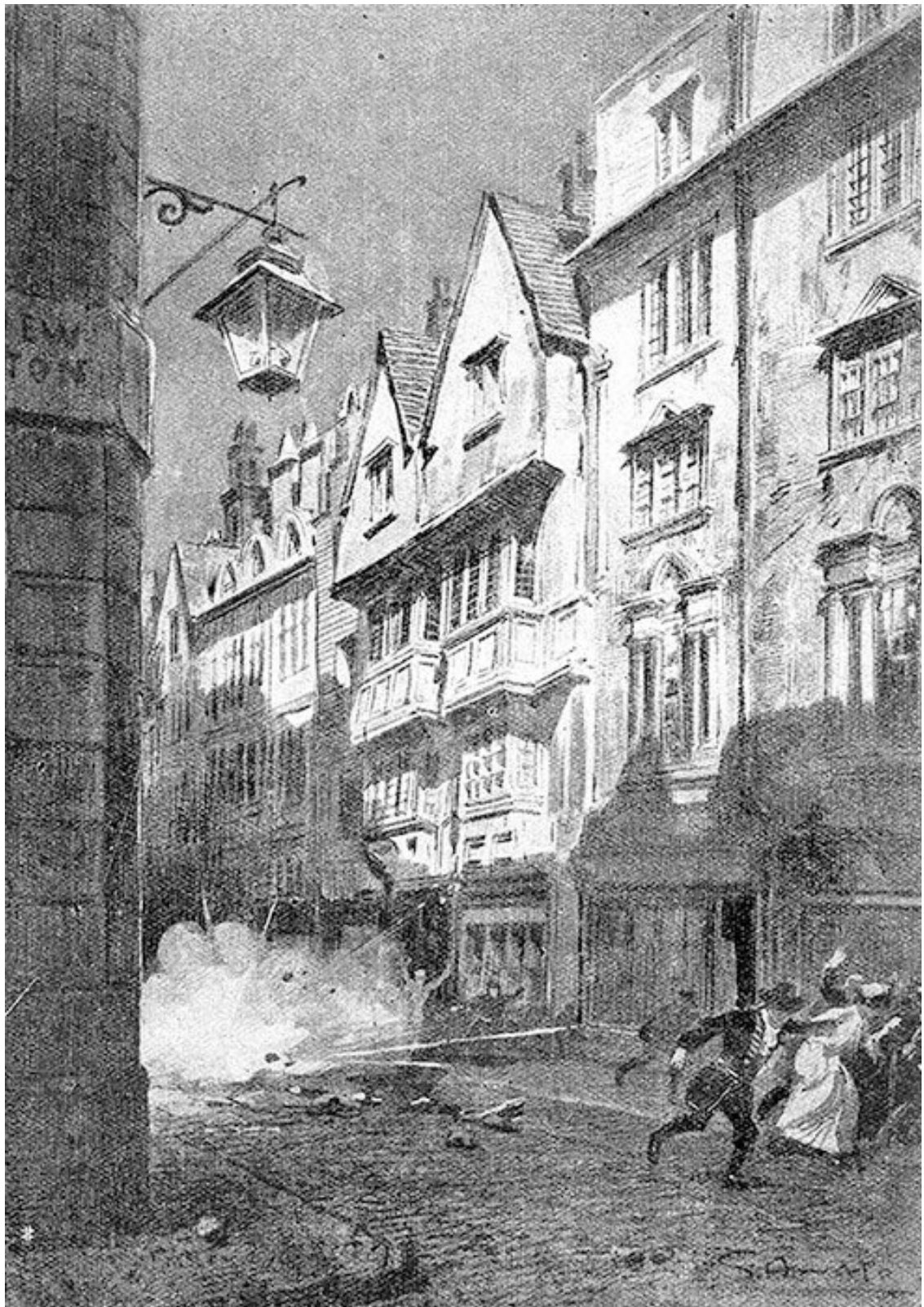
– Пойди-ка поищи его, а чтобы было сподручнее искать, прихвати вот это, – сказал бретонец, вкладывая ему в руку шиллинг.

Немец ускакал быстрее зайца, а боцман тем временем, присев на лафет, принялся заправлять свою трубку.

Не прошло и пяти минут, как Вольф оказался перед ним.

- Ты ел? – сразу же спросил Каменная Башка.
  - Еще не распретелять рацион, – на том же ломаном английском, что и Ульрих, отвечал юноша.
  - Так возьми доллар и купи поесть у полковых маркитантов.
  - Фи мне потарить?
  - Потарить-потарить! – передразнил бретонец. – Но сначала мне нужно сказать тебе пару слов. Ульрих, который полчасика назад со мной позавтракал, прикончив бутылку пива, рассказал, что случилось в башне прошлой ночью. Да что теперь горевать! Скажи мне лучше, погиб ли маркиз Галифакс?
  - Ошень польной, но не мертфый.
  - Вот и славно. А камеристка еще здесь?
  - Камеристка фсегта ф комната.
  - Твой брат сказал тебе, что эта женщина – моя невеста?
  - О! – округлил глаза немец. – Фаша нефеста?
  - Да, приятель. Так передай, что моряк, который ее навещал, желает с ней поговорить.
  - Я иди сейчас.
  - Разрешено ли ей отлучаться из башни?
  - Она фсегта фыхотить за покупки для казаяка.
  - Ну вот и славно. Ступай же, приятель, и передай ей, что я жду внизу.
- Подбрасывая в руке серебряный доллар, гессенец поспешно удалился. Должно быть, никогда еще он не встречал подобной щедрости.
- В этот момент горнист подал сигнал, призывающий солдат получить причитающееся им пропитание. Голодные служивые с котелками в руках столпились у расставленных во дворе походных котлов, в которых дымилось отвратительное варево.

Немцы окружили котлы и бросали в похлебку сальные свечи, чтобы сделать ее если не вкусной, то хотя бы сытной.

— Ба! — воскликнул Каменная Башка, глядя на солдат. — Вот это кормежка! У нас на борту будет куда как получше.

Обернувшись, он увидел перед собой Вольфа, без котелка в руках.

— Что скажешь? — спросил боцман.

– Камеристка вас ошитать.

– Где?

– Пот пашней.

– Спасибо, приятель. Завтра зайду за тобой и угощу хорошеньким завтраком.

Пройдя под аркой, он обогнул угрюмое здание и двинулся к башне. Часовой на него и не взглянул. На каменной скамье боцман тут же заметил свою «Нелли».

– Наконец-то! – воскликнул он. – Кругом сплошные чудеса! О моя Нелли!

– Опять вы за старое! – воскликнула камеристка, приоткрывая в жеманной улыбке длинные кроличьи зубы. – Почему, упрямец этакий, вы зовете меня Нелли?

– Так звали одну валлийку, по которой я долго страдал, – с придыханием ответил бретонец.

– Что ж, можете звать меня Нелли, если вам так больше нравится, – разрешила камеристка. – Как моя госпожа?

– Она в безопасности. Я вас к ней отведу.

Но не успели они сдвинуться с места, как из-за деревьев небольшого садика поблизости вышел человек, должно быть исподволь наблюдавший за парочкой.

– Эй, моряк, что ты здесь вынюхиваешь и куда собрался?

Бретонец пришел в ярость.

– Разрази меня гром! – воскликнул он. – Кто вы такой, чтобы требовать ответа у британского моряка?

– Патруль.

– Какой еще патруль?

– Слава Господу, в Бостоне еще есть полиция, – отвечал человек.

– Вы бы лучше взяли в руки мушкет и шли сражаться против американцев, чем лезть к морякам.

– Таков мой долг. Как ваше имя?

– Джон Кип.

– С какого вы корабля?

– Вам-то что за дело? Гром и молния! – взревел бретонец, всплеснув руками. – Не узнаете цветов Гессена? Протрите глаза!

– Что вы здесь делаете?

– Я послан с поручением к маркизу Галифаксу.

– А что это за дама?

– Какая дама? Это моя невеста.

– Не горячитесь так и отвечайте. Как ее имя?

– Нелли.

– Куда вы с ней направляетесь?

– Это вас не касается.

– Если не будете отвечать, я позову стражу.

Бретонец как бы невзначай увлек патрульного вглубь сада, где никто не мог их увидеть.

– Что ж, мистер, – сказал он, – похоже, ваше любопытство не знает границ. Может, вам еще сказать, чем мы с этой дамой собираемся поужинать?

– Почему бы и нет? – отвечал патрульный.

– Это еще зачем?!

– Чтобы конфисковать спрятанный вами провиант и передать его губернатору.

– А мы, значит, должны протянуть ноги с голоду?

– Только защитники Бостона, которые сражались и терпели лишения на протяжении трех месяцев, заслужили право есть.

– А я тогда кто такой?

– Это вы мне скажите. Выговор у вас странный. Может, вы из тех иноземцев, кто помогает мятежникам?

– Что?!

– Откуда мне знать!

– Вы сомневаетесь в моих словах?

– Чтобы в такое время английский моряк болтался без дела и собирался ужинать с какой-то там невестой? Я сразу отметил, что это подозрительно.

– А я вот сейчас тебя отмечу! – взорвался бретонец, и удары посыпались на голову ошеломленного внезапной атакой патрульного, мигом выбив из него дух. – Во имя Иль-де-Ба! – воскликнул Каменная Башка. – Ну вот и все!

– Вы такой сильный! – восхитилась камеристка.

– Достаточно сильный, моя душечка, чтобы нести вас на руках до самого Пекина... Знаете ли вы, где он находится?

– Никогда о нем не слышала.

– Так обопритесь же на мою руку, и я отведу вас к вашей госпоже. Этот соглядатай очнется еще не скоро. Как же мне осточертели мне эти доносчики и наушники, а пуще всего констебли! Как-то раз наши моряки здорово отделали одного под Ньюкаслем.

– Что, правда? – ахнула камеристка, которую здоровяк-боцман, подхватив под руку, тащил за собой точно на буксире.

– Уж повеселились мы на славу! – с усмешкой отозвался Каменная Башка. – Наши парни сошли на берег, чтобы отвести душу, и вернулись на борт изрядно навеселе. Пели что твои канарейки! Да только песни наши пришлись не по вкусу местному констеблю. И этот павлин заявился на корабль, чтобы арестовать гуляк за нарушение общественного спокойствия и отвести к мировому судье. О том, что было дальше, я умолчу. Скажу только, что наутро палуба тряслась от взрывов хохота. Подхожу, чтоб навести порядок, и что же я вижу?

– Что?

– Один из этих шалых парней, переодетый констеблем, стоит перед командой. Напыжился, подбоченился и жезлом этак по палубе постукивает!

– Как же так?

– А вы еще не смекнули, моя прелестная Нелли? Эти шалопаи констебля раздели, жезл у него отобрали да и ссадили бедолагу на берег, почитай, в чем мать родила, – хвастался бретонец. – По счастью, ветер нам благоприятствовал, был час прилива, и корвет всего в четыре галса оказался вдали от британских берегов. Страшно подумать, что случилось бы, если бы до нас добрались англичане!

– Какие вы, однако, ужасные люди! – воскликнула камеристка, одарив боцмана взглядом, полным глубокого восхищения.

– Нет, мисс, люди мы вполне мягкосердечные, если не вставлять нам палки в колеса. Вот тогда мы точно свирепеем не хуже диких зверей!

– Не так давно мне пришлось самой в этом убедиться.

– Большое дело. Подумаешь, отвесил олуху пару тумачков! Он заслужил куда больше, моя сладкая Нелли... Не тревожьтесь, со мной вам нечего бояться!

– Я в этом и не сомневалась, мистер... Как ваше имя?

– На корабле все зовут меня Каменная Башка, – представился бретонец.

– Отчего же это вас так прозвали?

– Да оттого, что у нас, бретонцев, головы крепкие, как наши скалы. Когда мы идем на абордаж, наши головы служат нам не хуже, чем сабли.

Пройдя сквозь череду опустевших улочек, бретонец и камеристка оказались перед постоянным двором «Тридцать бизоньих рогов». Баронет и Малыш Флокко как раз приступили к завтраку.

– Вот и мы, капитан, – объявил бретонец, отпустив локоток камеристки. – Как видите, мы, корсары, свое всегда возьмем.

С любезностью истинного джентльмена Корсар кивнул камеристке, а потом в тревоге спросил:

– Маркиз мертв?

– Нет, капитан, рана оказалась не смертельной, – успокоил Каменная Башка.

– Ступайте к вашей госпоже, – обратился баронет к Диане. – Хозяин вас проводит.

Каменная Голова проводил камеристку в комнату Мэри.

– Ты сильно рисковал? – спросил капитан бретонца, который тотчас набросился на еду.

– Капитан, – возмутился тот, – вы что, за мальчишку меня принимаете? Я лишь задал трепку одному не в меру любопытному господину, который имел наглость спросить меня, куда это я направляюсь с сушеной треской под мышкой.

– Уж не отправил ли ты его на тот свет? – встрял Малыш Флокко.

– Если хочешь проверить, пошарь под деревьями в садике перед башней. Да только я бы не советовал тебе ради этого бросать недоеденным завтрак, сынок... Во имя Иль-де-Ба! А как там мой солдатик? Уже зарыт в погреб?

– Что с ним станется! Храпит, как боров! – отвечал марсовой.

– Тысяча чертей! Что за луженые желудки у этих немцев! Они и скорпионий яд переварят.

– За тобой никто не следил? – спросил баронет.

– Не думаю, капитан. Мы нарочно плутали по дороге сюда.

– И все же здесь мне неспокойно.

– Да кому придет на ум, что мы здесь?

– Иногда достаточно оставить самую пустяковую зацепку.

– Да мы их живо успокоим абордажными саблями. Верно, Малыш Флокко?

– А то! – подтвердил марсовой.

– К тому же мы здесь надолго не останемся, – продолжил Каменная Башка, прикончив последний кусок сыра и запив его двумя стаканами вина. – Пока солдатик спит, мы с Малышом Флокко пройдемся вдоль укреплений и разведем, как можно пробраться к побережью, с вашего позволения.

– Я тоже хочу оказаться на корвете. Успокоюсь не раньше, чем леди Мэри ступит на борт «Громовержца».

– Что ж, Малыш Флокко, раскуривай свою трубку и пойдем прогуляемся под свинцовым дождиком.

– Свинец что... Главное, чтобы на нас чугунное ядро не свалилось!

– Да разве мы не бретонцы, крепкие, как прибрежные скалы? – воскликнул боцман, поднялся с воинственным видом, зажав в зубах трубку, выпятил грудь колесом и возложил свою медвежью лапу на рукоять сабли. – Во имя Иль-де-Ба! – самодовольно воскликнул он, увидев себя в закопченном и седом от старости зеркале на стене. – Что и говорить, вояка из меня хоть куда!

– Потому-то Нелли и втрескалась в тебя с первого взгляда, – поддел Малыш Флокко.

Каменная Башка покосился на него:

– Она-то конечно, ну а я? В такую-то треску, с зубами длинней пеликаньего клюва? И потом, эти женщины только и знают, что потрошить наши карманы. А я и без них могу найти славное применение своим денежкам.

– Говори, говори... А сам влип по уши!

– Ну ты и наглец! Идем! Старая акула и не думает бить хвостом перед какой-то там треской. Проглотит с полдюжины зараз – и довольно.

Он осушил последний стакан и двинулся прочь, зажав трубку в зубах и засунув руки в прискорбно пустые карманы морского мундира. Раскурив свою трубку, закадычный приятель последовал за ним.

Миновав несколько тесных и полуразрушенных ядрами улочек, моряки беспрепятственно достигли укреплений.

Англичане палили по редутам ополченцев из самых тяжелых орудий, но без особого толку. Тем не менее генерал Хау, невзирая на нехватку пороха и ядер, не ослаблял усилий в надежде прорвать осаду.

– Только воздух даром сотрясает! – проворчал Каменная Башка, отслеживая взглядом траекторию снарядов. – Этот Хау тот еще простофиля. Однажды он закончит тем, что угодит в руки к американцам.

– Думаешь? – усомнился Малыш Флокко.

– Через месяц вся эта братия окажется в американском плену, и мы сможем спокойно уйти в море.

– Для чего?

– Об этом знает лишь капитан, и уж если кто решится его спросить, так точно не я, – отвечал боцман. – Гром и молния! Еще три шага – и мы отдыхали бы на бостонском кладбище.

Пролетев в нескольких метрах от моряков, ядро проломило крышу соседнего домишки. Стреляли, скорее всего, с корвета.

– Вот же свинство! – воскликнул Каменная Башка.

– Что такое? – встрепенулся Малыш Флокко.

– Ты что, не видишь? Моя трубка погасла... Надо бы прикурить.

– Да? И дожидаться, пока следующее ядро разнесет тебе черепушку?

– Это ты про мою-то бретонскую голову? А! Ты забыл, что мы... – Он оборвал сам себя, прислушиваясь. – Корвет! – спустя несколько мгновений изрек боцман. – Так гроыхать может только наш «Громовержец»!

Между тем они оказались на уступе, выходящем к берегу реки Мистик. Посреди речного русла стоял на якоре корвет, без перерыва паливший по городу. То и дело его заволакивало дымом до самых верхушек мачт. Двенадцать бортовых орудий обстреливали картечью английские баркасы, пытающиеся подойти поближе, чтобы высадить на берег солдат для наступления на два небольших редута, возведенные американцами.

– Видишь? – с горделивым оживлением спросил Каменная Башка, обернувшись к Малышу Флокко.

– А ты как думал... Я, черт подери, свои глаза в Бретани не забыл, – огрызнулся марсовой.

– Вот это, я понимаю, грохот! Славно палят.

– Да уж куда лучше.

– Молодцы, как есть молодцы! Эх, останься я на борту, сколько английских пушек я бы разнес! Ну что, пойдём дальше?

– Я жду, пока ты раскуришь свою трубку.

– А я люблюсь тем, как метко стреляют наши канониры... Нет-нет, берите выше, ребята! Ну кто так целит? Мазилы несчастные... Дайте мне только добраться до корвета, и вы увидите, сколько брешей я понаделаю в укреплениях этих злосчастных англичанишек. Однако пойдём!

И, увлекая за собой Флокко, моряк двинулся вдоль линии укреплений в направлении казематов. Мимо непрерывной вереницей тянулись повозки и солдаты, но никто не обращал внимания на корсаров.

Лишь у самого входа в казематы приятелей остановил солдат, направив на них штык мушкета:

– Куда это вы двое направляетесь? Здесь прохода нет! Приказ губернатора.

16. Арест баронета

Увидев перед собой старый заброшенный каземат, моряки остановились. Переглянувшись с Малышом Флокко, Каменная Башка упер руки в боки и спросил:

– С чего это ты нас не пускаешь?

– Говорю же вам, таков приказ губернатора, – повторил голубоглазый англичанин с волосами цвета соломы. Он был бледен, как снятое молоко, от голода и почти так же тощ, как камеристка леди Уэнтворт.

– Мы идем к моему товарищу, чтобы передать ему табачку, – нашелся бретонец. – Я этот табак буквально от сердца оторвал.

– Здесь прохода нет! – стоял на своем упрямец, по-прежнему держа штык наперевес.

– Как насчет того, чтобы заработать доллар?

– Об этом и заикаться не стоит. Я не хочу, чтобы меня расстреляли.

– Тем хуже для тебя...

Каменная Башка молниеносным движением схватился за штык, дернув кверху дуло мушкета, в то время как Малыш Флокко, заскочив за спину солдата, подхватил его под коленки и рывком поднял над землей.

Выпустив из рук оружие, несчастный рухнул на землю.

– В каземат его! Быстро! – рявкнул Каменная Башка.

Подхватив солдата, они занесли его в тесный каземат и заткнули ему рот платком.

– Есть у тебя веревка? – спросил бретонец.

– Спрашиваешь! У каждого марсового всегда в кармане найдется веревка.

– Свяжи этого не в меру честного дурачину, а я подержу.

– А что мы будем с ним делать?

– Оставим его здесь.

– Но каземат заброшен, он может умереть от голода! – вступился за англичанина юный моряк.

– На войне как на войне. Я тебе уже говорил: лес рубят – щепки летят.

– Не думаю, что он сможет освободиться от пут.

– Тогда идем дальше. Я хочу добраться до заминированной камеры. Посмотрим, заваляло ли ее.

Они оттащили туго перевязанного, как колбаса, англичанина в самый темный угол и вышли из каземата. И первым делом Каменная Башка, притворяясь часовым, подобрал мушкет солдата. Эта предосторожность оказалась нелишней: не прошли они и ста пятидесяти метров, как снова натолкнулись на часового.

– Стоять! Здесь прохода нет! – выкрикнул он. – Приказ губернатора.

– Ты что, своих не узнаешь? – напустился на него бретонец.

– Чего вас тут черти носят?

– Мой товарищ послан со срочным донесением, а я его сопровождаю для надежности.

– Срочно – значит срочно! Проходи, приятель.

– Благодарствую! Если вернусь целым и невредимым, разопьем с тобой бутылочку. Есть в Бостоне почитай что нечего, но славный джин найти еще можно.

И под смехок часового приятели поспешили дальше своей дорогой. Вскоре они достигли укреплений в том месте, где подорвали мину.

Каменная Башка тут же приметил, что за минувшие двое суток англичане успели расчистить завалы и вновь возвести казематы.

– Черт возьми! – против воли восхитился боцман. – Вот это солдаты! Как работают, хоть и голодают! Кажись, внутри никого нет. Пойти посмотреть?

– Открыт ли проход? – догадался Малыш Флокко.

– Есть у меня такая надежда.

Тщательно облазив два каземата, они вошли в тот, над входом которого красной краской было выведено: «24».

– Вот здесь кончался коридор, – объявил боцман, решительно вошел туда и тут же вышел. – Иди-ка сам погляди, Малыш Флокко. А я посторожу. Как бы кто не появился.

– Хорошо, – согласился юноша и исчез в каземате.

Уже минут десять бретонец прохаживался с мушкетом у входа, когда заметил солдата за ровом, окружавшим казематы.

– Стоять! – рявкнул боцман. – Тут прохода нет! Приказ губернатора.

– Проклятье! Я весь день стрелял и вот-вот помру с голоду.

– Помирай где-нибудь в другом месте! – пролаял боцман.

– Но мой котелок остался в каземате.

– Пойду поищу его. А ты стой, где стоишь. Сделаешь хоть шаг – буду стрелять.

Солдат послушно присел на пригорке, а бретонец вошел в каземат, чтобы поискать котелок. На поиски в кромешной тьме ушло немало времени. Наконец он вышел со словами:

– Бери свой котелок и проваливай к чертям!

Никто ему не ответил.

– Куда это он запропастился? – спросил себя бретонец.

Перескочив через ров и подойдя к пригорку, на котором сидел солдат, он нашел обезглавленное тело, плавающее в луже крови. Бедняге оторвало голову ядром.

Опасаясь разделить участь несчастного, Каменная Башка поспешил укрыться в каземате и стал с нетерпением ждать возвращения Малыша Флокко.

Прошло еще с четверть часа, и вот марсовой наконец вернулся.

– Что? Какие новости? – сразу же накинулся на него бретонец.

– Они расчистили проход и теперь уже сами заминировали его, – отвечал Малыш Флокко.

– Ты дошел до той камеры?

– Ну да.

– Так что, проход свободен?

– Взрыв ничуть не повредил подкопа.

– Ты уверен?

– На все сто.

– Значит, дело в шляпе. Еще до полуночи мы будем на борту корвета вместе с прелестной мисс и «сушеной треской».

– Разве миледи сможет воспользоваться таким тесным лазом?

– Если уж такой толстяк, как я, по нему прополз, она сможет это сделать и подавно. Разве что платье пообтреплет. Но это небольшая потеря. Переоденется на борту. Сам знаешь, у нас в трюме двадцать сундуков с дамскими нарядами.

Тем временем залпы участились, и корсары, покинув казематы, отправились назад на постоянный двор.

Когда они вошли в город, уже темнело, и лишь раскаленные ядра ненадолго рассеивали непроглядный мрак. Последние сальные свечи закончили свое существование в похлебке немецких наемников.

Попетляв по извилистым улочкам, приятели подошли к «Тридцати бизоньим рогам». Каково же было их изумление, когда перед входом в таверну они обнаружили толпу зевак.

Бретонец почувствовал, как сердце в его груди ухнуло вниз.

– О боже! – прошептал он. – Что случилось? Малыш Флокко, что-то ноги не несут меня к таверне.

– Может быть, ничего страшного здесь не стряслось? Просто разгорелась пьяная драка? – предположил марсовой.

– Мне боязно за нашего капитана.

– Чтоб меня разорвало! О нем-то я и не подумал...

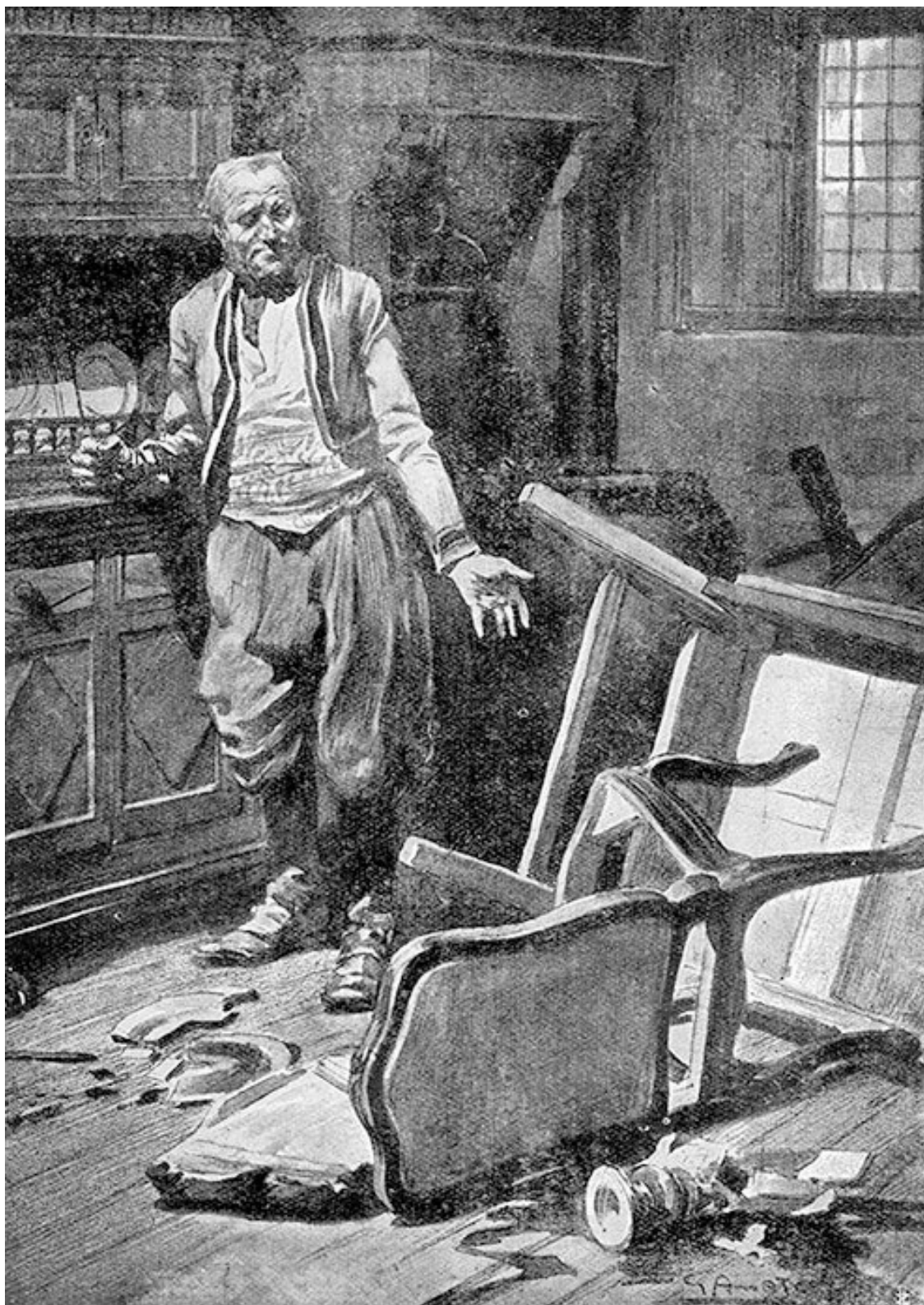
– Что же делать? – в растерянности вопрошал Каменная Башка. – Я никогда не знал страха, но сейчас я боюсь. Лучше подойти посмотреть.

Толпа потихоньку рассеивалась. Горожане спешили домой к скудному ужину, солдаты торопились вернуться в казармы.

– Теперь и мы можем подобраться поближе, – решился боцман. – Хотел бы я знать, что тут произошло...

Взведя курок пистолета, он растолкал кучку бостонцев, все еще топтавшихся перед входом, и, грозно приказав им расходиться по домам, вошел на постоянный двор вместе с Мальшом Флокко.

В нижней зале все было перевернуто вверх дном. Столы и стулья валялись, опрокинутые как попало, пол усеивали осколки бутылок. Хозяин печально озирает эти разрушения, присев на скамью. Как видно, бедняга еще не пришел в себя достаточно, чтобы наводить порядок, устраняя устроенный кем-то бедлам. При виде бретонца он в отчаянии всплеснул руками.

– Они его схватили! – простонал трактирщик. – Арестовали этого храброго и щедрого джентльмена!

Каменная Башка, побледнев от ярости, ударил себя по голове.

– Схватили моего капитана!.. – прорычал он.

– Да, мой добрый господин.

– Когда?

– Час назад.

– Кто это был?

– Десять английских солдат во главе с офицером.

– Он сопротивлялся?

– Сражался как лев! Проткнул двоих и вышиб третьему мозги, но остальные навалились на него все сразу и связали, хоть он и швырялся в них бутылками и посудой.

– Наш капитан в тюрьме! Он арестован! – ужаснулся Малыш Флокко.

Каменная Башка тяжело рухнул на стул, словно сраженный внезапным недугом, но тут же вскочил со словами:

– А леди?

– Они и ее увели! – отвечал хозяин.

– Вот ужас! – простонал Малыш Флокко.

– Остались только немец, что продолжает храпеть, и служанка.

– Камеристка здесь? – вскричал бретонец. – Веди меня к ней!

Подгоняя трактирщика, он взлетел вверх по лестнице и бомбой вломился в комнату, которую прежде занимала жена трактирщика.

– Мисс Нелли, – задыхаясь, проговорил бретонец, – это правда, что вашу госпожу увели англичане?

– Чистая правда, – ответила камеристка сквозь слезы. – Их послал маркиз. О, моя бедная госпожа!

Бретонец принялся расхаживать из угла в угол, продолжая колотить себя по голове и яростно восклицая:

– Что делать?! Что делать?! Они же вздернут моего храброго капитана, которого я люблю, как сына. Я должен спасти его! Но как?

Вдруг он перестал метаться и остановился перед камеристкой:

– Часовые в Оксфорд-мэншн вас знают?

– О! Знают почти все.

– Стало быть, вам не составит труда пройти в башню.

– В своем ли вы уме?

– Послушайте меня внимательно, мисс Нелли. Уже настал комендантский час, и на улицы лучше носу не высовывать. А вот завтра утром вы пойдете туда и постараетесь увидеться с вашей госпожой, которую, надо думать, не могли заключить в тюрьму, точно простолюдинку.

– О нет! Маркиз этого не допустит.

– Вот и прекрасно! Это нам на руку, – порадовался Каменная Башка. – Тогда попытайтесь разузнать, где держат баронета и какие указания даны англичанам, а к полудню возвращайтесь сюда. Я не позволю им повесить нашего доблестного капитана.

– О нет! Только не это! Моя госпожа умрет от горя. Она так любит сэра Уильяма.

– Мы останемся в Бостоне до завтрашнего вечера, потому что добраться до корабля сумеем лишь под покровом ночи. А теперь успокойтесь и отдохните, милая Нелли. Думайте обо мне.

Отвесив неуклюжий поклон, боцман спустился в залу, где Малыш Флокко оживленно обсуждал что-то с хозяином.

– Ты явился как раз вовремя, – сказал марсовой. – Хозяин говорит, солдаты могут вернуться в любую минуту.

– Во имя Иль-де-Ба! Точно я этого и сам не знаю! – воскликнул Каменная Башка. – Я только того и жду, что они вот-вот постучатся в двери!

– Хозяин предлагает нам спрятаться там, где нас не отыщет и самый проникательный соглядатай.

- Чистая правда, – подтвердил трактирщик.
- И где же это? – насупился бретонец.
- В саду.
- У тебя там что, подземелье?
- Нет, в саду вырыт колодец, а в его стене над водой устроен тайник.
- И много воды в колодце?
- Не больше футов трех. С неба уж месяц как и капли не упало.
- Есть у тебя крепкая веревка?
- Да, господин.
- Тогда тащи сюда бутылки, свечи, табак, одеяла, да не забудь про колбаски и окорока.
- А что мне делать с немцем?
- Когда он проспится, поставь ему пару стаканчиков да отправь на все четыре стороны.

Войдя в комнатку, где оставил солдата, бретонец удостоверился, что гессенец мирно похрапывает, и поспешил вниз.

– Можно идти, – возвестил он, спускаясь в залу таверны. – Спрячемся, пока сюда не заявились англичане.

Заперев двери на засов, хозяин спустился в погреб, достал веревку длиной футов шестьдесят и позвал:

- Пойдемте, мои добрые господа.

Узким и темным коридором он вывел моряков в садик позади таверны, в глубине которого виднелся сруб над колодцем.

Завязав на веревке узлы через равные промежутки для удобства спуска, моряки закрепили один конец на железной перекладине колодца и приготовились лезть вниз.

– Спуститесь футов на тридцать, – подсказал хозяин, державший в руке свечу. – Об остальном я позабочусь.

Через полминуты боцман достиг сырой клетушки, устроенной в стене колодца.

17. Исступление Каменной Башки

Итак, трактирщик не обманул: тайник действительно существовал. Конечно, он не тянул на потайную комнату, но это была и не ниша. Здесь свободно могли спрятаться пять-шесть человек. Придирчиво обследовав убежище, Каменная Башка признал его сносным.

– Как будто снова очутились в трюме «Громовержца», – объявил бравый моряк. – Тут так же сыро, темно и тесно. Да уж, верно, сюда эти каналы вряд ли доберутся. Воистину наш хозяин – настоящий перл среди всех содержателей постоянных дворов. Надо будет его хорошенько отблагодарить.

Тут следом за приятелем в клетушку забрался Малыш Флокко:

– Ну как тут?

– Просто потрясюще! – похвалил бретонец. – На месте хозяина я бы хранил здесь огурцы. Эх, съел бы сейчас парочку свеженьких! Бедный олух ничего не смыслит в своем деле! И тем не менее целостность нашей шкуры теперь целиком и полностью зависит от этого лупоглазого простофили.

Тут по колодцу гулко разнесся голос трактирщика:

– Принимайте груз, мои добрые господа!

На конце веревки прибыли две необъятные корзины, набитые табаком, бутылками вина, колбасками, вялеными окороками, острым сыром и хлебом. Все это добро было сверху прикрыто пухлыми ватными одеялами.

А еще в корзине нашлись свечи, и приятели затеплили одну.

– Вот теперь мы устроимся на славу! – порадовался бретонец. – Если хозяин не покусится и будет спускать нам такие яства каждый божий день, тут можно надолго поселиться. И все-таки я предпочел бы оказаться на борту нашего корвета.

– Ну оказался бы ты там, и что дальше, Каменная Башка? – спросил марсовой. – Положение хуже не придумаешь. От нас зависит жизнь капитана.

– Кому ты это говоришь? Мне? Во имя Иль-де-Ба! Да разве ты не знаешь, что я готов голову за него сложить?

– И что ты собираешься предпринять?

– Пока ума не приложу. Дурная весть выбила у меня почву из-под ног. – Каменная Голова с вождением уставился на бутылку. – Перво-наперво мы откупорим эту славную малышку! Авось найдем решение на дне.

– Что ж, давай поищем! – согласился юноша. – Медок оставь себе.

– Будь спокоен, выпью все до капли. Гляди-ка, да тут бордо! А это что у нас такое? Ты только глянь, бутылка шампанского! Охладим-ка его в воде. Это вино надо пить хорошо охлажденным.

Оглядев бутылки, боцман восславил Господа. Малыш Флокко последовал примеру товарища. На какое-то время капитан и его невеста были забыты. Однако, осушив пару стаканов вина и раскурив свою неизменную трубку, боцман вернулся к прежнему разговору.

– Дела наши плохи, – начал он.

– Согласен, – кивнул Малыш Флокко.

– Беда в том, что я не вижу решительно никакого выхода. Понимаешь? А кто, как не мы одни, способны спасти капитана от петли?

– Это и дураку понятно. Выпей-ка еще медака.

– Ты прав.

Отхлебнув из бутылки и взвесив ее в руке: много ли еще вина в ней осталось, боцман изрек:

– Нужно дожидаться камеристку.

– И это все, до чего ты додумался? Неужели бретонцы из Иль-де-Ба к твоим годам выживают из ума?

– Якорь мне в глотку! – выругался боцман, швырнув в колодец пустую бутылку. – Ты прав, Малыш Флокко. Ты молод, и твое сердце еще не обратилось в камень. К тому же случается, что и твою шальную голову посещают недурные идеи. Если так, готов тебя выслушать. Говори, друг!

– По мне, так нужно поскорее добраться до корвета, благо подземный лаз не завалило.

– И что дальше?

– Вернемся с командой и попытаемся отбить капитана.

– По-твоему, горстка наших людей управится с тысячной британской армией? Нет, у меня есть мысль получше, – заявил Каменная Башка.

– Что же ты молчишь?

– Похитим палача и спрячем его здесь, в колодце. Тогда капитана не повесят.

– А что, если его попросту расстреляют?

– Вряд ли маркиз удовольствуется такой скорой казнью. Особенно теперь, после поражения в поединке. Наверняка он готовит своему незаконнорожденному брату подлую, позорную смерть.

– И что нам даст похищение?

– Мы выиграем время.

– Другого палача найдут.

– Двоих мерзавцев, согласных на такое позорное дело, в Бостоне не найдется. Без палача англичанам придется отложить казнь. И кто знает, не падет ли за это время город? У англичан и провиант, и боеприпасы на исходе, помощь из-за океана не приходит. Они будут вынуждены сдать город со дня на день, если не хотят помереть с голоду.

– Да ты хитрец!

– А ты только сейчас это понял? Я же родом из Иль-де-Ба!

– Знаю, – уважительно кивнул марсовой.

– Так что? Сцапем палача? Скажем ему пару ласковых, и, если он дорожит своей шкурой, будет сидеть здесь как миленький.

– Лишь бы у нас все получилось.

– Положись на меня. А теперь спать! Во сне порой приходят хорошие мысли.

– Почему не поспать, когда больше все равно ничего не поделаешь? – не стал спорить марсовой. – Тут свежо. Будем спать как сурки.

Они завернулись в одеяла, задули свечу и спокойно заснули.

Ночь прошла спокойно, и кто знает, сколько бы проспали моряки, если бы вскоре после рассвета сверху не донесся голос трактирщика.

Первым вскочил бретонец:

– Есть новости?

– Приходили солдаты.

– И что?

– Перерыли всю таверну, растолкали немца и заставили его одеться, – известил хозяин таверны.

– А служанка?

– Ее не потревожили. Она уже ушла в Оксфорд-мэншн и обещала вскоре вернуться.

– А эти каналы не возвратятся, как мыслишь?

– Я бы не удивился. Но вы можете положиться на мою преданность. Ни за какие деньги я вас не предаю.

– Я сразу смекнул, что ты храбрый малый, – похвалил бретонец. – Иначе ноги бы нашей не было в твоей таверне. Можешь спустить нам кофе с ромом? Тут страсть как холодно, и горячий кофе пришелся бы кстати.

– Будет исполнено, мой добрый господин.

Тут проснулся и Малыш Флокко.

– Что, если приходили по нашу душу? – спросил он у Каменной Башки.

– Хозяин, похоже, обеспокоен, – поделился тревогой бретонец. – Тут нам больше не будет попутного ветра, мой юный друг. Пора сниматься с якоря.

– Но сначала мы должны увидаться с твоей Нелли.

Вновь послышался голос хозяина, сообщавшего, что кофе прибыл.

– Как раз вовремя, – стуча зубами, проговорил боцман, которого уже начинал бить озноб.

Приблизившись к выходу из подземного убежища, приятели увидели, как на веревке к ним спускается дымящийся, источающий густой аромат кувшин.

– Нет, это просто перл какой-то среди держателей таверн! – объявил Малыш Флокко. – Другого такого во всем свете не сыщешь.

– И я того же мнения, – произнес Каменная Башка, проворно освобождая горлышко кувшина от веревки. Затем, задрав кверху голову, он крикнул: – Если что-то случится, сразу же дай нам знать!

– Само собой, мой добрый господин.

– Можешь рассчитывать на достойное вознаграждение.

За неимением кружек кофе пили прямо из кувшина, прикладываясь к нему по очереди.

– Э-эх, вот это я понимаю! Славный напиток, – похвалил Каменная Башка. – Что теперь, Малыш Флокко?

– Дождемся твою ненаглядную.

– Тогда достань табачок. Покурим. Знаешь, по чему я до смерти соскучился?

– По запаху дегтя?

– Именно, мой юный друг.

Распустив завязки на кисете с табаком, моряки заправили трубки и молча дымили, ожидая прихода камеристки.

Не прошло и часа, как они услышали крик хозяина:

– Мисс! Мисс!

– Оставайся здесь, Малыш Флокко, – велел бретонец. – А я наведаюсь наверх и разберусь, что к чему.

И он взобрался по веревке с проворством, которого трудно было ожидать от человека его комплекции, горя нетерпеливым желанием поскорее узнать, что удалось вывести преданной наперснице миледи.

Мисс Диана, или Нелли, как упорно звал ее твердолобый бретонец, уже поджидала моряка. Увидев своего героя, она покраснела, затем побледнела, пролепетав:

– Вы!..

– Сколько же тревожных часов я провел, ожидая вас, моя прекрасная Нелли, – завел велеречивый бретонец. – Глаз не сомкнул, думая о вас.

– Я верю вам, хотя вы, моряки, народ ненадежный, – отвечала «ньюфаундлендская треска». – Любовь лишает нас покоя.

– Поговорим об этом после, а сейчас скажите, что они сделали с капитаном.

– Его заперли в башне Оксфорд-мэншн, – отвечала камеристка.

– Тут в Бостоне что, порядочных тюрем нет?

– Откуда же мне знать?

– А ваша госпожа?

– Маркиз не отпускает ее от себя.
– Этот пес еще не издох?
– Напротив, он быстро идет на поправку.
– Во имя Иль-де-Ба! – вскричал бретонец. – Какая несправедливость! Все пошло прахом! И что говорят о том, какая судьба ожидает баронета?

Став белой как мел, Диана пролепетала:

– Говорят, послезавтра его повесят.
– И кто совершит казнь? – допытывался бретонец.
– Местный палач.
– А он один такой в Бостоне? Или же имеются другие?
– Всего один.
– И где же, позвольте спросить, обретается заплочных дел мастер? Вы, случайно, этого не знаете?

– Случайно знаю. В старой халупе прямо перед Оксфорд-мэншн. Стены ее выкрашены красным. Этот дом ни с каким другим не перепутаешь, второго такого во всем Бостоне не найдешь.

– А вы знаете этого малого?
– Видела несколько раз, как он вешал американских мятежников.
– Каков он из себя?
– Старый каторжник, помилованный за то, что согласился исправлять позорное ремесло.

– А что, он силен?

– Почти как вы.

– Хорошо же. Потому что именно со мной ему и придется иметь дело. А теперь, моя милая Нелли, поскорей возвращайтесь к своей госпоже и найдите способ передать сэру Уильяму, что двое верных ему моряков еще на свободе и сделают все возможное и невозможное, чтобы его спасти. Ступайте немедленно: сюда того и гляди могут нагрянуть приспешники маркиза, а я не хочу, чтобы они меня схватили.

Не дожидаясь ответа, он скрылся в колодце и вернулся в подземное убежище, где его с тревогой ожидал Малыш Флокко.

– Говорил я тебе, – с торжеством воскликнул боцман, – нужно похитить палача!

– Да ты хоть знаешь, где его искать? – спросил марсовой.

– Все я знаю. Сиди себе, покуривай. Спешить некуда.

– А чего ждать-то?

– Уж не хочешь ли ты, чтоб я умыкнул палача среди бела дня? Вылазку предпримем ночью. Да и потом, чего тебе не хватает? И сыт, и пьян, и нос в табаке. Копченых колбасок и сыра вдоволь. Бутылок столько, что сразу и не сочтешь.

И, снова запустив руку в кисет за щедрой щепотью мэрилендского табака, Каменная Башка с удовольствием раскурил трубку. Ему было о чем подумать. Все его мысли занимал капитан.

Время шло, а трактирщик не показывался. Начинало смеркаться, и Каменная Башка решил, что настала пора предпринять вылазку.

– Пойдем вместе, – сказал он Малышу Флокко. – Должно быть, в таверне случилось что-то ужасное. Или нас схватят, или мы разделаемся с канальями. Не выношу проклятых англичан!

И боцман устремился вверх по веревке. Малыш Флокко последовал за ним.

– Клянусь Иль-де-Ба, – вполголоса проговорил старый моряк, когда они выбрались в садик из колодца, – не нравится мне эта тишина... Что, если они схватили хозяина? А может,

и вовсе отправили вдогонку за папашей, который слишком налегал на виски... Не тем будь помянут.

– Н-да, – отозвался марсовой, – что-то и мне беспокоит. Держи пистолет и саблю наготове.

– Покомандуй мне тут! И без тебя знаю, когда надо будет спустить курок и пойти на абордаж.

Тем же узким и темным коридором бравые моряки проникли в залу, сейчас совершенно пустую, остановились, насторожив слух. Сверху до них доносились незнакомые голоса.

Призывно махнув рукой Малышу Флокко, боцман взобрал по лестнице на второй этаж. В комнате, которую хозяин таверны отвел морякам, четверо красномундирников, бранясь, обшаривали постели.

Каменная Башка с решительным видом ступил в спальню.

– Что это вы здесь делаете? – прогремел его зычный бас. – Кто вы такие и что вам нужно в моей таверне?

Англичане в изумлении переглянулись. Наконец один из них ответил вопросом на вопрос:

– А ты кто такой?

– Здешний хозяин, – дерзко соврал боцман.

– Это ты-то?

– Я.

– Да ведь здешнего хозяина уже расстреляли!

– Как это? За что?!

– За измену!

– Ах вы, мерзавцы! Сюда, Малыш Флокко! Размажем их по стенке!

Юный марсовой вооружился тяжеленным дубовым табуретом, стоявшим у стены.

Миг – и корсары, свирепые, как дикие звери, кинулись на стражу, осыпая красномундирников ударами, способными вышибить дух из любого. Не прошло и минуты, как злополучные солдаты уже валялись на полу, недвижимые и бесчувственные.

К счастью для моряков, постоялый двор «Тридцать бизоньих рогов» располагался на отшибе, позади лабиринта пустынных полуразрушенных улочек, так что корсарам удалось покататься со стражниками без всякого вмешательства со стороны.

– Похоже, мы спровадили их на тот свет, – подвел итог схватке Каменная Башка, оглядев бездыханные тела. – Смерть англичанам!

И боцман поспешил покинуть таверну вместе с товарищем, продолжавшим сжимать в руке ножку табурета.

На безлюдные улицы опустилась ночь, черная как деготь, по которому соскучился боцман. Двери немногих не покинутых хозяевами домов были накрепко заперты на все замки и засовы. В глухом пугающем мраке не слышалось ничего, кроме свиста выпущенных американцами снарядов.

Моряки припустили бегом и вскоре добрались до Оксфорд-мэншн. Только здесь они притормозили, чтобы перевести дух, и с улыбкой переглянулись.

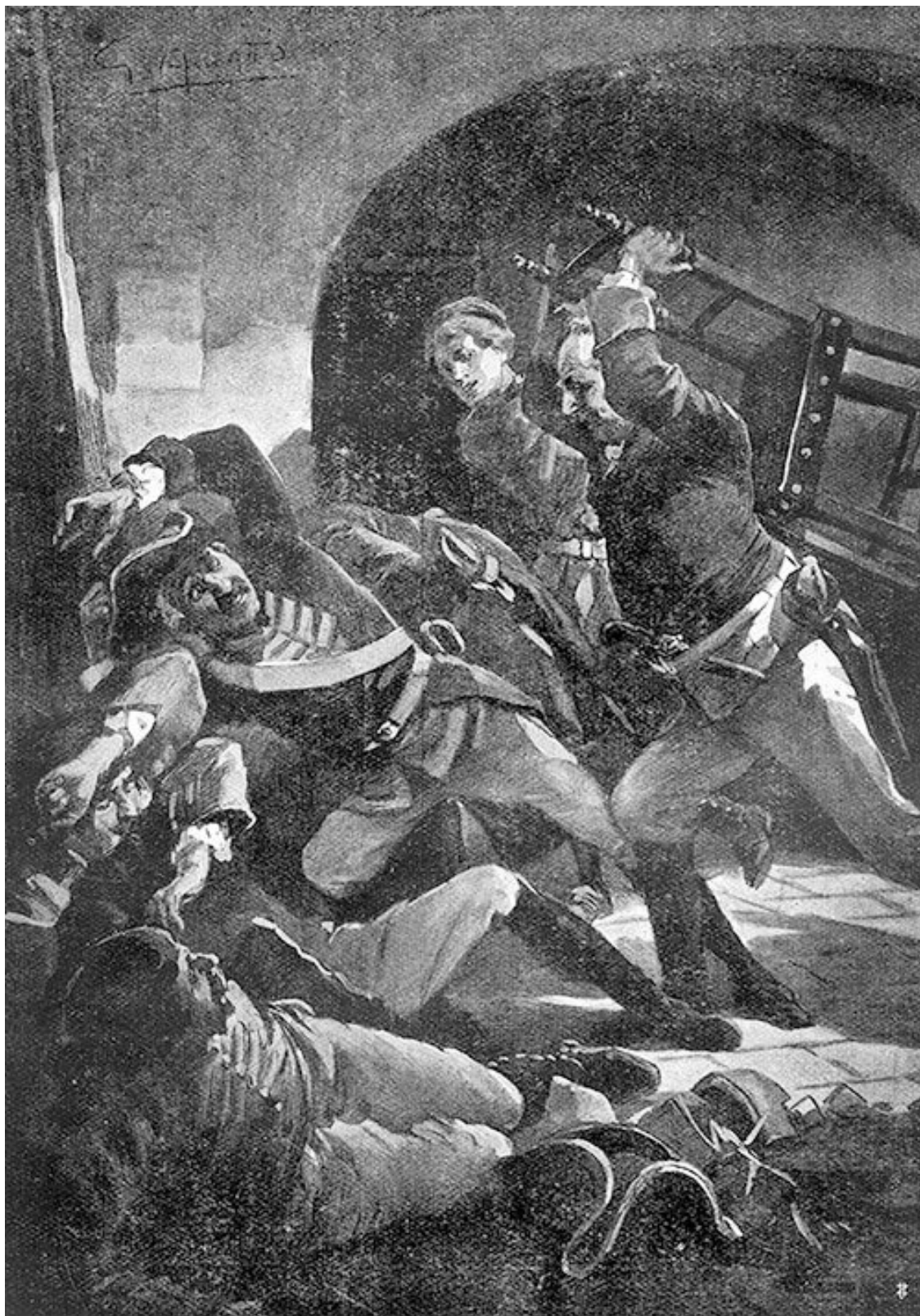
– А славно мы их отделали! – похвалился боцман.

– Мокрого места от них не оставили! – поддержал Малыш Флокко. – А эти-то олухи уже раскатали губу. Думали небось, что меня, считай, повязали и вздернули.

– Как говорил мой покойный дед, победа всегда должна оставаться за флотом, и это чистая правда.

– Неужели они и вправду расстреляли беднягу-трактирщика?

– Да ты, как погляжу, еще дурнее их, Малыш Флокко. Неужто поверил тому, что набрали эти псы? Расстрелять трактирщика? Да это курам на смех! Такой чести удостоиваются только солдаты.

– Значит, они надели на него пеньковый воротник.

– Вот уж не поверю, – отвечал невозмутимый бретонец. – Может, схватить его и схватили. Так, на всякий случай. Но за что отправлять на виселицу безобидного малого, который против англичан не бунтовал и никаких козней не строил? Достаточно взглянуть на его глупую физиономию, чтобы понять: он тут сбоку припека.

– А что же нам-то теперь делать?

– Видишь этот домик, выкрашенный красным? Там живет палач. Как я погляжу, и свет горит в окошке. Должно быть, хозяин готов принять гостей.

– И что, по-твоему, мы станем с ним делать? Назад в таверну нам пути нет.

– А про заброшенный каземат, где мы оставили англичанина, забыл?

– Хочешь оттащить палача туда?

– По крайней мере, пристроить там на первое время.

– И под каким предлогом ты хочешь к нему постучаться?

– Оставь это мне, – махнул рукой боцман. – В Иль-де-Ба простаков сроду не водилось.

18. Бостонский палач

Каменная Башка решительно подошел к дому и, взявшись за дверной молоток, громко постучал.

После третьего удара изнутри ответили:

– Кто там?

– Друзья! – не стал изощряться Каменная Башка. – Открывай.

За дверь послышались тяжелые шаги, как видно спускавшиеся по лестнице, дверь отворилась, и в проеме показался очень широкий в плечах кряжистый коротышка с лампой в руке. Половину лица его скрывала густая рыжая борода.

– Кто такие? – спросил он, дохнув на бретонца тяжелым перегаром.

– Моряки.

– И что вам от меня нужно? – спросил находившийся в изрядном подпитии палач.

– Хочу предложить выгодное дельце.

При этих словах на желчной физиономии бостонского палача появилась кривая ухмылка.

– Выгодное дельце? – с сомнением выговорил он. – С вашими делами я закончу в канаве.

– Отчего бы тебе не впустить нас в дом? Или ты боишься?

– Боюсь? Я? Напротив! Это никто из местных не смеет перешагнуть порог моего дома, словно я прокаженный! Бывает, что я месяцами не вижу человеческого лица. К тому же выходить мне запрещено.

– Ну так вот тебе сразу два человеческих лица. И довольно-таки приятных.

– Да уж вижу, – отозвался палач, поднимая лампу повыше, чтобы лучше разглядеть незваных гостей. – Ладно, проходите. Проклятое одиночество меня доконает.

Палач закрыл за посетителями дверь, и те оказались в тесной комнатухе, посреди которой стоял неказистый стол и несколько покосившихся стульев. Повсюду валялись обрывки веревки с петлей на конце.

Палач, как видно, собирался напиться: на столе красовалось две бутылки, от которых исходил резкий запах дешевого бренди.

Пододвинув к столу пару стульев, он достал две оловянные кружки.

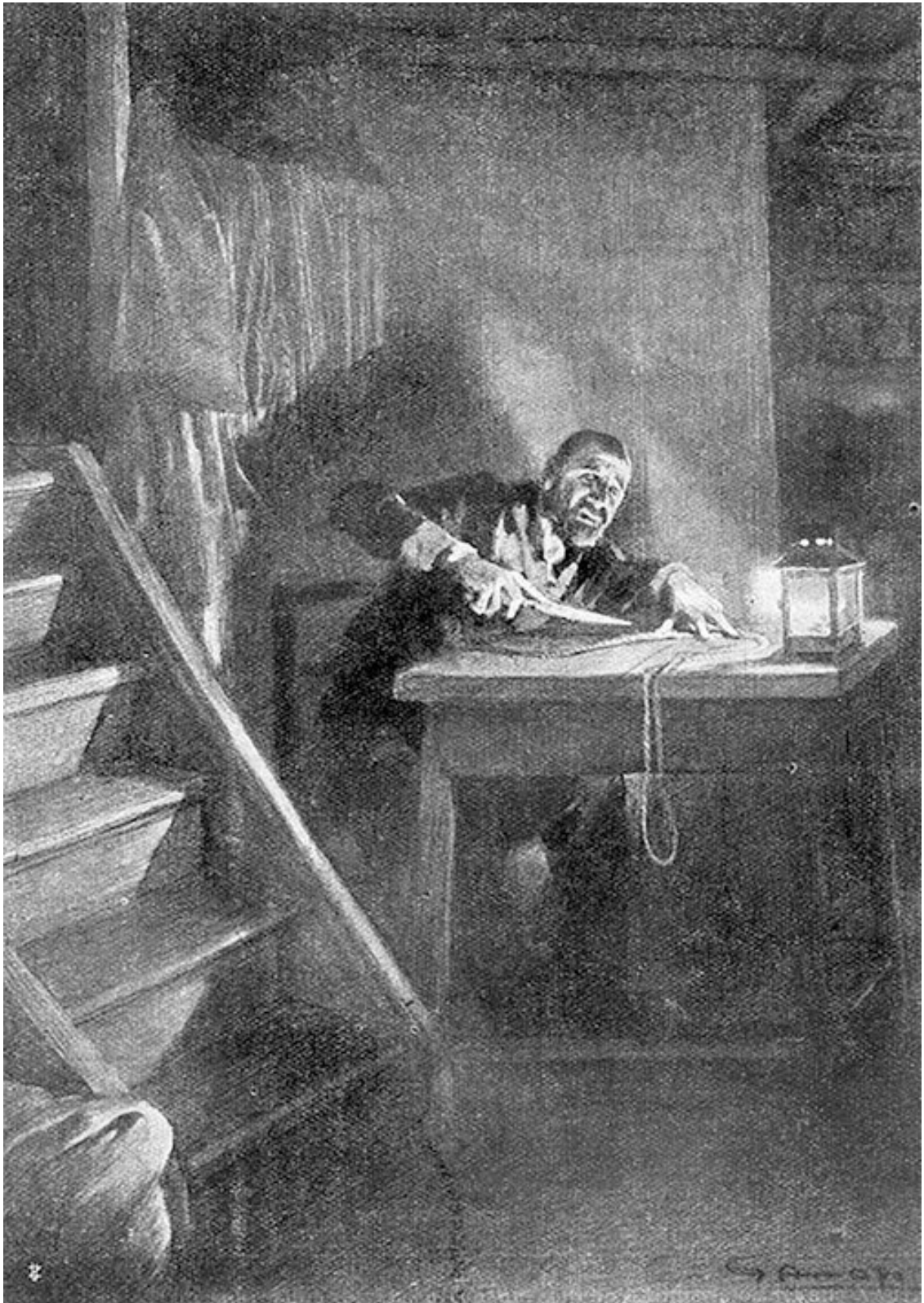
– Выпьете со мной? – спросил он моряков.

– Наливай, – не стал ломаться бретонец и, отведав дрянного пойла, продолжил: – А правду ли говорят, будто веревка, на которой кого-нибудь повесили, приносит удачу?

– Говорить говорят, однако меня она удачливей не сделала. А этого добра здесь, если не ошибаюсь, больше семи десятков.

– Это вы столько на тот свет отправили? – слегка отшатнувшись, спросил Каменная Башка. – Немало.

– Да уж, – вздохнул палач. – Только моей вины в том никакой нет. Мне велят повесить, и я исполняю приговор. Таково мое ремесло, мой хлеб. К тому же осужденный так и так обречен умереть.

– И всегда по заслугам?

– Это уж не мое дело. Мое дело – повесить, коли приговорили.

И, вновь наполнив кружки, бостонский палач вонзил в бретонца взгляд зеленоватых глаз, зловеще поблескивающих под рыжими косматыми бровями:

– А теперь позвольте осведомиться о цели вашего любезного визита.

Помолчав с минуту, стушевавшийся, против обыкновения, боцман невольно выдал в досаде крепкое бретонское словцо.

– Э! Да ты, верно, из Бретани? – возликовал палач, вскакивая со стула. – Земляк!

– Ты что, бретонец? – оторопел Каменная Башка.

– Ну да, я из Бурго.

– Во имя Иль-де-Ба, да мы почти братья!

– Значит, ты из Иль-де-Ба? – радовался палач.

– Точно. А ведь мне говорили, что где-то в Бостоне живет мой земляк.

– Ну надо же, из Иль-де-Ба! – умилился палач. – Мы с тобой одной крови.

– Да, друг.

– Ты называешь другом палача?

– А что тут такого? Или ты не бретонец?

При этих словах две тяжелых слезы скатились по щекам рыжебородого и исчезли в густой огненной поросли.

Растрогавшийся Малыш Флокко и сам тайком утер слезу.

– Ну и дела! – дивился боцман. – Ну-ка, расскажи мне, как вышло, что бретонец стал палачом. Для меня это загадка, как и то, что ты служишь англичанам, нашим заклятым врагам.

Палач поднял голову и начал свой рассказ:

– Когда-то и я служил на флоте. Плавал под французским флагом. Дослужился до старшего канонира. Может, сегодня был бы одним из лучших, когда бы не один старший офицер. Бог знает отчего он питал ко мне лютую ненависть. Но вы не пьете?

– Пьем-пьем, – успокоил Каменная Башка, – продолжай.

Рыжебородый провел рукой по собравшемуся мрачными складками и покрытому испариной лбу и снова заговорил:

– Однажды ночью я нес вахту и вдруг увидел его. Сам не знаю, что тут со мной произошло. Будто красная пелена упала перед глазами, и я схватился за кортик.

– И ты убил его?

– Перерезал горло.

– И правильно сделал! – одобрил Каменная Башка.

– Пришлось мне бежать из Франции, не то бы меня вздернули на рее. – Судорожно схватившись за кружку и опрокинув в плотку ее содержимое, палач заметил глухо: – Может, так было бы лучше. Тогда бы меня не ожидал нынешний бесславный удел презираемого всеми изгоя. Поверишь ли, я не осмеливаюсь шагу ступить из этого дома иначе как в сопровождении роты мушкетеров, чтобы меня не растерзала толпа.

Замолчав, он принялся набивать табаком глиняную трубку.

– Продолжай, земляк, – призвал Каменная Башка.

Палач выпустил в воздух облако едкого дыма и повел дальше горестную повесть:

– На этом мои несчастья не закончились. Должно быть, я рожден под несчастливой звездой. Бежав через Ла-Манш, я завербовался во флот короля Георга. Англичане отчаянно нуждались в рекрутах, а потому не задавали лишних вопросов, не пытались выяснить, кто я такой и откуда. Но злой рок по-прежнему преследовал меня. Я служил на «Эссексе» и однажды ночью во время шторма сбросил с верхушки фок-мачты старшего марсового, не в силах выносить его издевательства. Меня приговорили к двадцати годам каторги. Тогда-то я и согласился исправлять нынешнее свое позорное ремесло. Когда вы постучали в мою дверь, я как раз занимался приготовлениями к тому, чтобы совершить казнь над одним английским джентльменом.

– Каким? – хором спросили друзья, вскочив из-за стола.

– Неким сэром Уильямом Маклелланом. Вчера я получил приказ повесить его.

– Повесить баронета?! – взревел Каменная Башка. – Нашего капитана?!

– О чем это ты?

– О том, что приговоренный – наш капитан!

– Капитан вашего корабля?

Конец фразы потонул в оглушительном грохоте, который сделал неразличимыми все прочие звуки. То был синхронный залп четырех мортир корвета.

– Слышишь? – приосанился Каменная Башка.

– Я же не глухой, – с усмешкой отозвался палач.

– Это палат пушки с корабля сэра Уильяма. Его корвет, прорвав английскую морскую блокаду, встал на якорь в водах Мистики.

– Вот оно что... Жаль, что придется казнить этого храбреца в форте Джонсон.

– Что еще за форт?

– Он расположен напротив Чарльзтауна.

– Разве капитана не содержат здесь, в Оксфордской башне?

– Его уже перевезли в форт. Боятся, как бы американцы его не отбили.

– Так нашего капитана здесь уже нет?! – в один голос воскликнули удрученные моряки.

– Ну да. Придется мне ехать в форт, чтобы его повесить.

– Когда? – с дрожью в голосе спросил Каменная Башка.

– Послезавтра утром. Таков приказ.

– Каменная Башка, – недоумевал юный марсовой, – можешь ты мне объяснить, зачем его потащили в форт Джонсон, когда запросто могли повесить и здесь?

– Да потому, дурья твоя башка, что маркиз не смеет повесить единокровного брата на глазах у леди Мэри. Думаешь, никто не знает, что наш капитан – родня Галифаксу?

– Так все эти слухи – правда? – вмешался палач.

– Какие еще слухи?

– Толкуют, будто приговоренный – брат маркиза Галифакса.

– Так оно и есть. Только маркиз был рожден в законном браке от знатной шотландской дамы, а баронет – внебрачный сын французской дворянки.

– И этот мерзавец решил вздернуть собственного брата?

– Да, после того как похитил его невесту.

– Каков подлец!

– Точнее и не скажешь.

– Но за что?

– Пару ночей назад баронет пробрался в Оксфордскую башню, чтобы вызволить оттуда свою похищенную невесту. Там он столкнулся с маркизом и бился с ним на шпагах. Это был честный поединок. Баронет наказал подлеца по заслугам.

– Что ж, – задумчиво произнес палач, поднявшись из-за стола и взяв в руки веревку, – похоже, придется мне расстараться для вашего капитана, хотя, быть может, из этой затеи ничего путного и не выйдет.

Моряки с ужасом глядели на роковую петлю.

– Вы меня понимаете? – спросил палач, заметив, что его гостей сковало горестное оцепенение, и объяснил: – Когда палач желает спасти приговоренного или, скорее, оттянуть его гибель на несколько дней, он делает надрезы с внутренней стороны веревки, чтобы она тут же оборвалась под весом осужденного.

– И что тогда? Разве его не вешают снова? – взволновался боцман.

– Нет, – успокоил палач. – Его под конвоем ведут обратно в тюрьму, где он ожидает новой казни.

– А ты не шутишь, земляк?

– Я же бретонец! – возмутился рыжебородый. – На моей совести много грехов, но я не способен казнить человека, который дышал воздухом моей родины и грелся под ее солнцем. Я столько лет провел вдали от родного края! Столько лет я не видел французской земли! Будь проклят негодяй, что загубил мою жизнь и обрек на вечное изгнание!

И палач вскочил, потрясая кулаками. Борода его растрепалась, глаза горели. Могучее тело сотрясали рыдания. Это неподдельное горе проняло даже сурового боцмана, который сочувственно похлопал изгнанника по плечу:

– Ну же, земляк, забудем прошлое. Я обещаю, что ты еще увидишь родную Бретань.

– У меня там остались отец и две сестры, которых я не видел вот уже семь лет.

– Вы снова встретитесь, даю слово! Франция многим обязана моему капитану. Думаю, Людовик Шестнадцатый не откажет, если баронет попросит тебя помиловать.

Вытерев слезы рваным рукавом, палач взглянул на старые часы.

– Десять, – сказал он. – Время еще есть. – Обратив пытливый взгляд на боцмана, рыжебородый спросил: – Теперь, когда вы знаете, что вашего капитана здесь нет, не хотите ли вы бежать из города?

– Мы собирались ускользнуть из Бостона этой ночью.

– Так вот вам мое предложение: у меня есть пропуск, в устье реки меня ждет шлюпка, чтобы доставить в форт Джонсон. Не хотите ли ею воспользоваться? Вы вполне сойдете за моих подручных.

– Но сперва мы должны связаться с помощником капитана. Нужно сообщить ему о том, что случилось, и обдумать план спасения баронета.

– Шлюпка будет ожидать меня до четырех утра, – отозвался палач. – Вы еще успеете свидеться с друзьями. Мне же хватит получаса, чтобы подготовить веревку. Вот вам свеча: пройдите в соседнюю комнату и переоденьтесь в красное, как положено помощникам палача. Там полно одежды, найдете что-нибудь подходящее.

Положив на стол веревку, он взялся аккуратно надсекать острым узким ножом прочные волокна – работа, требующая навыков морехода... или палача. Она была уже завершена к тому моменту, когда в комнату вернулись переодетые в красное корсары.

– Так вот она, роковая веревка, приготовленная для нашего капитана! – сдавленно воскликнул Каменная Башка.

– Да, но я так ее надрезал, что она тут же разорвется, не причинив ему ни малейшего вреда.

– Но как нам потом вызволить его из тюрьмы?

– Это уж ваше дело. Хотите совет?

– Говори, земляк.

– Сейчас перевес на стороне американцев. Они смогут напасть на форт завтра ночью, уничтожить гарнизон и спасти вашего капитана. А уж до тех пор мы постараемся его защитить. Трое бретонцев стоят шестерых англичан. Или не так?

– Святой истинный крест! – без колебаний подтвердил Каменная Башка.

– Вы доберетесь до корвета и предупредите своих друзей, а потом встретитесь со мной в бухте Смерти, где меня ждет шлюпка. Знаете, где это?

– Знаю, – кивнул боцман. – В устье реки Мистик.

– Что ж, нам пора.

Боцман крепко пожал руку бостонскому палачу:

– Я полагаюсь на тебя, как на родного брата. Но предупреждаю: предательство не останется безнаказанным. Бретонцы никогда не бывали предателями.

Слезы навернулись на глаза рыжебородого.

– Ты не пожалеешь, что мне доверился, брат, – проговорил он.

– Так пожми мою руку, ведь мы дети одной земли.

– Не смею.

– Что за глупые сомнения, клянусь Иль-де-Ба! Когда-то и ты был моряком. Давай жми!

После долгого колебания бостонский палач с трепетом пожал протянутую ему мозолистую ладонь.

– Дружище! – произнес боцман на родном языке.

Рыдания снова сотрясли плечи старого каторжника.

Малыш Флокко опять тайком утер слезу.

Палач осушил кружку с бренди и сказал:

– Мы можем идти.

Взяв со столика бумагу с большой сургучной печатью, он сунул ее за пазуху. А моряки, понадежнее упрятав под черными плащами пистолеты и абордажные сабли, раскурили трубки и вышли вслед за палачом.

Возглавлявший процессию Каменная Башка решил на всякий случай сделать крюк и пройти мимо «Тридцати бизонных рогов».

К его изумлению, в таверне горел свет.

– Разрази меня гром! – воскликнул боцман. – Да неужели эти подлые английские крысы устроили здесь пьянку! Да я им такую трепку задам, что надолго запомнят! За мной, Малыш Флокко!

И он пинком распахнул дверь.

Но что это? На скамейке в привычной позе восседал меланхолический трактирщик, воплощая собой горестную покорность судьбе, и ожидал клиентов.

– Черт бы меня побрал! – взревел старый моряк, подсакивая к скамье. – Это ты, во плоти и крови, или призрак?

Распахнув ему навстречу объятия, хозяин таверны в радостном изумлении воскликнул:

– Как?! Это вы, мои добрые господа! Но что за платье? О ужас!

– Ты за кого меня принимаешь? – усмехнулся бретонец. – Уж не за палача ли, часом? Нет, друг, я все тот же моряк! И если я ношу этот костюм, то неспроста! Да разве тебя не расстреляли?

– Меня арестовали, но тут же выпустили.

– А где каналы, что хозяйничали в твоей таверне?

– Не имею понятия. Видел лишь, как их вынесли отсюда полумертвыми. Хотел бы знать, кто их так отдубасил.

– Как это кто? Мог бы сам догадаться! Когда мы увидели, как они шуруют в твоей таверне, так их отделали, что родная мама не узнает! Правда, при этом мы разворотили табурет, но ты за все получишь сполна.

– Что вы, что вы! – воспротивился хозяин. – Распоряжайтесь моим имуществом как своим, не нужно никакой платы!

– Принеси-ка нам бутылку вина, дорогой друг. Я желаю угостить им нашего нового приятеля. Да смотри, если вино дрянное, мы тебя сразу же вздернем.

Хозяин в растерянности отступил к скамейке. При виде палача его и без того выкаченные глаза едва не вылезли из орбит.

– Не дури, хозяин! – успокоил Каменная Башка. – Ну что ты вылупился? Неужто до смерти испугался? Ну и зря. Этот добрый малый – мой земляк. Да и потом, без приказа коменданта он и мухи не обидит. Или у тебя много злодеяний на совести?

– У меня? – заплетаящимся языком пролепетал бедняга.

– Тащи сюда медок! Мы, моряки, всегда умираем от жажды!

19. Форт Джонсон

Хозяин пулей полетел в погреб и вернулся с заветной бутылкой. Каменная Башка немедленно ее раскупорил и мигом осушил за компанию с земляками.

– Так что, идем? – спросил бостонский палач. – Вам нужно еще поспеть на корвет.

Боцман полез за пояс, чтобы расплатиться, но трактирщик жестом остановил его.

– Нет, мои добрые господа, – поспешно проговорил он. – Мне ничего больше не нужно. Я и так получил достаточно. Не обижайте меня, пусть эта бутылка будет подарком от заведения.

– Вот это молодец! – воскликнул бретонец. – Я в тебе не сомневался. – И, одобрительно хлопнув хозяина таверны по плечу, он пробасил: – До скорой встречи, приятель! Надеюсь, вскоре Бостон вырвется из лап генерала Хау. Так нам всем будет спокойнее и веселее. Доброй ночи! – И, уже обращаясь к палачу, боцман осведомился: – Как мы выберемся из города?

– Через пост возле седьмого бастиона.

– И что, нам не станут чинить препятствий?

– Не станут. У меня есть пропуск, подписанный самим генералом Хау.

– Неужели мы сможем добраться до корвета?

– Почему нет? Срезав путь, мы окажемся возле того места, где он стоит на якоре.

Через четверть часа трое путников достигли линии укреплений. Прочитав бумагу в каземате при свете фонаря, командир бастиона приказал их пропустить. Двое солдат проводили палача и его «подручных» по темному коридору к выходу.

Железная дверь была открыта, и Каменная Башка наконец вдохнул йодистый воздух океана.

– Дальше будем передвигаться ползком. Берегитесь ядер, – наставлял он компаньонов. – Хоть наши головы и крепки, как скалы родной Бретани, если они дадут трещину, останется только тащиться на кладбище.

В этот самый момент берег реки Мистик осветили четыре вспышки, за которыми последовал грохот взрывов. Залп четырех мортир на миг высветил корвет.

– Вот он, наш красавец! – умилился бретонец. – Приветствует нас. Да не стойте же вы как истуканы. На землю и вперед ползком, друзья!

И они принялись осторожно спускаться по крутому склону, заросшему кустарником. Благоразумная осмотрительность их была вознаграждена: довольно скоро вся троица достигла речного берега прямо напротив корвета. Дождавшись, когда отговорят пушки, бретонец сложил ладони рупором и прокричал:

– Эй, на «Громовержце»! Встречайте боцмана!

Однако зычный окрик его был перекрыт грохотом мортир. Наконец выстрелы стихли, и с корабля раздался ответный крик:

– Кто здесь?

– Это я, Каменная Башка.

– Погоди минуту!

– Слушаюсь, мистер Говард, – отвечал бретонец, узнав голос помощника капитана.

На воду спустили вельбот, который тут же резво устремился к берегу. Не прошло и минуты, как он достиг цели.

– Это ты, Каменная Башка? – обратился к боцману сидевший на руле моряк. – А где же капитан?

– Тихо! – шикнул на него бретонец. – Здесь не место об этом толковать. Поговорим на корабле. – И он обернулся к палачу, который, усевшись на камень, закурил трубку. – Не желаешь подняться с нами на борт?

– Мне и здесь ничего не грозит. Я подожду вашего возвращения.

Каменная Башка и Малыш Флокко присоединились к шестерым гребцам, и вельбот с прежней резвостью перенес их по мутным водам Мистик к корвету.

Возле трапа боцмана уже поджидали изнывающие от нетерпения мистер Говард и полковник Молтри. Оба тут же задали вопрос, который волновал всю команду корвета:

– Где сэр Уильям?

– Господин помощник капитана, – произнес бретонец, пока Малыш Флокко обнимал своих приятелей-моряков, – давайте спустимся в капитанскую каюту. У меня для вас дурные известия. Завтра нашего капитана должны повесить в форте Джонсон.

– Повесить?! – вскричал смертельно побледневший Говард.

– Если вам нужны подтверждения, взгляните на мой костюм, – продолжал бретонец. – Думаете, я потехи ради вырядился в красную рубаху? На красном не так заметна кровь, которую льют палачи. И почему, как полагаете, на мне этот черный траурный плащ с капюшоном?

В двух словах бретонец поведал помощнику капитана обо всем случившемся после их расставания.

– Так сэр Уильям арестован! – в один голос воскликнули полковник и мистер Говард.

– Не спешите отчаиваться, господа. Арестовать еще не значит повесить, – успокоил бретонец. – Мы с Малышом Флокко свели дружбу с бостонским палачом и даже приняли на себя роль его подручных.

Полковник поднял руку, прерывая боцмана:

– Вы сказали, капитана держат в форте Джонсон?

– Туда-то мы и направляемся, чтобы его повесить!

– Вы? Повесить?

– Да я скорей вздерну коменданта форта, клянусь Иль-де-Ба! Чтобы бретонец предал своего капитана? Никогда!

– Мистер Говард, – встревоженно произнес полковник, – наши военачальники задумали атаковать мыс Годдрел, чтобы уничтожить укрепления англичан на канале острова Хог. Этот форт Джонсон, пушки которого обстреливают порт острова Имс, стоит у нас на пути. Атакуем его. Мы в неоплатном долгу перед вашим капитаном, – взволнованно продолжал он. – Если бы не ваш корвет, мы остались бы без пороха, и тогда осада Бостона могла бы длиться вечно. Мы нуждаемся в вашем корвете. Только он способен противостоять орудиям английских фрегатов и линейных кораблей.

– Так что же вы предлагаете? – отозвался немногословный помощник капитана.

– Когда должны казнить баронета? – спросил полковник у Каменной Башки.

– Если верить палачу – в семь вечера, – ответил бретонец.

– Господин Говард, завтра в четыре ваш корвет спустится вниз по течению реки Мистик и прорвется в канал острова Хог, чтобы поддержать нашу атаку. Со мной будет две тысячи лучших американских солдат, и даю вам слово, мы возьмем форт.

– Согласен.

– Что бы ни случилось, мы осадим форт, – продолжал полковник. – Надеюсь, что наши крестьяне, как презрительно называют их британцы, способны творить чудеса. Вы должны обещать мне одну вещь.

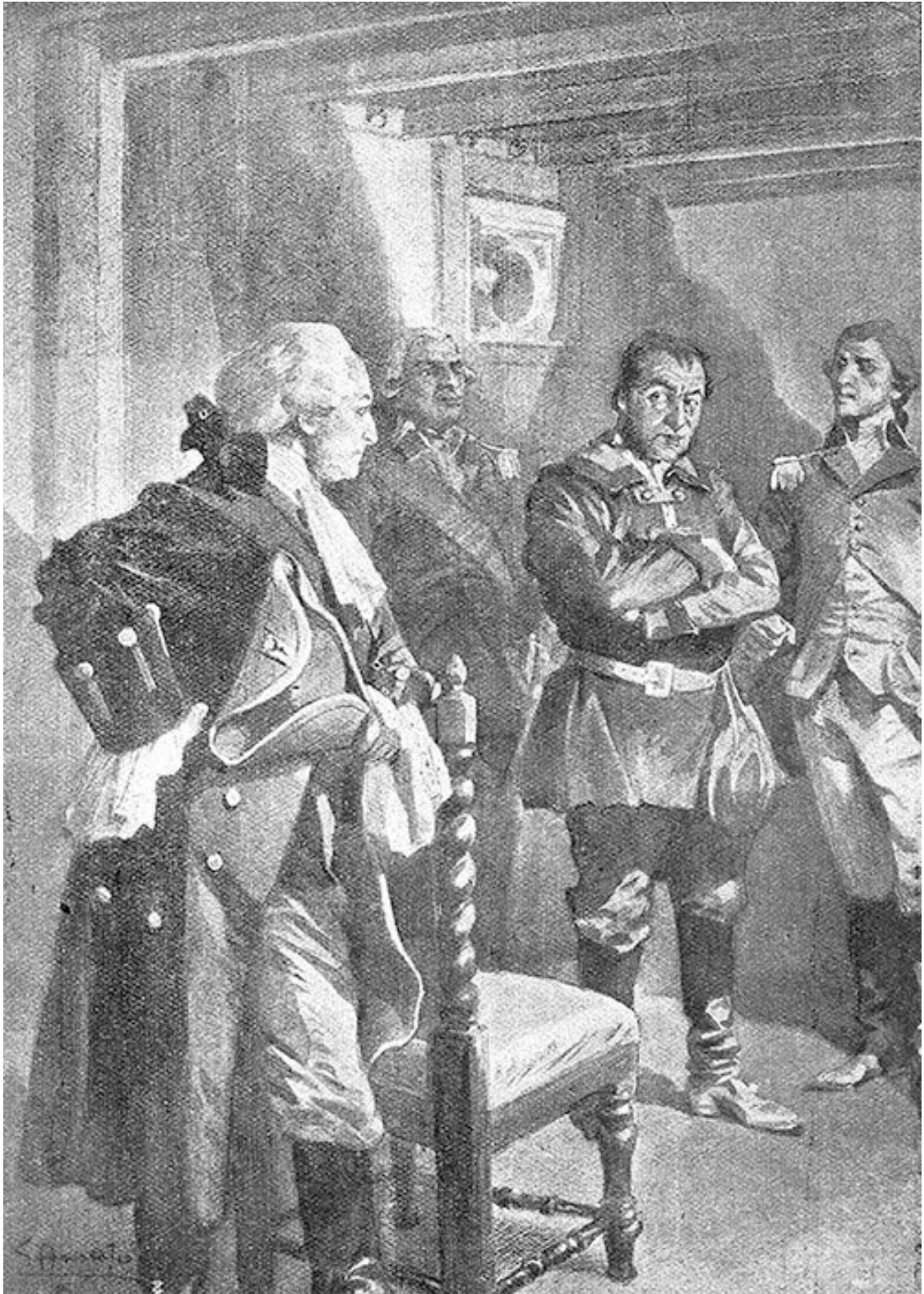
– Говорите.

– У нас мало пороха. Ценой нашей крови мы спасем баронета. Пообещайте, что, покинув Бостонскую бухту, вы вновь вернетесь сюда, прорвав морскую блокаду. Мы знаем, что силы бостонского гарнизона на исходе и вскоре англичанам придется оставить город. Это вопрос дней, но, к сожалению, порох подходит к концу. Недостаток оружия погубит все дело.

Три сотни орудий стреляют без передышки, и наши арсеналы пустеют на глазах. Все, что вы привезли, закончилось за неделю.

– Полковник, – произнес помощник капитана, – что бы ни случилось, «Громовержец» преградит путь английским фрегатам. Но я целиком полагаюсь на вас. Мой капитан должен быть спасен.

– Клянусь честью, я не пожалею жизни, чтобы спасти его! – объявил американец.

Мистер Говард обернулся к боцману, который, затаив дыхание, ожидал приказаний.

– Палач ждет вас на берегу, не так ли? – спросил он.

– Да, господин помощник капитана.

– Что, если он ведет грязную игру?

– Это он-то? Такой же бретонец, как и я?

– Хотел бы я разделять твою уверенность. Пожалуй, все же мне стоит распорядиться, чтобы на вельбот поставили камнемет и удвоили число гребцов. На войне можно ожидать любого предательства.

– В бостонском палаче я уверен как в самом себе.

Трое мужчин взошли на шканцы. Приказав квартирмейстеру усилить команду вельбота, Говард обратился к боцману:

– Каменная Башка, от тебя зависит жизнь капитана.

– Поверьте, капитану ничего не угрожает. Палач подрезал веревку. Она тут же лопнет, и баронет останется цел и невредим.

– Что ж, удачи вам.

– Малыш Флокко! Сюда! – позвал боцман.

Юный марсовой уже был тут как тут.

И неразлучная парочка быстро спустилась по трапу в вельбот, где уже разместили оружие, способное метать камни, и где на веслах сидели двенадцать матросов.

– Вперед, Джон! – приказал Каменная Башка рулевому. – Пусть нас не остановят английские ядра.

– Мы ко всему привычные, – с улыбкой отвечал тот.

По счастью, боцману не пришлось укорять себя за легкоеверие. Рыжебородый не готовил корсарам ни ловушки, ни подвоха. Когда вельбот, стремительно рассекая волны, доставил наших друзей к скалистому берегу, они нашли бостонского палача на прежнем месте в полном одиночестве. Восседаая все на том же камне, он покуривал трубку с безмятежностью, которую боцман приписал благотворному влиянию вин славной провинции Медок.

– Как видите, я сдержал слово, – произнес палач, обращаясь к своим новым знакомцам, когда те, распрощавшись с товарищами, спрыгнули на землю, а вельбот повернул к кораблю. – Что ж, идем?

Каменная Башка ответил земляку крепким рукопожатием.

Они направились вдоль берега к устью, где палача должна была ожидать шлюпка.

И точно: минут через двадцать троица обнаружила возле утеса это суденышко, возвещавшее о своем присутствии светом небольшого сигнального фонаря. В шлюпке сидели восемь солдат с мушкетами, полдюжины гребцов и офицер.

– Кто идет? – окликнул их этот последний, а солдаты вскинули мушкеты.

– Бостонский палач с подручными, – отозвался бывший каторжник.

– Садитесь.

Пока рыжебородый и корсары усаживались в шлюпку, офицер, державший в одной руке фонарь, а в другой – пистолет, пристально их разглядывал.

– А ну, покажите, что у вас под плащами! – приказал он.

Все трое послушно распахнули полы плащей.

– Вроде ничего подозрительного. Ладно. Садитесь на корме, и чтоб ни слова!

– Бойтесь разбудить пеликанов? – не удержался Каменная Башка.

– Кто такой?

– Первый помощник палача. Если будет нужда, вас я и сам могу вздернуть, без подручных.

– Молчать! – взорвался англичанин. – Я не собираюсь угодить в плен к мятежникам из-за твоей болтовни. Этот проклятый корвет одним выстрелом может разнести шлюпку в щепки.

– Какой там! – отозвался Каменная Башка. – На корвете, должно быть, все спят без задних ног.

Шестеро гребцов приналегли на весла, и вскоре устье реки Мистик осталось далеко позади. К счастью для англичан, орудия «Громовержца» молчали. В отдалении мерцали сигнальные огни английских кораблей, в большинстве своем старых и плохо вооруженных. Лишь фрегаты могли сравниться с пиратским корветом.

Спустя час с лишним шлюпка подошла к берегам острова Джеймс, на мысу которого стоял форт Джонсон, чьи орудия наносили серьезный урон укреплениям Чарльзтауна.

Прислушавшись к мнению полковника Молтри, пользовавшегося немалым уважением среди повстанцев, командиры ополченцев решили захватить и разрушить форт. В их распоряжении находилось около трех тысяч солдат, три-четыре сотни лазутчиков, пятьдесят орудий разного калибра, а также несколько крупных баркасов.

Возглавив отряд отважных разведчиков, полковник Молтри совершил несколько вылазок на остров, заставив английские корабли отойти подальше в море, а гарнизон – поспешно запереться в стенах форта, но полковник не осмелился атаковать грозную крепость. Нечего удивляться, что американские военачальники находились в замешательстве.

– Мы на месте? – спросил Каменная Башка.

– На месте, – кивнул палач.

Офицер заменил в сигнальном фонаре красное стекло на синее, выбрался из шлюпки на берег и нетерпеливо прикрикнул на бретонцев:

– Вылезайте!

– Стоит ли так кипятиться, мой любезный господин? – откликнулся боцман. – Мы не моряки, нам приходится под ноги смотреть. Так что извольте подать мне руку.

– Подать руку палачу? Никогда! – воскликнул англичанин. – Этак живо накличешь на себя беду.

– Это почему же? Напротив, наши веревки приносят удачу. Могу уступить одну по сходной цене.

– Уж точно не мне, – поморщился офицер. – Давайте сходите, пока волны не захлестнули шлюпку. Вода прибывает.

Малыш Флокко первым прыгнул на песок. Бостонский палач проворно последовал за ним. Однако Каменная Башка, изображая неуклюжесть, пошатнулся и ухватил офицера за плечо, словно боялся упасть.

– Ты что, нарочно?

Англичанин так резко освободился от хватки бретонца, что лодку качнуло и насмешник едва не очутился в воде.

– Ты до меня дотронулся! – негодовал офицер.

– А вы предпочли бы, чтобы я нос себе сломал? – с наигранным простодушием спросил Каменная Башка.

– Ты навлек на меня беду!

– Можно подумать, будто мы, палачи, слеплены из другого теста, чем вы!

– Ступайте уже! Я не желаю больше торчать здесь из-за вас! – не унимался офицер.

– Так посветите нам. Я очень волнуюсь за свой нос.

Следуя за офицером, бретонцы вскоре оказались у мостика, перекинутого через ров перед земляной насыпью, охраняемой двумя орудийными расчетами при пушках. Позади вала высился частокол с воротами, которые сторожили мушкетеры. Офицер обменялся

парой слов с караулом, и мушкетеры расступились, пропуская бостонского палача и его «подручных» внутрь форта.

– Господа из Бостона! – отрекомендовал их сопровождающий, когда они предстали перед начальником форта.

Сидевший за столом комендант внимательно оглядел бретонцев:

– Кто из вас палач?

– Я, – шагнул вперед бывший каторжник.

– У вас есть бумаги от генерала Хау?

– Вот они, господин комендант.

Комендант брезгливо принял скрепленные сургучом бумаги, развернул и прочел.

– Все в порядке, – наконец обронил он холодно. – Казнь назначена на завтра, за час до заката. Утром возведете виселицу. У нас нет опыта в таких делах. Все необходимое вам предоставят. Вы не голодны?

– Благодарим вас, мы уже поужинали, господин комендант, – вставил Каменная Башка.

– И тем не менее я прикажу принести вам что-нибудь. Этой ночью будете спать в комнате, которую вам укажут. Там в углу поставлены койки.

И, не глядя на палача и его спутников, он махнул рукой: аудиенция закончена. Определенный в провожатые офицер стал теснить бретонцев к дверям, и они вышли вон.

20. Господин Гони Монету

Для ночлега «господам из Бостона», как их в насмешку назвал сопровождающий, выделили комнату, по-видимому служившую складом. Она была завалена мешками с песком и плетеными корзинами-габионами, которые, забив их землей, применяли для сооружения фортификаций вокруг батарей. Еще там громоздились старые колеса от пушек, бухты канатов и мотки веревок. Правда, помимо всего этого добра, здесь имелся стол, а в углу нашлось с полдюжины сломанных коек.

– Во имя Иль-де-Ба! Хорошо же здесь встречают служителей правосудия! – возмутился Каменная Башка. – Вот уж не ожидал такого холодного приема.

– А на что ты рассчитывал? – спросил невозмутимый Малыш Флокко.

– Готов поспорить, на ужин нам подадут пару корок хлеба и сухую треску, об которую зубы можно обломать. Ну и скряги!

Тут дверь распахнулась, и вошел солдат-инвалид с тремя котелками и бутылкой вина.

– Вот, стало быть, как здесь потчуют провожатых на тот свет, – укорил его Каменная Башка.

– Это обычная солдатская пайка. У нас заканчивается съестное, но...

– Но что?

– Но я могу достать вам кое-чего получше, если раскошелитесь.

– Вот тебе на! – притворно удивился бретонец. – Что у тебя в котелках?

– Похлебка из сушеной трески.

– Нам бы чего поаппетитнее, господин маркитант! Что у вас можно получить за звонкую монету?

– Есть настоящий голландский сыр, вкуснейшая сельдь, недурная ветчина – последнюю свинью я зарезал месяц назад...

– Да это настоящий пир! А вино?

– Вина не осталось. Есть темное пиво.

– Неси! Мы платим. А эти котелки лучше отдай оголодавшим солдатам. Джентльмены на службе у виселицы такую бурду есть не станут.

– Отлично, господа. Коли вы готовы тряхнуть мощной, я принесу вам все лучшее из своих запасов.

– Давай поживее! Мы проголодались. Ступай!

Увечный солдат тут же испарился, прихватив с собой не только котелки, но и бутылку.

– Ну и прощелыга! – то ли возмутился, то ли пришел в восторг Каменная Башка. – Болтаться мне на виселице, если этот плут не собирается сбыть солдатам и бутылку, и эту отвратительную бурду. – С минуту он молчал, глядя на палача, который, казалось, совсем приуныл, потом не выдержал. – Земляк, – проговорил он, – я вижу, на душе у тебя неспокойно.

– С чего ты взял? – вздрогнув, спросил бостонский палач.

– У тебя все на лице написано.

– Что тут подделаешь... Всякий раз перед казнью я чувствую смертный ужас. Ну не рожден я для такого ремесла.

– Полно кручиниться, земляк! На сей раз ты сыграешь с англичанами отличную шутку! Божился ведь, что веревка лопнет?

– Насчет этого можешь не сомневаться, – успокоил бостонский палач. – Я подрезал волокна, и веревка порвется под тяжестью вашего капитана.

– Так чего же ты страшишься?

– Что, если американцы опоздают?

– Ну уж нет! Я готов поручиться за этих молодцов, в особенности за полковника Молтри, – заверил боцман. – Мне довелось видеть их в деле. Готов прозакладывать свою трубку, что завтра они зададут жару англичанам, и тогда мы посмотрим, выдержат ли те такую добрую трепку. А уж когда заговорят пушки «Громовержца», будь уверен, что после десятого залпа замолчат все батареи форта. А вот и господин Гони Монету!

Маркитант, пыхтя, втащил две тяжелые корзины с провизией и пивными бутылками. Осмотрев товар, боцман презрительно выпятил нижнюю губу и спросил маркитанта:

– И сколько ты хочешь за все, господин Гони Монету?

– Съестное у нас кончается, – заюлил маркитант. – Да и цены на провизию взлетели...

– Ну же, не мямли! У палачей всегда найдется пара долларов в карманах.

– С вас пять долларов.

Бретонец, прищурившись, поглядел на инвалида:

– Вот ведь выжига... Вместо того чтобы накинуть пеньковый галстук на благородного английского джентльмена, я бы с удовольствием вздернул тебя, грабитель. Но я – человек слова, от своих обещаний не отпираюсь. Вот тебе твои деньжата. – И, сунув руку за пояс, боцман отсыпал маркитанту пять серебряных долларов. – Все ли верно? – спросил он с насмешкой.

– Верно, верно, мой добрый господин, – отвечал маркитант, поспешно припрятав монеты.

– А не боязно тебе принимать деньги от палачей? – любопытствовал бретонец.

– Это мне-то? – Маркитант осклабился, показав обломки гнилых зубов. – Вот уж нет, мой добрый господин. Не зря же моего деда прозвали Тайбёрнским Джеком.

– Это ты о чем?

– Он, почитай, всю свою жизнь состоял при «тайбёрнском дереве» и немало развесил на его перекладине разных нечестивцев.

– Значит, тебе будет не зазорно пожать мне руку?

Маркитант с готовностью протянул бретонцу скрюченную кисть, больше похожую на клешню. Каменная Башка с силой тряхнул ее и прижал к груди со словами:

– Раз уж и я служу ее величеству виселице и твой почтенный предок состоял при этой «трехногой кобылке», можем мы быть откровенны друг с другом? А если тебе надобен другой резон, скажу, что денег у нас навалом. Об этом забывать никак не стоит.

– К чему это вы клоните?

– Не каждый день встречаешь потомка знаменитого лондонского палача. Почему бы тебе не отужинать с нами? Не побрезгуешь нашей компанией?

– О нет! Такие настали скверные времена, что торговля идет из рук вон плохо. Комендант задерживает плату, и у наших бравых солдат нет и пенни на табачок. Я уже стольким отпускал в кредит, что и разориться недолго.

– Уверен, они тебе за все заплатят сполна, когда из Англии придут корабли, груженные золотом.

Усевшись вместе с бретонцами за покосившийся стол, маркитант накинута на угощение, да так живо заработал челюстями, что бретонец не удержался от восклицания:

– Поверить не могу! Чтобы маркитант, у которого полон погреб еды, ходил голодным как волк! Или ты все для солдат припасал?

По правде сказать, бретонцы от маркитанта не отставали. Не прошло и десяти минут, как от ужина ничего не осталось. Моряки щедро заливали ужин кислым чернильно-черным пивом. Однако никто не жаловался: ни бостонский палач, ни маркитант, ни тем более приятели-моряки. У всех сотрапезников были поистине луженые желудки.

– А теперь пришел ваш черед расплачиваться, почтенный потомок Тайбёрнского Джека, – заправляя трубку, произнес Каменная Башка, – за этот славный ужин. Поделись-ка с нами, будь добр, кое-какими сведениями.

– Что ж, я не против, – с трудом ворочая языком, отозвался маркитант, выпивший больше троих бретонцев.

– Где держат джентльмена, которого мы завтра повесим?

– Ближе, чем вы думаете.

– Вот даже как?

Маркитант указал на дверь, которую бретонец не заметил.

– Он там, – произнес торговец. – За этой дверью что-то вроде часовни. Здесь его и держат.

– Он там один?

– Кажется, с ним полковой капеллан.

– А караул?

Маркитант взглянул на бретонца с подозрением:

– Почему вы спрашиваете?

– Уж больно нам охота взглянуть на этого джентльмена, прежде чем мы его повесим.

И за такое невинное удовольствие, господин Гони Монету, я готов подарить вам еще пару долларов.

– Да вы, как я погляжу, богатеи!

– Мы получаем достаточно, чтобы позволить себе маленькие капризы. А тебе это не по нраву?

– Что вы!

– Так ты не станешь возражать, если мы приоткроем дверь и полюбуемся на висельника?

– Глядите, коли пришла такая охота.

– Страсть как любопытно, за каким занятием он коротает последнюю ночь. Ты сам-то его видал?

– Я – нет.

– Ну так еще увидишь завтра с вывалившимся языком. Вот тебе два доллара, и ступай себе спать.

Зазвенев серебром в карманах, маркитант откланялся.

Каменная Башка запер за ним дверь, сел и сказал:

– Надо что-то решать.

– Что ты собираешься делать? – встревожился палач.

– Хочу увидеть моего капитана.

– А если там капеллан?

– И что же? Разве мы не палачи? Скажем, что нас послал комендант – снять мерку для савана. Предоставь мне объясняться.

– А что потом?

– Потом мы его похитим!

– Но как выберемся из форта?

– А! Это хороший вопрос! И все же сначала мы с ним увидимся. Об остальном подумаем после. А ты оставайся здесь и приканчивай это дрянное пиво.

Достав клинок, боцман подошел к указанной маркитантом двери. На ней висел старый замок, который не выдержал бы и удара плечом. Прижав ухо к двери, бретонец прислушался, но не уловил ни звука.

«Может, этот плут меня обманул? – скрипнув зубами, спросил себя моряк. – Если так, клянусь честью, я придушу его и без веревки».

Расшатав кортиком гвозди, он поддел снизу и отодрал засов вместе с продетым в проушины замком. Дверь приоткрылась. Знаком приказав товарищам не шевелиться, Каменная Башка отворил ее так осторожно, что петли не скрипнули.

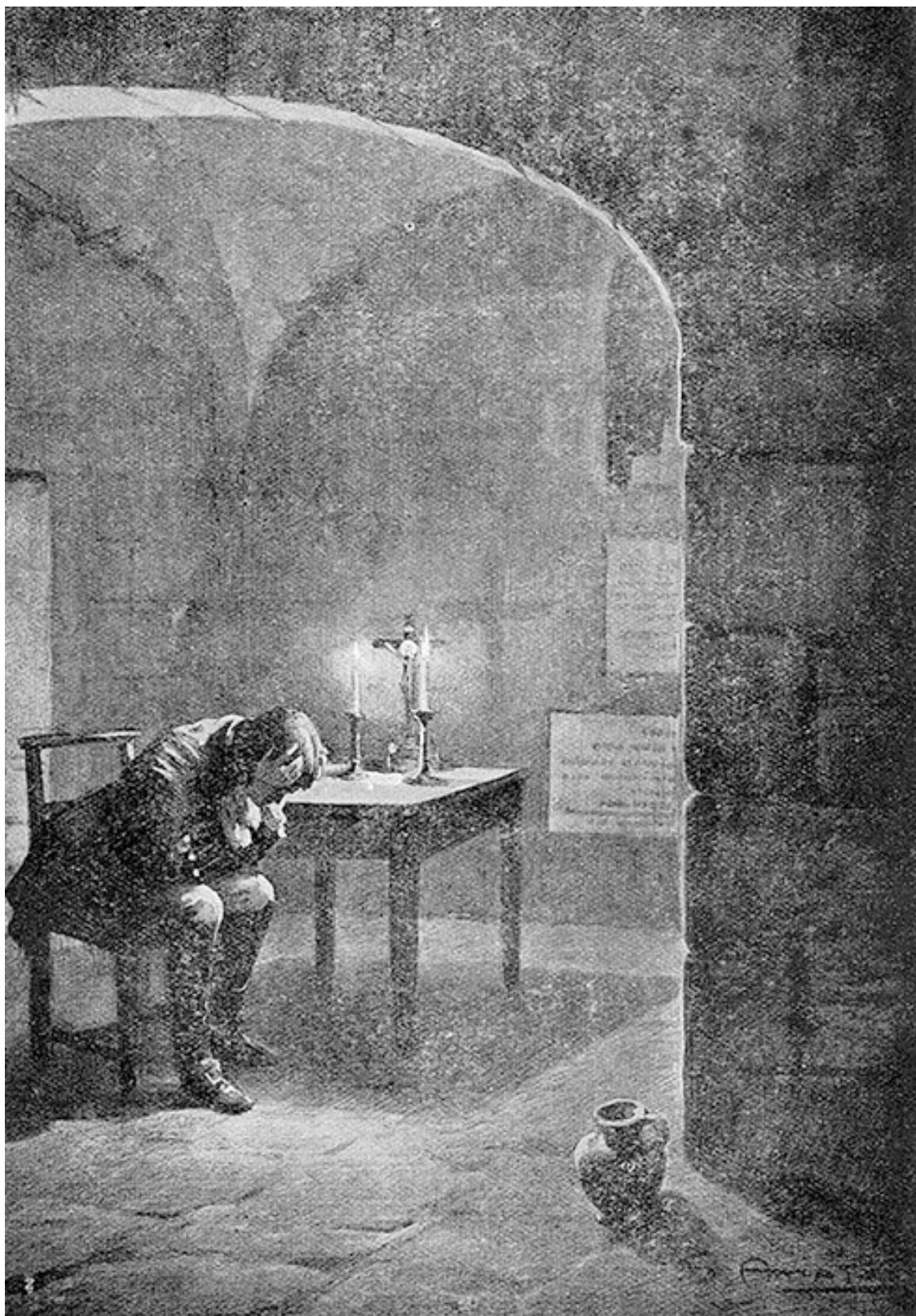
Взгляду бретонца открылось некое подобие молельни. На голой беленой стене ее висело железное распятие. Перед ним между двумя высокими напольными подсвечниками, в которых горели толстые свечи, стоял аналой. А ближе к двери на деревянной скамье сидел молодой мужчина. Наклонясь всем корпусом вперед, он упер локти в колени и подпирал руками скорбно склоненную голову. Вся поза его выражала безмерное отчаяние. Бретонец едва удержался от радостного крика. Он узнал своего капитана.

Приблизившись к баронету на цыпочках, Каменная Башка осмотрелся по сторонам, увидел вторую дверь, должно быть ведущую в коридор, и, убедившись, что с той стороны опасаться нечего, хлопнул капитана по плечу со словами:

– Тихо, сэр Уильям! Не кричите.

Резко вскочив, баронет оглянулся на него через плечо. Похоже, он не поверил собственным глазам, потому что в смятении помотал головой, словно стараясь отогнать туманные видения, и спросил сомневающимся тоном:

– Это что, сон?

– Нет, мой капитан, это явь. Неужто вы меня не узнаете? Это я, Каменная Башка, хотя и в платье палача.

– Но как ты здесь оказался?

– Это долгая история. Я расскажу вам ее в другой раз.

– Другого раза нам не представится: завтра меня повесят, – с печальной улыбкой ответил баронет. – Хау меня не помилует. Мой брат неумолим.

– Неужто вы в это верите?

– Как не верить... Мне сообщили, что бостонский палач уже здесь.

– Да, но не один. Он прибыл сюда вместе со мной и Малышом Флокко! – огорошил бретонец.

Отказываясь верить услышанному, баронет покрутил головой:

– Если так, вы настоящие дьяволы!

– Ну, это вы хватили, капитан. Просто два моряка не робкого десятка, которые хотят вновь увидеть вас на мостике «Громовержца».

– Скажи мне...

– Подождите, капитан. Прежде всего ответьте, был ли у вас уже капеллан?

– Он ушел спать и не появится здесь до рассвета.

– А не нагрянет ли сюда с проверкой какой-нибудь караульный?

– Если и так, он поднимет адский шум, снимая замок и отодвигая засов, – отвечал баронет. – Но скажи мне...

– Спрашивайте!

– Что Мэри? – сдавленно спросил несчастный.

– Ее увели из таверны и вернули маркизу, – отвечал бретонец. – Но не отчаивайтесь. Осажденные в таком положении, что о браке сейчас и речи быть не может. Да и брат ваш еще не поправился.

– Ты уверен?

– С чего мне вас обманывать, капитан?

– Ну да, – согласился баронет.

– Еще скажу вам, что бостонский палач для вас не страшен.

– Кто это сказал?

– Я! – объявил бретонец.

– Откуда такая уверенность?

– А вот откуда: он мой земляк. Чтобы бретонцы играли в грязные игры англичан? Да никогда! Он дал мне слово и, я уверен, сдержит обещание. Так что советую вам не оказывать сопротивления и позволить себя повесить.

– Что ты такое говоришь, Каменная Башка? – возмутился баронет. – Сейчас не время для шуток. Мне предстоит умереть постыдной смертью.

– Послушайте, капитан, – рассердился боцман, – я из кожи вон лезу, чтобы вас спасти. Говорю вам: позвольте себя повесить. Я обо всем позабочусь.

– Как так?

– Веревка лопнет, и вы тотчас окажетесь на земле.

– Каким чудом?

– Не тревожьтесь об этом, капитан. Мы обо всем позаботились, и американцы готовы прийти к нам на помощь.

– Американцы? – не поверил баронет. – А они-то тут с какого бока?

– Черт подери! Завтра во время казни люди полковника Молтри атакуют форт при поддержке вашего верного «Громовержца».

– Моего корвета?! – воодушевился корсар, и глаза его загорелись.

– Да, и наши пушки скажут свое слово, капитан. И уж поверьте мне, не шепотом.

– Так, значит, – проговорил баронет, остановившись перед боцманом, – я должен позволить накинуть веревку себе на шею?

– Как я пытаюсь вам втолковать, это будет всего лишь фарс, в финале которого пушки вашего «Громовержца» исполнят славную мелодию.

– Моего корвета... – с тоской повторил корсар. – Если бы только я мог вернуться на свой корабль, я бросил бы вызов всему английскому флоту.

– И вы вернетесь, капитан. Даю вам честное слово моряка.

Внезапно из коридора, ведущего к часовне, послышался шум.

– Черт... Караульные!

– Беги, Каменная Башка, – прошептал сэр Уильям. – Не позволяй им схватить и тебя.

В два прыжка бретонец достиг другой двери и бесшумно закрыл ее за собой.

– Мерзавцы! – пробормотал он. – Не видать вам его головы. Слово бретонца!

Сидевшие за столом бостонский палач и Малыш Флокко устремили на боцмана вопрошающие взгляды.

– Все хорошо, – успокоил их Каменная Башка. – Можно немного передохнуть. Клянусь Иль-де-Ба, после такого маетного денька не грех и поспать.

21. Штурм форта

Ночью ничто не тревожило их сон, однако, едва проснувшись, они с удивлением услышали несколько пушечных выстрелов.

– Это пушки с корвета! – вскричал Каменная Башка. – Я узнаю их из тысячи! Бежим наружу, скорей!

– Может, американцы готовятся напасть на форт? – предположил палач.

– Само собой! Должно быть, они еще затемно высадились на остров под прикрытием орудий «Громовержца».

– Неужели их план себя оправдает? – с надеждой спросил Малыш Флокко.

– Приятель, мы слышим залпы с корвета, а его орудия творят чудеса.

Поплутав по коридорам, они попали на плац.

Гарнизон был в панике. Казалось, англичане утратили свое хваленое хладнокровие. Солдаты бегали по двору, сустились, вопили. Офицеры, только и сохранившие способность рассуждать здраво, выкрикивали приказы, пытались перекрыть грохот канонады.

– Нет, эти долго не продержатся, – предрек бретонец. – Совсем потеряли голову. Давайте пройдемся немного и посмотрим, что будет дальше. Берегитесь ядер, друзья мои.

Несколько приставных лесенок вело на бастионы форта. Взобравшись по одной из них, Каменная Башка вскарабкался на выступающее четырехгранным углом укрепление-люнет, где двадцать канониров устанавливали пару орудий.

– Черт меня дери! – развеселился корсар. – Вот это да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.